

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 10 ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2023

**НАТАЛЬЯ
ГРОМУШКИНА:**

**«Я могу делать только то,
во что влюблена»**

*О жизни и творчестве художника Гюстава Кайботта
читайте на стр. 78*

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса театра, кино и мюзиклов
Наталья Громушкина
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.09.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

« В высшем свете не первый год ходила молва о красоте девиц Дьяковых, но статский советник Алексей Афанасьевич выдавать дочерей за первых встречных не спешил. Наконец старшая вышла замуж за князя Львова, а младшая — рассудительная красавица — Даша — так и не встретила того, кто покорил бы ее сердце, пока не оказалась в гостях у друзей. Там она познакомилась с молодой, симпатичной женщиной, которую все называли Пленирой — это имя дал ей супруг, известнейший поэт Гавриил Державин, тоже присутствующий на этом званом вечере. Когда Дарью представили поэту, она, подняв голову, встретилась взглядом с его веселыми глазами, и душа ее мгновенно обрушилась в какую-то бездну, о наличии которой до этого дня она даже не помышляла.

Тем более не помышляла, что вскоре станет супругой Гавриила Романовича и будет счастлива с ним до конца своих дней.....

Александр **Ралот.** «Хозяйка Званки»

« Гавриил Державин — поэт и драматург, просветитель и государственный деятель XVIII века. Он вошел в историю не только как писатель — Гавриил Романович прошел путь от гвардии рядового Преображенского полка до министра юстиции Российской империи и был личным помощником при дворе Екатерины II. Только выйдя в отставку, он полностью посвятил себя литературе. Его перу принадлежит первый неофициальный гимн России «Гром победы раздавайся!..»

«Река времен в своем стремленье...» — это последнее стихотворение Державина, которое он так и не успел закончить...

Светлана **Марлинская** «Искатель правды и справедливости»

« Многие слышали об операции «Утка» — по физическому устранению Льва Давидовича Троцкого, организаторами которой были Павел Судоплатов и Наум Эйтингон, а исполнителем — Рамон Меркадер. Надо было уничтожить не какого-то невинного пожилого человека, засевавшего в доме-крепости в Мексике, не эксцентричного ученого-теоретика, а врага существующего в СССР строя. Операция была приведена в исполнение 20 августа 1940 года. Вникать в ее подробности исключительно сложно, но интересно узнать подробности о конкретном исполнителе — Рамоне Меркадере, человеку с удивительной судьбой...

Николай **Долгополов** «Гном с ледорубом»

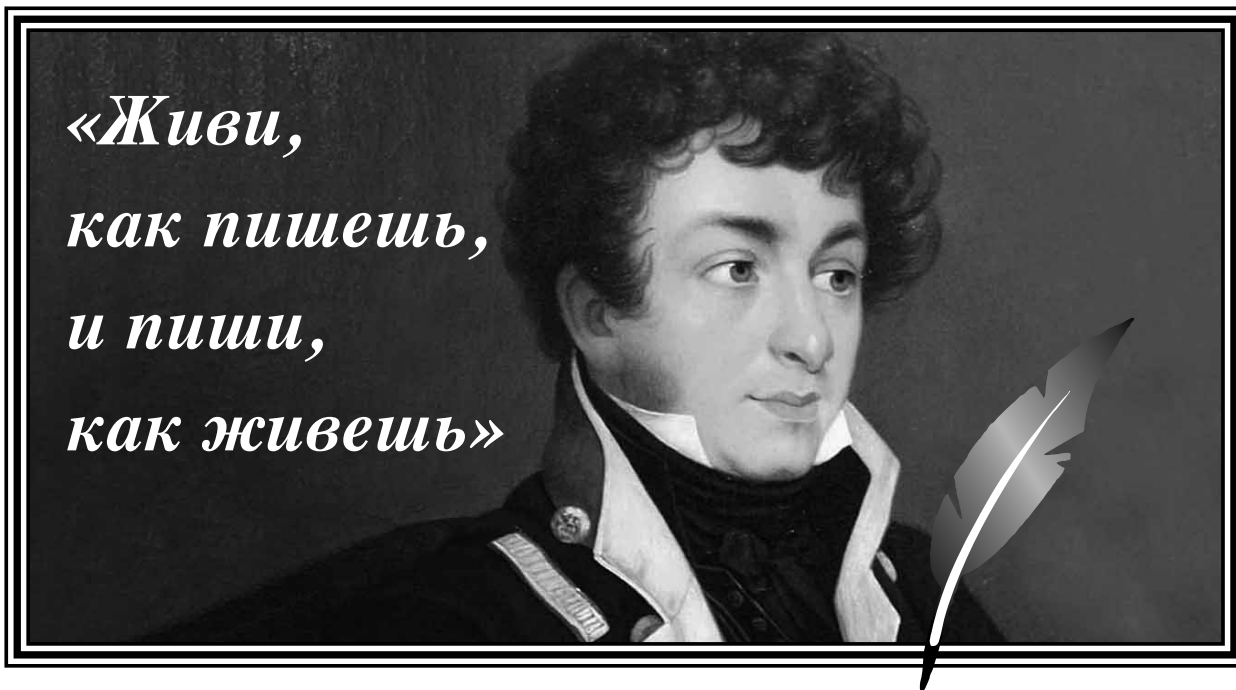
« Описывая эту женщину, то и дело прибегают к «металлическим» сравнениям: «железная женщина» (так называлась ее книга о Марии Закревской-Бенкендорф), «чугунная женщина» (так она сама себя называла), «Мисс Серебряный век» (с легкой руки поэта Андрея Вознесенского). Жизнь Нины Николаевны Берберовой была непростой и очень разной. Она успела застать все потрясения этого столетия, пожить во множестве стран, три раза побывать замужем и, в результате, сделать свой выбор — много лет прожить в одиночестве... Ее не стало в сентябре 1993 года. Согласно ее завещанию, еще год после ее кончины в ее доме горел свет. Зачем? Никто не знает. Просто изящный жест женщины, продлившей свою и без того долгую жизнь еще на год...

Евгения **Гордиенко** «Нина Берберова: не только Серебряный век»

« Окончание детектива Георгия **Ланского** «Ловушка для идеального мужчины»

Юрий Осипов

Константин Батюшков

*«Живи,
как пишешь,
и пиши,
как живешь»*

Он писал нежные стихи о любовной страсти в духе напевной итальянской поэзии и бесстрашно сражался в конном строю с мюратовскими эскадронами. Был ранен. Дружил со многими поэтами-современниками. Его любили дети и женщины. Им восторгался Пушкин. А сам он писал: «Я крутился в вихре военном и, как бабочка, утратил свои крылья». Но больше всего боялся сойти с ума, но, увы, не избежал печальной семейной участи.

В 1830 году, когда Пушкин навестил Батюшкова в Москве, тот его уже не узнал. «Уважим в нем несчастья и несозревшие надежды. Прощай, поэт», — отозвался о нем национальный гений в одном из писем. А Батюшков, пройдя оплаченный Александром I и ничего не давший курс лечения в саксонской клинике, был перевезен родными на родину и прожил в «сумеречном состоянии души» еще долгих 22 года у племянника в Вологде.

Стихов он больше не сочинял и в редкую минуту просветления признался: «Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный...» Речь здесь может идти о Пушкине, чье появление, по мнению Белинского, творчество Батюшкова во многом подготовило.

Действительно, наследственность у Константина Николаевича Батюшкова была тяжелой. Мать его лечили

от безумия долго и безуспешно. Сошла с ума и старшая сестра замечательного поэта, одного из основопо-

ложников романтического направления отечественной словесности, известного еще как сатирик, прозаик, переводчик и участник (с 1815 года) достопамятного литературного общества или дружеского кружка «безвестных людей» «Арзамас». В «Арзамас» Жуковский привел юного Пушкина. Там они с Батюшковым и познакомились.

Пушкину к моменту их встречи исполнилось 16, Батюшкову — 28. Он принадлежал к старинному дворянскому роду, был пятым ребенком и первым сыном Николая Львовича Батюшкова, человека просвещенного, но неуравновешенного и уязвленного с юности незаслуженной опалой: она постигла его в связи с делом дяди, Ильи Андреевича, уличенного в заговоре против Екатерины II. Мать, урожденная Бердяева, заболела душевной болезнью, когда сыну был шесть лет, и вскоре умерла.

Устюженский район Вологодской области — малая родина Батюшкова. Здесь, в родовом имении Даниловское, прошло его детство. Потом были престижные французские пансионы Петербурга, которые он оставил на шестнадцатом году жизни, предавшись чтению русской и французской литературы, а затем под влиянием дядюшки в совершенстве изучил латынь. С ней в круг чтения будущего поэта вошли произведения древнеримских классиков Овидия, Тибула, Горация, которым он подражал в ранних стихах, и произведения классической итальянской

поэзии, чьим стойким приверженцем он сделался.

Дядюшка Константина, Михаил Никитич Муравьев, в буквальном смысле заменил ему родителей. Это был один из самых просвещенных людей своего времени, друг Карамзина, попечитель Московского университета, сенатор, впоследствии товарищ (по тем временам — заместитель) министра народного просвещения, знаток античности и сам недурной поэт. И к тому же — отец двух будущих декабристов, один из которых, Никита, возглавил затем Северное общество и написал либеральный проект конституции. В доме Муравьевых царила литературная атмосфера, собирались известные писатели. Ну а в северной столице цвет литературного общества составляли Державин, Львов, Капнист, Оленин, которые ввели Батюшкова в свой избранный круг.

Но его ждала служба в министерстве народного просвещения. Там у молодого человека завелись новые приятели, примыкавшие к карамзинскому направлению в литературе и основавшие «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Вы скажете: расплывчато. Не спорю. Однако среди членов общества были и видный поэт-публицист Пнин, и сам Гнедич, уже обдумывавший поэтический перевод на русский язык гомеровской «Илиады». Автор обличительного «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищев и один из ярких

представителей золотого века отечественной поэзии Языков, называвший себя «поэтом радости и хмеля», тоже входили в состав общества и оказывали младшему собрату благосклонное внимание.

Вращаясь в их кругу, Константин тоже потянулся к литературе и начал пробовать свои силы в поэтическом творчестве. В 1805 году на страницах журнала «Новости русской литературы» было напечатано первое стихотворение Батюшкова «Послание к стихам моим». Оно уже предвещало будущий расцвет его таланта.

К тому времени начались победоносные наполеоновские войны, в которых Россия Александра I принимала самое непосредственное участие с немалым уроном для себя. Как и у большинства дворянской молодежи, в душе начинающего мечтательного пиита взыграли патриотические чувства, и, несмотря на категорический запрет отца, он записался в ополчение. Он был назначен командиром милиционного батальона и получил рану в кровопролитнейшей битве под прусским городом Гельсбергом, где русская армия под командованием Беннигсена одержала над цветом французской армии во главе с Бонапартом тактическую победу.

Батюшкова наградили орденом Св. Анны 3-й степени и отправили на двухмесячное лечение в Ригу, а потом — в родовое село Даниловское. В походе и на лечении он писал стихи и взялся за перевод

рыцарской поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Стихи получались хорошие, особенно — «Выздоровление» и «Воспоминания 1807 года». Последнее вдохновила вспыхнувшая в Риге любовь Константина к дочери местного купца, не имевшая продолжения.

Соблазн целиком предаться после выздоровления литературному творчеству уступил место чувству воинского долга. В следующем году Батюшков возвращается на действительную службу, чтобы в составе гвардейского егерского полка отправиться на войну со Швецией (последнюю в серии русско-шведских войн). В боевых действиях под командованием Багратиона проявил себя молодцом, участвовал в героическом победном походе на Аланские острова, а по окончании войны выхлопотал в полку длительный отпуск и поехал погостить к родным незамужним сестрам аж под Ярославль — в село Хантаново. И повсюду его сопровождали собственные стихи, которые постепенно становились (увы, на весьма непродолжительный срок долгой жизни Константина Николаевича) главным призыванием этой возвышенной души.

Роковое наследие матушкиной болезни обнаружилось у поэта как раз в тот период. Впечатлительность его стала доходить до отчетливых галлюцинаций. Он писал Гнедичу: «Если я проживу еще лет десять, то, наверное, сойду с ума». В декабре

1809-го он приехал в Москву и близко сошелся с дядей Пушкина, салонным поэтом и первым наставником гениального племянника Василием Львовичем, а также с авторитетным литератором, историком, публицистом, будущим старшим приятелем Пушкина, Петром Вяземским, и еще с известным издателем, журналистом, переводчиком и литературным критиком Александром Воейковым. Кроме того, свел знакомство с Василием Жуковским.

гнанию сквозь строй» и умер в полковом госпитале. Еще одного лицейского друга Пушкина, декабриста Кюхельбекера, сгноили в сибирской ссылке. Другой поэт-декабрист Бестужев, посланный царем на Кавказ «для выслуги», погиб от пули горцев...

Среди этого скорбного ряда Батюшков стоит как бы особняком. Он прожил до 68 лет, однако его творческая смерть относится к началу двадцатых, когда ему было всего 34 года.

Вращаясь в кругу «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», Константин тоже потянулся к литературе и начал пробовать свои силы в поэтическом творчестве. В 1805 году на страницах журнала «Новости русской литературы» было напечатано первое стихотворение Батюшкова «Послание к стихам моим». Оно уже предвещало будущий расцвет его таланта

Мы знаем о трагической судьбе поэтов пушкинской поры. Вслед за Пушкиным был убит на дуэли Лермонтов. Сгорел от скоротечной чахотки, вызванной допросами в 3-м отделении тайной полиции, подававший огромные поэтические надежды Веневитинов. Странная внезапная смерть закадычного друга Пушкина, Дельвига, напрямую связывалась современниками и позднейшими исследователями с шефом корпуса жандармов Бенкендорфом. Разжалованный в солдаты Полежаев был приговорен Николаем к «про-

Именно в 1821-м он пошлет из Неаполя следующие горькие строки: «Оставляю поле словесности... Обещаю даже не читать критики... ибо я совершенно и, вероятно, навсегда покинул перо автора». Это обещание он сдержит, а до того грустного момента подарит нам удивительные лирические стихи, которые, по меткому определению Белинского, не только «слышимы ухом, но и видимы глазом: хочется оцупать извивы и складки их мраморной драпировки».

Первые поэтические опыты Батюшкова по достоинству оценил Ка-

рамзин, у которого Константин Николаевич часто стал бывать. О них высоко отзывался князь Вяземский, пригласивший Батюшкова провести лето в его подмосковном имении Остафьево. За столь рано оборвавшимся творчеством этого оригинального лирика внимательно следил Жуковский. «Звуки итальянские, что за чудотворец этот Батюшков!» — оставит восторженный отзыв Пушкин на полях батюшковского стихотворения. И впрямь, помимо Пушкина у Батюшкова не было в то время соперника в области поэтической образности и мелодики.

Смелый новатор, поборник тщательной отделки слова, хорошо владевший итальянским языком, он перенес в еще тяжеловесную торжественную русскую поэтику первого десятилетия 19-го века мелодичность и экспрессию итальянского стиха. Пушкин шел вслед за Батюшковым. Лицейские стихи Пушкина были написаны под влиянием его поэзии. Только тому для творческого воплощения понадобились десятилетия, а Пушкину — от силы, четыре года. Главное же, что после Батюшкова приход Пушкина был уже неизбежен.

«О, память сердца! Ты сильней \\ Рассудка памяти печальной \\ И часто сладостью своей \\ Меня в стране пленяешь дальней...» Вот до какой музыкальности доходит поэт в этом небольшом лирическом шедевре, который А. Майков ошибочно приписывал Пушкину (комплимент!).

Начало 1812-го года ознаменовалось для Константина Николаевича поступлением на службу в петербургскую Публичную библиотеку помощником хранителя манускриптов. К этому его усиленно подвигнул Гнедич, а помог получить место видный государственный деятель, историк и археолог Алексей Оленин. Вместе с Гнедичем сослуживцами Батюшкова там оказались великий баснописец и умнейший человек под маской ленивого сибарита Крылов, будущий министр народного просвещения граф Уваров, а также другие весьма примечательные и влиятельные лица. Расширился и круг светских знакомств начинающего поэта.

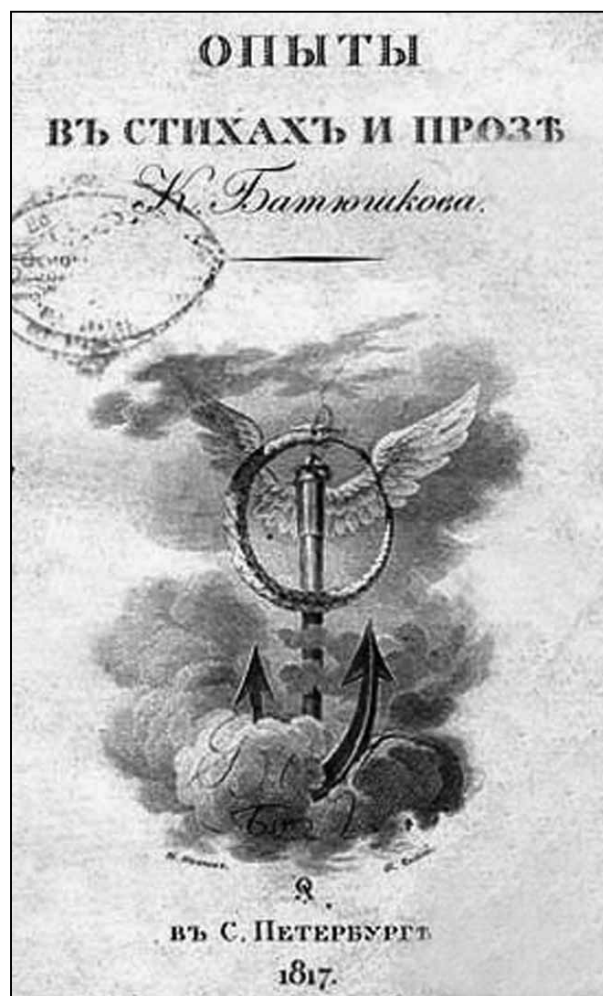
Отечественная война вновь пробудила в нем пылкое патриотическое чувство. Он рвался в армию, но состояние здоровья и проводы в Нижний Новгород из оставленной французам Москвы супруги любимого дяди, Екатерины Федоровны с детьми, задержали осуществление этого намерения. В армию он попал только в марте 1813-го и был зачислен штабс-капитаном в Рыльский пехотный полк.

Еще до того, вернувшись из Нижнего в Петербург, Константин Николаевич страстно влюбился в достойную молодую девушку Анну Фурман, воспитывавшуюся в доме Олениных. Он сделал ей предложение, и опекуны девушки настояли на ее согласии. Решение вопроса о браке было отложено до возвра-

щения жениха из зарубежного похода. И вновь мечтательный поэт отлично проявил себя на поле брани. Он прошел весь боевой путь до Парижа адъютантом легендарного генерала Раевского (чья прелестная дочь Александрина выйдет замуж за Никиту Муравьева и привезет мужу на каторгу, спрятав в шиньоне, врученное ей Пушкиным «Послание в Сибирь»). Бок о бок с Н. Муравьевым Батюшков героически сражался в трехдневной ожесточенной «битве народов» под Лейпцигом, когда был убит его близкий друг, полковник лейб-гвардии Егерского полка Иван Петин, памяти которого Батюшков посвятил свое едва ли не самое совершенное стихотворение «Тень друга».

*Под небом сладостным
отеческой земли...
Мечты сменялися мечтами
И вдруг... то был ли сон?...
предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертью над
Плейсскими струями.*

*Все спало вокруг меня под кровом
тишины.
Стихии грозные казались
безмолвны.
При свете облаком подернутой
луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали
волны.
Но сладостный покой бежал
моих очей,*

*И все душа за призраком летела,
Все гостя горнего остановить
хотела:
Тебя, о, милый брат! о, лучший
из друзей!*

За доблесть в сражении под Лейпцигом Батюшков вновь был награжден орденом Святой Анны, уже II-й степени, и получил приказ о переводе в Измайловский гвардейский полк. Перевод в гвардию, однако, затянулся, и поэт, выйдя в отставку, через Англию, Швецию и Финляндию возвратился в Петербург. А там, не встретив искреннего и горячего ответного чувства в своей

избраннице, отказался от женитьбы на ней. Позже он объяснил добрейшей Екатерине Федоровне причину своего отказа: «Не иметь отвращения и любить — большая разница. Кто любит, тот горд».

Последствием этих любовных переживаний явилось сильнейшее нервное расстройство, которое Константин Николаевич перенес в 1815 году и от которого так и не оправился. Его еще усугубила смерть отца. Утешение поэт нашел в пробудившемся религиозном чувстве. Но

Песней, ушедшей в народ, стали первые строфы батюшковского стихотворения «Разлука»: *«Гусар, на саблю опираясь, \\ В глубокой горести стоял; \\ Надолго с милой разлучаясь, \\ Вздыхая, он сказал: \\ «Не плачь, красавица! Слезами \\ Кручине злой не пособить! \\ Клянусь честью и усами // Любви не изменить!..»*

Зато последняя строфа проникнута глубокой философской печалью: *«Все здесь, друзья, изменой дышит \\ Теперь нет верности нигде *

Первые поэтические опыты Батюшкова по достоинству оценил Карамзин, о них высоко отзывался князь Вяземский, за творчеством оригинального лирика следил Жуковский, с восторгом отозвался о его стихах и А.С. Пушкин: «Звуки итальянские, что за чудотворец этот Батюшков!» И впрямь, помимо Пушкина у Батюшова не было в то время соперника в области поэтической образности и мелодики

справиться с овладевшей им тоской ему было трудно. Он обратился за советом к Жуковскому, и тот постоянно ободрял его в письмах, убеждая дать волю своему поэтическому призванию. Батюшков последовал совету мудрого старшего друга и создал в те годы 12 прекрасных стихотворений и 8 прозаических произведений. Все они составили первую и единственную книгу Батюшкова, опубликованную в 1817 году и носящую название «Опыты в стихах и прозе».

Амур, смеясь, все клятвы пишет \\ Стрелю на воде».

Еще до выхода книги Батюшкова заочно приняли в 1815 году в члены литературного общества «Арзамас», где его ждала встреча с юным Пушкиным, и где он получил кодовое имя «Ахилл» (вчерашнего лицеиста Пушкина там называли «Сверчком»). Веселые заседания Общества несколько утишали депрессию, все сильнее овладевавшую Константином Николаевичем. Поэзия (своя

и чужая) пока еще пьянила и будоражила его мечтательную натуру. И если Пушкин в Царскосельском лицее восторгался батюшковскими стихами, то и Батюшков сразу распознал огромный пушкинский дар, выразив впечатления от одного из ранних стихотворений младшего собрата фразой: «О! Как стал писать этот злодей!»

Подобно великим поэтам его времени, таким, как Жуковский, Пушкин и вслед за ним Лермонтов и Тютчев, Батюшков заботился о формировании нового литературного языка. Торжество России в войне с Наполеоном стало для них доказательством духовной мощи нации, которая должна сказаться и в языке народа-победителя, потому что, как писал Батюшков, «язык идет всегда наравне с успехами оружия и славой народной». Коллег он призывал поравнять «славу языка его (народа) со славой военную, успехи ума с успехами оружия».

Такие же задачи ставил перед собой автор «Тени друга» и в прозе. Среди прозаических произведений, отличающихся несомненными стилистическими достижениями, у Батюшкова есть подлинные жемчужины — «Похвальное слово сну», «Отрывок из писем русского офицера...» и некоторые другие. Особое место занимает записная книжка поэта под названием «Чужое — мое сокровище». В ней собраны переводные отрывки, воспоминания, наброски, мысли. Безусловный инте-

рес представляет обширная переписка Батюшкова с друзьями, прежде всего — с Гнедичем, которому он адресовал 85 писем.

И все же главным делом сознательной жизни Константина Николаевича были стихи. Страстный поклонник классических итальянских поэтов, он, в отличие от талантливейших франкофилов-соотечественников, не имел предшественников и совершенно самостоятельно вырабатывал свою оригинальную гармонию стиха. Основная черта стихотворений Батюшкова — их необыкновенная искренность. «Живи, как пишешь, — говорил он, — и пиши, как живешь: иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы».

Поэзия Батюшкова находилась в тесном взаимодействии с его жизнью. Как и жизнь поэта до поступления на воинскую службу, так и поэтическое творчество его было бессодержательным, отвлеченным, умозрительным. Серьезные смысловые мотивы появляются в стихах после опыта европейских военных походов и сражений (взять хотя бы такие стихотворения, как «Переход через Рейн», «На развалинах Швеции»). Тогда же он привносит в свои стихи и чисто народную тематику, которая будет позднее масштабно разработана Пушкиным, вообще подражавшим в юности Батюшкову. Недаром Белинский напишет годы спустя о Батюшкове: «Такие стихи и в наше время превосходны, при

первом же своем появлении они должны были породить общее внимание, как предвестие скорого переворота в русской поэзии». По мнению великого критика, Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин «явился таким, каким явился действительно...»

Константин Николаевич вынашивал планы поэм «Рюрик», «Русалка» (ее напишет Пушкин), задумал сказку «Бельядера». Разочарования после возвращения на родину, несчастная любовь и, прежде всего, страшный душевный недуг, подтачивавший его силы, не дали развиваться высокому поэтическому дару Батюшкова, только вступившему в зрелый период...

Весной 1818 года Александр Тургенев, крупный чиновник и историк, брат декабриста Н.Тургенева, близ-

кий ведущим деятелям литературы и науки, выхлопотал Батюшкову место при дипмиссии в Неаполе. Об Италии Константин Николаевич грезил с раннего детства, и предполагалось, что поездка эта развеет его хандру. Однако теперь, когда исполнялась заветная мечта поэта побывать в стране Данте и Ариосто, он отнесся к извещению Тургенева весьма холодно: разочарование жизнью владело им. «Я знаю Италию, не побывав в ней, — говорил он, — ...там не найду счастья... уверен даже, что буду грустить о снегах родины и о людях мне драгоценных».

И все же Италия произвела на Батюшкова сильное впечатление. Порадовали красоты природы, памятники архитектуры, шедевры живописи и особенно встречи с русскими художниками — Сильвестром Щедриным и Орестом Кипренским, жившими тогда в Риме. Но вскоре тоска по России вернулась, а с ней — подавленное состояние духа вкуче со служебными неприятностями. Отпуск по лечению он использовал для поездки на воды в Германию.

Между тем наследственная психическая болезнь обострялась, вылившись в манию преследования. У Батюшкова возникли стойкие подозрения, что за ним охотятся какие-то тайные враги. Впрочем, имелся и конкретный повод к душевному расстройству: в 1821-м году Петр Плетнев, поэт и литературный критик из ближайшего окружения Пушкина, анонимно поместил в «Сыне Отече-

ства» достаточно бестактное стихотворение «Б...ов из Рима».

Спасаясь от мучившего его «таинственного и неведомого», поэт весной 1822-го отправился в Крым,

ло с летами и чуть не зачернило всю душу. Бог и рассудок спасли. Надолго ли — не знаю!»

В 1830 году несчастного собрата навещил в Москве Пушкин, напи-

Жуковский постоянно ободрял поэта в письмах, убеждая его дать волю своему поэтическому призванию. Батюшков последовал совету мудрого старшего друга и создал 12 прекрасных стихотворений и 8 прозаических произведений. Все они составили первую и единственную книгу Батюшкова, опубликованную в 1817 году и носящую название «Опыты в стихах и прозе»

в который он, пока был здоров, верил, как в рай земной. Однако летом в Симферополе, где Батюшков неоднократно покушался на самоубийство, врач констатировал у него сумасшествие. Его привезли в Петербург на попечение Муравьевой, а затем отправили в частную психиатрическую клинику в Саксонии. Средства на лечение, как уже упоминалось выше, дал Александр I. В клинике Батюшков провел безо всякой пользы для себя четыре года, и в 1827 году было принято решение перевезти его в Россию.

В Москве припадки у Константина Николаевича почти прекратились, и болезнь приняла тихое, спокойное течение. Сам он прекрасно отдавал себе отчет в том, что с ним происходит. Еще в 1815 году писал Жуковскому: «С рождения я имел на душе черное пятно, которое рос-

савший потом, очевидно, под тягостным впечатлением этой встречи стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума...»

Спустя три года уволенному со службы Батюшкову император назначил в опекуны его племянника Григория Гревенса. Несчастливого поэта поселили в отдельном доме в Вологде, где он просуществовал в плену безумия еще 22 года.

Там началось самое плохое. Но не с ним лично. «Заботливый» племянничек принялся, не безвозмездно по всей вероятности, демонстрировать своего некогда широко известного дядюшку как местную достопримечательность.

Критик Степан Шевырев вспоминал: «А.В. Башинский привел меня к начальнику удельной конторы Г. Гревенсу, в доме которого живет Константин Николаевич Батюшков...

Небольшого роста человек сухой комплекции, с головкой почти совсем седою, с глазами, ни на чем не остановленными, но непрерывно разбегающимися, предстал передо мною... На вид ему лет пятьдесят или более. Так как мне сказали, что он любит итальянский язык и читает на нем иногда книги, то я начал с ним говорить по-итальянски, но проба моя была неудачна. Он ни слова не отвечал мне, рассердился и быстрыми шагами вышел из комнаты. Через полчаса, однако, успокоился, и мы вместе с ним обедали».

Константин Батюшков умер в 1855 году от тифа. Похоронен под Вологодой на кладбище Спасо-Прилуцкого монастыря. В могильной ограде установлен белый мраморный памятник в виде креста с крестовым навершием. Он является объектом культурного наследия, и у него непростая история. Надгробие поэта почему-то

неоднократно переносили с места на место по территории монастырского некрополя и только в 2020 году путем различных замеров и методом компьютерного совмещения старинных фотографий могилы удалось определить, что она расположена под полувековым вязом.

Жизненная трагедия Батюшкова лишней раз напоминает о превратностях судьбы, но не умаляет просветленного взлета его творчества, оставившего немеркнувший след в истории русской литературы. Эпитафией ему вполне может служить пушкинское стихотворение, посвященное их общему другу и наставнику Жуковскому:

«Его стихов пленительная сладость \ \ Пройдет веков завистливую даль, \ \ И, внемля им, вздохнет о славе младость, \ \ Утешится безмолвная печаль, \ \ И резвая задумается радость».

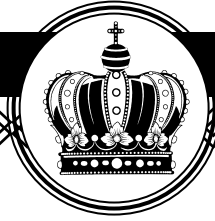
Константин Батюшков

МОЙ ГЕНИЙ

О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной

Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный,
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он;
Засну ль?— приникнет
к изголовью
И усладит печальный сон.

1815 год

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Фамилия этой смолянки сохранилась в истории благодаря ее матери и бессмертным строкам великого поэта. О том, что «наше все» отзывался об Анне Петровне Керн весьма негативно, мало кто знает, а вот «Я помню чудное мгновенье...» известно всем.

Подошло время, когда семнадцатилетнюю Анну родители стали «вывозить в свет». Блистательные офицеры мгновенно обратили внимание на весьма начитанную, обаятельную и совершенно не стеснительную юную особу. Однако властный отец был начеку, никаких вольностей дочери не позволял. От греха подальше быстренько познакомил ее с генералом Ермолаем Керном и проследил за тем, чтобы общение дочери с пятидесятидвухлетним воякой продлилось как можно дольше. Будущий супруг не вызывал у Анечки никаких чувств, однако послушаться грозного родителя девушка не решилась...

1818-Й ГОД

Анна родила генералу дочку Катеньку. Крестным отцом малютки соблаговолил стать сам император Александр...

Между тем, мира в семье не было, супруги ссорились с завидной регулярностью, и Анна в пылу спора кричала, гневно глядя на мужа:

— Ну как ты не поймешь! Материнские заботы не для меня! В конце концов у нас в достатке дворовых нянек и гувернанток, вот пусть они девочку и воспитывают! Я хочу в свет, в высшее общество, а вме-

сто этого обязана сопровождать твою милость в поездках по гарнизонам!

— Но, дорогая, я же давал присягу самому государю-императору и не изменю ей до конца своих дней, буду верой и правдой служить там, куда меня сочтут нужным послать! Да будет тебе известно, что мой портрет, наряду с другими, висит в Военной галерее самого Зимнего!

— Ну что ж, отныне я буду развлекать себя сама. Ездить во дворец и показывать знакомым портрет моего выдающегося мужа! — Анна закрыла глаза и представила на миг

восторженные взгляды подчиненных офицеров супруга-генерала.

— В таком случае, я незамедлительно стану ходатайствовать о том, чтобы нашу дочь воспитывали не доморощенные гувернантки, а классные дамы Смольного института благородных девиц!

— Вот в этом я с тобой согласна! Полностью! Пусть будет по-твоему! — Посчитав диалог с мужем законченным, Анна, не прощаясь, спешно удалилась на свою половину...

Спустя некоторое время Анна, наконец-таки, избавилась от «уз Гименея». Развелась с генералом и уехала из очередного провинциального гарнизона в столицу. Обворожительная и обольстительная!

«Как же замечательно иметь не один, а сразу несколько романов! С Глинкой, с братом поэта Левушкой, а еще с самим господином цензором Никитенко и, конечно же, с Дельвигом! Отрадно смотреть на забавного и влюбленного композитора, когда я посылаю некоторые намеки седовласому Сергею Львовичу Пушкину, между прочим, отцу сразу двух моих любовников! А что тут такого? К тому же он сам очень даже любвеобильный господин!» — думала Анна, рассматривая свое отражение в дорогом венецианском зеркале и поправляя один локон за другим...

1830-Е ГОДЫ

Постаревшая Анна сидела в пустой квартире. Наполненный до

Анна Керн

краев бокал французского шампанского сегодня не вызывал у нее положительных эмоций. Одна за другой ушли в мир иной две дочери. Прежние друзья и поклонники, как по команде, перестали докучать безутешную мать своими визитами и вниманием. Бывший муж отомстил в генеральской манере: лишил госпожу Керн материального содержания. Она пыталась заработать кое-какие деньги переводами иностранных авторов, однако конкуренция в этом деле оказалась более чем серьезная.

Единственная отрада — оставшаяся в живых дочь Катюша. Умница! Окончила с отличием Смольный институт и уехала к старику-отцу, коменданту Смоленска.

«Надо будет перемолвиться кое с кем из бывших ухажеров, пусть по старой памяти поспособствуют, найдут подходящее место для доченьки. И тогда рядом будет не просто живая душа, а родная кровинушка-дочь», — решила Анна, подняла бокал с шампанским, залпом выпила и решительно достала из резного бюро писчие принадлежности...

1837-Й ГОД

Хлопоты не пропали даром. Катюша перебралась в Санкт-Петербург,

жила в квартире матери и устроилась в Смольный институт на должность классной дамы. Жизнь постепенно наладилась, к тому же за Катей усиленно ухаживал бывший «друг» матери Михаил Глинка.

«Дай бог, чтобы у них все получилось, — вздыхала Анна, — внучек хочу! Сама буду воспитывать без всяких там смольных институтов!»

1839-Й ГОД

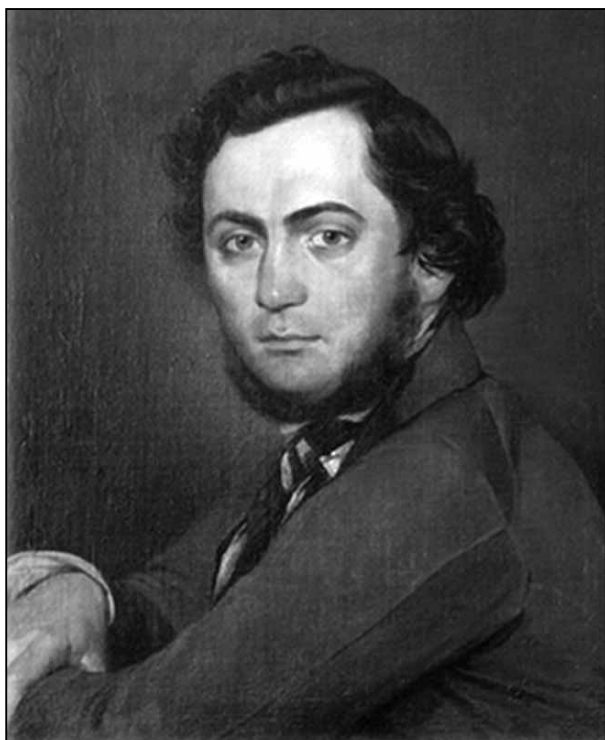
Михаил Иванович Глинка и сам не заметил, как влюбился в девушку, похожую на предмет его бывших вздыханий. Ну и что с того, что она моложе на целых четырнадцать лет, история и не такое знавала. Главное, чтобы взаимность возникла, тогда и сватов посылать не грех! Катеньке он посвятил восхитительный Вальс-фантазию, а сейчас, наконец-то, завершена работа над чудесным подарком для любимой — романсом на стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье...»

Так дочь и мать обессмертили себя благодаря двум гениям земли русской...

ВЕСНА 1840 ГОДА

Катюша заболела, причем серьезно. Врачи вроде бы распознали чахотку и советовали побыстрее покинуть промозглую столицу и

Михаил Иванович Глинка

Екатерина Ермолаевна Керн

уехать на юг — к солнцу, свету. По дороге было решено заехать в Михайловское. Михаил Иванович в это же время засобирался к больной матери в Смоленскую губернию и время подгадал так, чтобы часть пути проехать вместе с Екатериной, надеясь, что совместная дорога сблизит их и, в конце концов, приведет к алтарю.

Но судьба распорядилась иначе — они расстались...

И все же Катюша, надеясь, что Глинка вернется, отказывала то одному, то другому кандидату в супруги и, наперекор всему, была уверена, что удастся «войти в реку» во второй раз. Увы, и в этот раз не получилось...

Тем временем годы брали свое, и бывшая смолянка ответила согласием юристу Шокальскому. В этом браке родился сын Юлий. Спустя десять лет Екатерина Керн-Шокальская овдовела и осталась без средств к существованию, лишь один только сын Александра Сергеевича Пушкина Григорий присылал время от времени кое-какие деньги.

Хоть и трудно, но надо было как-то выживать, и Катюше пришлось устроиться гувернанткой в один богатый дом. Ее труды и старания не прошли даром. Юлий получил достойное образование, а после революции возглавил Русское Географическое общество. Стал академиком!

ГЕНЕРАЛЬША

ГЕНЕРАЛЬША

Директриса Института благородных девиц Мария Павловна Леонтьева, поправив малый крест ордена Святой Екатерины, поманила к себе запыхавшуюся от танцев вос-

питанницу и, когда та приблизилась, кивнула ей:

— Оленька, здравствуйте.

Девушка, облаченная по случаю выпускного бала в нарядное платье, исполнила безупречный книксен и, потупив глаза, пробормотала:

Ольга Николаевна Скобелева

— И вам здравствовать многие лета, Мария Павловна!

— Вот и закончились годы твоего пребывания в этих стенах. Чем думаешь заниматься далее? Как обычно, во фрейлины?

— Простите великодушно, но нет. Светские балы уж точно не для меня. С детства мечтаю посвятить себя делу помощи больным и раненым.

— Ну что же, это занятие праведное, богоугодное. Я могу тебе чем-то помочь? Похлопотать. Может, замолвить словечко министру двора?

— Нет, Мария Павловна, не надо.

— А что так? Или уже имеется какой-то меценат?

— Сосватана я. Папенька решили выдать меня замуж за господина Дмитрия Ивановича Скобелева.

— В таком случае прими мои искренние поздравления. Николай Петрович своей дочери плохого не пожелает. Поверь моему опыту, офицер армии его императорского высочества — совсем неплохая партия.

Спустя год у четы Скобелевых появился первенец, нареченный Михаилом, а затем Бог послал им еще трех дочерей...

1877-Й ГОД

— Неужто оба отправляетесь на Балканы? — окинула строгим взглядом своих мужчин бывшая смолянка.

Отец и сын синхронно, по-военному четко кивнули:

— Такова воля государя императора и наш долг. Мы же присягу давали! Освободить от турецкого гнета братьев-болгар — святая честь каждого русского воина!

— В таком случае, я еду с вами!

— Воевать?! — В глазах сына заиграли озорные чертики. — Мне приказано командовать отрядом под Плевной, а отец со своей кавказской казачьей дивизией наверняка будет сражаться в другом месте. Кого именно наша «маман» соизволит сопровождать?

Дмитрий Иванович Скобелев

— Не паясничай! Ответ тебе известен. Я всегда поддерживала твой взгляд на политику в славянском вопросе. У меня уже есть некоторые подвижки в решении проблемы помощи больным и раненым. Болгарский отдел Общества Красного Креста обещал оказать твоей матери всестороннее содействие.

— Это, конечно, замечательно, однако позволю себе напомнить: на Балканах не танцуют — пока, а воюют. Опасно. Очень!

— Я же жена и мать российских офицеров! И то, что ты говоришь, никогда ранее меня не останавливало, а теперь тем более! Хочу основать в тех местах приют для сирот. Кто, по-твоему, должен воспитывать детей, родители которых были замучены и убиты? Где их учить? Прекрасно же знаешь, какая там обстановка со школами!

— Это нелегкая задача. Она потребует невероятных усилий и недюжих организаторских способностей, — вмешался в разговор старший Скобелев. — Однако должен заметить, что всеми этими способностями Всевышний наделил нашу Ольгу Николаевну в полной мере. Да и мужества у нее, пожалуй, поболее нашего с тобой будет. С богом, дорогая моя, раз ты уже все решила, значит, так тому и быть. От судьбы не убережешься! И все же давай с тобой условимся: твоя благородная миссия в те земли начнется только после того, как наша доблестная армия станет одерживать

весомые победы. Согласись, что заниматься школами и приютами подле театра военных действий — абсурдное занятие!

Но судьба и на этот раз внесла свои коррективы. Дмитрий Иванович Скобелев внезапно скончался на пятьдесят девятом году жизни, в последние дни 1879-го года. После похорон супруга вдова, не мешкая, отправилась на Балканы претворять в жизнь свои грандиозные планы, да и к любимому сыну Михаилу быть поближе...

1880-Й ГОД

Глава болгарского отдела Общества Красного Креста Ольга Николаевна Скобелева не желала слушать никакие увещевания:

— Что значит — опасно? Здесь кругом война. Жизнь вообще весьма непредсказуема. Я сюда прибыла, чтобы помогать братьям по вере нашей! Приют в Филиппополе для двухсот пятидесяти сирот, родители которых приняли мученическую смерть, функционирует! Вот и образцовая сельскохозяйственная школа, с церковью, в память моего покойного мужа, даст бог, будут возведены. Извольте запрягать экипажи, поедем осматривать окрестности. С собой беру прислугу. Да не переживайте вы так! Далее селения Чирпак не поедем, пять километров всего лишь. Ничего дурного с нами приключиться не может. Все же знают, что поблизости располага-

ется штаб моего сына, генерала Скобелева!

...Бандитский посвист вынудил коляску остановиться. Главарь разбойников и «по совместительству» капитан румелийской полиции Узатис выхватил шашку... Первой погибла Ольга Николаевна, за ней мученическую смерть приняли горничная и кучер. Сбежать удалось лишь сопровождающему их унтер-офицеру. Через какое-то время убийц окружили. Главарь, поняв, кого он ограбил и лишил жизни, а также боясь праведного гнева, застрелился на месте...

Боевой генерал Михаил Дмитриевич рыдал как ребенок. Сутки не выходил из походной палатки. Ольгу Николаевну привезли на родину и тихо похоронили в родовом имении после отпевания в церкви...

Прошло два года. После смерти бывшей смолянки почитаемый всем народом и обласканный властями генерал Скобелев неоднократно твердил о своей скорой кончине. На полном серьезе утверждал, что отдал распоряжение изготовить для себя склеп в родовом имении, в селе Спасское-Заборовское. Увы, предчувствие его не обмануло...

Бездыханное тело генерала нашла в своем номере гостиницы «Англия» никому не известная Шарлотта Альтенроз и тут же вызвала полицию и врачей. Согласно вскрытию, произведенному прозектором Московского университета, причи-

нами смерти признаны одновременные параличи сердца и легких. Этому в России не поверил никто — от таких болезней, да еще в тридцать восемь лет, заслуженные генералы не умирают!

На месте гибели Ольги Николаевны Скобелевой благодарные селяне установили мраморный трехметровый памятник, увенчанный православным крестом. После дат рождения и смерти начертаны слова: «С высокой целью пришла ты к нам. Но рука ужасная сократила дни твои. Святая, прости! Убита злодеем шестого июля 1880. Вечно признателен ей город Пловдив». □

Михаил Дмитриевич Скобелев

Владимир Братченко

Вторая страсть маршала Тухачевского

В 2023 году исполнилось 120 лет со дня рождения прославленного полководца Михаила Николаевича Тухачевского. Его необычный жизненный путь и стремительная военная карьера — в сорок два года он стал маршалом Советского Союза — представляют для историков и мемуаристов весьма трудную задачу дать однозначную оценку этому амбициозному и честолюбивому человеку. Одни считают его талантливым полководцем и блестящим военным теоретиком, благодаря которому во многом был сформирован облик Красной армии нового типа. Другие считают жестоким палачом, утопившим в крови бунт кронштадтских матросов и крестьянские волнения в Тамбовской губернии. Минули десятилетия со дня трагической гибели маршала, но споры на этот счет так и не утихают. Очевидно, как это часто бывает, правы и те, и другие. Однако все сходятся в одном — этот человек оставил яркий след в истории нашей страны. И вот еще что примечательно: этот профессиональный военный, прошедший, как говорится, «огонь, воду и медные трубы», был одним из культурнейших людей советского времени и через всю свою жизнь пронес необычайную, трепетную любовь к музыке...

Михаил Николаевич Тухачевский родился 16 февраля 1893 года в Дорогобужском уезде Смоленской губернии в небогатой помещичьей семье. Вскоре семья переехала в имение бабушки в Пензенской губернии. По некоторым данным отец

Михаила, Николай Николаевич Тухачевский, был родом из обедневших польских дворян. Его жена, красавица-крестьянка, Марья Петровна Милохова, родила ему девятерых детей: четырех сыновей и пять дочерей. Миша был третьим

ребенком в семье. Сестры, Ольга и Елена, вспоминали: *«Музыка была воздухом, наполнявшим наш дом. Играли все: и дети, и отец, и бабушка. У нас стояло два рояля, один свой, на котором некогда давал концерты Антон Рубинштейн. Второй брали напрокат»*.

Старший брат Александр учился в Московской консерватории по классу рояля у Гольденвейзера, потом выбрал виолончель. Младший, Игорь, на которого учителя возлагали особые надежды, также учился в консерватории. А вот Миша очень любил скрипичную музыку. Он уговорил отца купить ему скрипку, и выучился весьма неплохо играть на ней. А еще знал три языка: немецкий, французский и английский, и свободно мог читать книги не в переводе, а в оригинале.

Родители часто устраивали домашние спектакли, пьесы для которых сочинял Миша. В них принимали участие все члены семьи, но главные роли автор всегда отводил себе. Ни у кого не было сомнений, что мальчик, как и братья, поступит в консерваторию. Однако получилось по-другому: Миша принял решение следовать по стопам двоюродного деда-генерала, и, к большому огорчению отца, не только пойти по военной линии, но непременно стать генералом.

Он поступил в Московский, императрицы Екатерины II, кадетский корпус. Учителя отмечали, что «военное дело является подлинным призванием этого мальчика». Миша

даже был лично представлен императору Николаю II.

Однако в корпусе у него не было друзей, и не потому, что он был замкнутым или робким юношей, курсанты недолюбливали его за стремление к абсолютному лидерству: к тем, кто ему не подчинялся, он проявлял жестокость, а с младшими кадетами и вовсе вел себя как деспот.

Окончив обучение в корпусе в 1912 году в звании фельдфебеля, Михаил поступил в Александровское военное училище. Сюда принимали отпрысков из богатых и влиятельных семей, и ему пришлось умерить свои диктаторские замашки. Через два года, в тройке лучших выпускников училища, он Высочайшим приказом был произведен в подпоручики и направлен в элитный лейб-гвардии Семеновский полк. Первая мировая война была уже в разгаре, и полк участвовал в боях с австрийцами и немцами. Молодой офицер сражался храбро, зачастую безрассудно рискуя жизнью — даже его недоброжелатели признавали это. За проявленный героизм его пять раз представляли к награждению орденами различных степеней. Однако 19 февраля 1915 года его рота была окружена, полностью уничтожена, и только Тухачевский остался жив и попал в плен. Четыре раза он делал попытки побега из плена, но все оказались неудачными.

«Неусидчивого» беглеца отправили в интернациональный концлагерь Ингольштадт. Здесь Тухачевский познакомился с Шарлем де Голлем.

Будущий президент Франции отмечал необычайную «дерзость и отвагу» русского офицера. Пленники проводили время по-разному: французы резались в карты, русские с тревогой обсуждали удивительные новости о событиях, доходившие до них из России, а подпоручик Тухачевский приобрел в городе старенькую скрипку и устраивал музыкальные вечера, развлекая пленных.

В соответствии с правилами концлагеря, если пленный офицер давал слово чести не пытаться осуществить побег, он иногда получал право выходить на прогулку в город. Тухачевский такое слово дал, но 3 августа 1917 года, во время одной из таких прогулок, все-таки сбежал. На этот раз — удачно.

Путь на родину был длинным и замысловатым. Сначала он перебрался в Швейцарию, потом, как будто на нем была сказочная шапка-невидимка, пересек границы Франции, Англии, Норвегии и Швеции и в октябре добрался до России, где вновь был зачислен в Семеновский полк.

Оказавшись в стране, охваченной революционными событиями, Тухачевский задумался о своей дальнейшей судьбе и пришел к такому решению: *«Если Ленин избавит Россию от старых предрассудков, если он сделает ее сильной державой, то я выбираю марксизм»*. Он вступил в ВКП(б) и в марте 1918 года добровольно перешел в Красную армию. А уже в июне нарком по военным морским делам Лев Троцкий назначил его командующим Первой арми-

ей Восточного фронта. В ходе гражданской войны двадцатилетний красный командир в боях на Урале, в Сибири, в Поволжье, на юге страны громил войска Колчака, Краснова и Деникина. За разгром Колчака Тухачевский получил самую высокую награду того времени: «Почетное революционное оружие» и орден Красного Знамени.

В феврале 1919 года началась советско-польская война. Тухачевский, возглавлявший Западный фронт, недооценив силы поляков, решил стремительным броском взять Варшаву и разгромить польскую армию. Однако операция завершилась полным провалом, и в марте 1921 года российское правительство было вынуждено пойти на переговоры. Был подписан крайне невыгодный для России Рижский мирный договор, тем не менее, обеспечивавший передышку и безопасность на западных границах. Гражданская война все еще бушевала во многих районах страны, и искать причины и виновников неудач под Варшавой было недосуг. Решили отложить это на «потом», как оказалось, — до 1937 года.

В том же марте 1921 года Тухачевский, разделивший с Троцким титул «Демона революции», был назначен командиром Седьмой армией и послан в город-крепость Кронштадт на подавление вооруженного мятежа матросов, выступивших против советской власти. С этой задачей полководец успешно справился, после чего его сразу же направили усмирять выступивших против объ-

явленной prodразверстки крестьян Тамбовской и Воронежской губерний. Укрывавшихся по окрестным лесам бунтовщиков «выкуривали» отравляющими газами (запрета на использование химического оружия в те годы еще не было), а к схваченным применяли так называемую «децимацию»:

его своим заместителем, а в ноябре 1925 года, после смерти Фрунзе, Тухачевский сам стал начальником Штаба РККА. Но ненадолго: в мае 1928 года его отправили командовать Ленинградским военным округом.

Необходимо отметить, что многие военачальники воспринимали

каждого десятого, кто отказывался выдать «подстрекателей и активистов», расстреливали на месте.

Между тем военная карьера командарма продолжала двигаться вверх с завидной быстротой. С 1922 по 1924 год он командовал войсками Западного округа, потом начальник Штаба РККА М. В. Фрунзе назначил

Тухачевского лишь как способного подпоручика, которому очень везет в жизни. По этой причине среди руководства РККА у Михаила Николаевича друзей и приятелей практически не было. Однако это обстоятельство его мало трогало: он предпочитал им женское общество. На этом «фронте» красавец-командарм

поражений не имел. Первой женой Тухачевского была Мария Игнатьева, дочь пензенского железнодорожника. Они познакомились на балу в пензенской гимназии, где учился Миша. Жена прошла вместе с мужем дорогами гражданской войны, поддерживая Михаила в труд-

те. Не выдержав позора, Мария покончила с собой выстрелом из пистолета прямо в штаб-вагоне супруга. 27-летний вдовец на похороны супруги не пришел, поручив организационные вопросы адъютанту.

Вторую любовь военачальник встретил осенью 1920 года. Это бы-

ные моменты и стойко терпя лишения. Но когда Тухачевский занял пост высокого военачальника, она совершила непростительную ошибку. В эти голодные годы Мария, пользуясь положением мужа, брала со склада продукты, предназначенные для солдат, и возила их родным в Пензу. О «недостойном поведении» супруги узнали в реввоенсове-

ла Лика, 16-летняя девушка дворянского происхождения, племянница смоленского лесничего. А уже зимой 1921 года он сделал ей предложение. Дядя-лесник настоял, чтобы молодые обязательно повенчались в церкви. Жених согласился, но на условиях паритета: таинство венчания должно пройти, в полном смысле, тайно, чтобы, упаси боже,

об этом не узнало партийное руководство.

Через год семейной жизни беременной Лике стала известна другая тайна: у мужа есть любовница. Измену она не простила и вернулась домой к дяде. Родившаяся после развода дочь умерла в младенчестве.

ра и Председателем Реввоенсовета СССР. Он получил квартиру в знаменитом «Доме на набережной» и переехал в Москву. В Москве у него началась новая жизнь, насыщенная культурными мероприятиями. Он не пропускал ни одной театральной премьеры, регулярно ходил на кон-

Окончив обучение в кадетском корпусе в звании фельдфебеля, Михаил поступил в Александровское военное училище, а через два года, в тройке лучших выпускников училища, он Высочайшим приказом был произведен в подпоручики и направлен в элитный лейб-гвардии Семеновский полк. Первая мировая война была уже в разгаре, и полк участвовал в боях с австрийцами и немцами. Молодой офицер храбро сражался, зачастую безрассудно рискуя жизнью, и за проявленный героизм его пять раз представляли к награждению орденами разных степеней

В 1923 году «неувядающий жених» провел успешную «операцию» по пленению жены политкомиссара стрелковой дивизии. Это была образованная женщина-дворянка, красавица Нина Гриневич. Они поженились, и у них родилась дочь Светлана. Но и на этот раз семейная жизнь не сложилась: спустя пять лет Тухачевский увлекся женой своего бывшего друга Юлей Кузьминой. Вскоре на свет появилась девочка, которой также дали имя Светлана. С Ниной Гриневич Михаил Николаевич разводиться не стал, и вплоть до своей трагической смерти жил с Кузьминой в гражданском браке.

В 1931 году Тухачевского назначили заместителем Наркомвоенмо-

церы и, конечно, стал завсегдаем консерватории. Для своих немногочисленных друзей Михаил Николаевич на своей квартире часто устраивал музыкальные вечера. Он заводил патефон, и гости слушали граммофонные пластинки, наслаждаясь классической музыкой. Нередко сам хозяин брал в руки скрипку и давал небольшой концерт из своего репертуара. Особенно он любил музыку композитора Берлиоза. В один из таких вечеров он признался: «Нет ничего прекраснее музыки. Это моя вторая страсть после военного дела».

Близким другом Михаила Николаевича был Шостакович. Дмитрий Дмитриевич вспоминал: «Мы позна-

комились в 1925 году. Я был начинающим музыкантом, а он — известным полководцем. Но ни это, ни разница в возрасте не помешали нашей дружбе, которая продолжалась более десяти лет... С первого дня нашей дружбы я проигрывал Тухачевскому свои сочинения. Он был тонким и требовательным слушателем, иногда просил повторить то или иное место, а порой и все произве-

весной 1924 года Шостакович задумал поступить в Московскую консерваторию, он написал письмо своему покровителю — музыканту, педагогу и композитору Б.Л. Яворскому: «В Москве живет один очень известный человек. Он занимает высокий пост, но, как и все великие люди, имеет одну слабость: безумно любит музыку и сам немного играет на скрипке. С этим человеком, фами-

Время было тревожное. Несмотря на подписанный между Германией и Советским Союзом году Договор о ненападении, никто уже не сомневался, что избежать войны не удастся. В ноябре 1935 года Тухачевскому, в числе пяти прославленных полководцев гражданской войны, было присвоено звание маршала, а в следующем году он был назначен первым заместителем Наркома обороны. Можно сказать, что военная карьера Михаила Тухачевского достигла своего пика: он стал не просто генералом, как мечтал в детстве, а маршалом. Теперь у него возникла более грандиозная мечта: фантастический план создания величайшей в мире армии...

дение. Замечания его неизменно били в точку».

Тухачевский высоко ценил музыку своего молодого друга, всегда поддерживал и помогал ему. Когда газета «Правда» 26 января 1936 года опубликовала унижительную и несправедливую статью «Сумбур вместо музыки» об опере Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», он не только смело заступился за композитора, но и предсказал: «Нам непременно доведется услышать о великой славе Шостаковича». А когда

лия его Тухачевский, меня познакомил Квадри (композитор, друг Шестаковича). Затем я играл ему, и он спросил меня, не хочу ли я перебраться в Москву. Я ответил: "Хочу, но... как же я здесь устроюсь?" "Вы только захотите, а устроить такого человека, как вы, не будет трудно"».

Однако переезд в Москву так и не состоялся. В следующем письме Яворскому Шестакович писал: «Я могу отдать себя целиком творчеству, мне для этого не надо материального обеспечения. Но не так смотрит

моя мама, которая говорит, что ни в коем случае не отпустит меня в Москву, если не будет знать, что я там буду вполне обеспечен. Я ее понимаю. Слишком ей трудно будет жить с мыслью, что я в Москве не буду регулярно пить молоко, есть кашу и делать все необходимое, чтобы победить сидящую во мне бактерию туберкулеза...»

А любовь Тухачевского к музыке странным образом вылилась в необычное увлечение мастерить любимые им скрипки. Это, как сказали бы теперь, «хобби» проявлялось еще в годы гражданской войны. В Москве Михаил Николаевич познакомился и поддерживал дружеские отношения с известным скрипичным мастером Евгением Францевичем Витачеком, всю жизнь работавшим над созданием новых конструкций скрипок, которыми пользовались многие советские скрипачи. Уникальным мастером написано ряд работ на эту тему: «Очерки по истории изготовления смычковых инструментов», «Характерные признаки инструментов скрипичных мастеров XVI–XX вв.» Тухачевский решил продолжить изыскания Витачека. В архиве мастера была обнаружена статья Тухачевского, в которой он анализировал особенности изготовления скрипок прославленными итальянскими мастерами — Страдивари, Амати, Бергонци, Гварнери, и очень серьезно занимался этой проблемой, несмотря на то, что это увлекательное занятие отнимало много времени.

А время было тревожное. Несмотря на подписанный в 1939 году Договор между Германией и Советским Союзом о ненападении, почти ни у кого не было сомнений, что избежать войны не удастся. В ноябре 1935 года Тухачевскому, в числе пяти прославленных полководцев гражданской войны, было присвоено звание маршала, и в 1936 году он был назначен первым заместителем Наркома обороны.

Первые Маршалы Советского Союза. Сидят (слева направо): М.Н. Тухачевский, К.Е. Ворошилов, А.И. Егоров. Стоят: С.М. Буденный и В.К. Блюхер. 1935 г.

Военная карьера Михаила Николаевича достигла своего пика: он стал не просто генералом, как мечтал в детстве, а маршалом. Но теперь у него возникла другая, более грандиозная мечта. По воспоминаниям близких к нему людей, Тухачевский вынашивал фантастический план создания величайшей в мире армии, чтобы повести ее в бой за победу мировой пролетарской революции. Правда, другие цель уточняли — к победе над империализмом в новой, надвигающейся мировой войне. Сам же Михаил Николаевич по этому поводу однажды, причем весьма туманно, выразился следующим образом: «Мы встряхнем Россию как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир...» Недоброжелатели и завистники считали, что маршал всерьез возомнил себя великим полководцем и «окре-

стили» его сначала «Красным Наполеоном», а впоследствии «Советским Бонапартом». Эти инсинуации несколько не смущали маршала, и он приступил к реализации своей фантастической мечты. В подготовленном им докладе министру обороны Клименту Ворошилову Тухачевский предложил коренным образом реорганизовать армию: увеличить коли-

Ознакомившись с докладом, Иосиф Виссарионович назвал приводимые в докладе расчеты «сказочными и бредовыми», изложенные предложения — «красным милитаризмом», а заодно и понизил статус маршала до уровня «наполеончика». Ради справедливости следует добавить, что позже Сталин извинился перед Михаилом Николаевичем, и предло-

Тухачевский на военном параде за три недели до ареста

чество дивизий, производить до ста тысяч танков и до сорока тысяч самолетов в год и многое другое. Ворошилов, с которым у Тухачевского сложились далеко не дружественные отношения, препроводил доклад Тухачевского Сталину, снабдив его своими саркастическими пометками.

жения Тухачевского были оценены как вполне грамотные, отвечающие требованиям к современной армии. Однако справедливо и другое: экономика страны в то время еще не была способна осуществить столь масштабные планы по реорганизации армии, предложенные маршалом.

Весной 1937-го года Тухачевский должен был отправиться в Лондон, куда его пригласили на церемонию коронации Георга VI. Однако совершенно неожиданно выехать за границу ему не разрешили. А ведь совсем недавно, в 1936-м году, Тухачевский был в Париже и принимал участие во встрече узников крепости Ингольштадт, где вновь встретился со своим бывшим сокамерником генералом де Голлем.

Далее события стали развиваться с устрашающей быстротой. 10 мая его сняли с должности первого заместителя народного комиссара обороны и отправили подальше от Москвы, в город Куйбышев (ныне Самара) руководить войсками Приволжского военного округа. Когда Тухачевский прибыл в обком партии для знакомства с местным руководством и вошел в кабинет секретаря обкома, представитель НКВД, старый большевик Рудольф Нельке, зачитал приказ об его аресте. Маршала переодели в гражданскую одежду и в наручниках, под конвоем доставили в столицу. Тухачевский был объявлен «врагом народа», признан виновным в организации военного заговора с целью насильственного свержения власти и установления военной диктатуры, обвинен в развале Красной армии, а также в шпионаже в пользу германской разведки. Не забыли и о варшавской операции.

26 мая нарком НКВД Ежову принесли измазанную пятнами крови записку. Она гласила: «Сообщаю,

что признаю существование антисоветского военно-троцкистского заговора, а также то, что я его возглавлял. Обещаю изложить следствию все затрагивающее заговор, не скрывая никого из участников и ни единого документа и факта. Михаил Тухачевский». Однако «чистосердечное» признание маршала не спасло...

12 июня 1937 года Михаила Николаевича Тухачевского и еще семерых обвиняемых расстреляли в подвале дома Военной коллегии. Так закончил жизнь этот талантливый военачальник. Спустя двадцать лет, во время так называемой «хрущевской оттепели», Михаил Тухачевский был реабилитирован. Проведенные им удачные операции против Деникина и Колчака стали изучать в академиях, работы по военной теории были переизданы, а многие изложенные в них идеи были реализованы во время Великой Отечественной войны. Его военная звезда засияла даже ярче, чем при жизни, и его вновь стали называть «Красным Бонапартом».

Надо сказать, что Тухачевский предчувствовал надвигающуюся на него беду. Чтобы как-то отвлечься от тревожных мыслей, он, по просьбе сестры, вечерами играл для нее на скрипке. И однажды, за несколько недель до трагической смерти, сыграв одну из ее любимых пьес и нежно погладив скрипку, печально заметил: *«И почему я не решил стать музыкантом? Может быть, вышел бы из меня профессиональный скрипач...»* □

Анвар Кашин

Из коробки с позабытыми снами

(1926 год)

Дверь в квартиру отворила невысокая симпатичная блондинка с очаровательными веснушками, проступившими на ее щеках и чуть вздернутом носике. Паскаль Шеро снял шляпу и поклонился:

— Доброе утро, мадам Тауберг. В прошлый раз мои комплименты показались вам чересчур длинными и цветистыми. Сегодня я вам скажу: «Вы прекрасны, и точка!» Ну как, я исправился?

— Доброе утро, мсье инспектор, — улыбнулась молодая дама. — Вы неисправимы.

— Я только констатирую факт. А скажите, мсье Тауберг не смог бы уделить мне сколько-нибудь своего времени для беседы?

— Нет, мсье Шеро, это невозможно, Антон Карлович в прошлый вторник уехал в Лондон по делам и обещал вернуться домой не ранее чем на следующей неделе.

— Очень жаль. — Полицейский помолчал, раздумывая, удобно ли будет на сем завершить беседу, но потом все же продолжил: — Видите ли, мадам, по какому делу я к вам пришел...

Инспектору криминальной полиции отчаянно хотелось спать, что неудивительно — его разбудили в четвертом часу ночи. На рю де Боссэ,

в восемнадцатом округе, услышали выстрелы, и перепуганная обитательница одного из домов вызвала полицию. Оказалось, в соседнем подъезде того же дома убит таксист, русский. Застрелен из браунинга, принадлежащего, скорее всего, некоему Джорджу Госсену, американцу, который неделю как поселился в доме, сняв квартиру в rez de chaussee. Ни самого Госсена, ни оружия пока не нашли. В квартире — никакого беспорядка, хозяйке уплачено за месяц вперед. Среди вещей тоже ничего заслуживающего отдельного упоминания не было, разве только коробка с патронами к тому самому пистолету. На узкой улочке, взобравшись передними колесами на тротуар, застыл автомобиль несчастного русского, мертвый водитель с простреленной дважды грудью лежал на пороге подъезда.

Выстрелы слышали многие, но соседи благоразумно не стали подходить к окнам. Только одна отважная дама — та, что позвонила в полицию, наблюдала за улицей до самого прибытия патруля. С ее слов, она проснулась за минуту до выстрелов и лежала в постели уже с открытыми глазами, когда на улице прогрехотало два раза. Она встала и тут же выглянула в окно. Посреди проезжей части стоял автомобиль, и больше ничего мадам Азуле не разглядела, улица была пуста. Тогда смелая женщина спустилась этажом ниже, к телефонному аппарату, и позвонила в полицию. По заявлению мадам, на это у нее ушло минут пять. Пока она говорила с дежурным, ей послышался звук работающего автомобильного мотора. Вернувшись на свой наблюдательный пост, она увидела такси уже чуть не упершимся в стену дома напротив, заметить кого-либо на улице ей, к сожалению, так и не удалось.

Еще до рассвета мсье Шеро посчастливилось выяснить, что таксист привез сюда Госсена из «Народного дома». Откуда это стало известно? Инспектор вспомнил: у шоферов принято собираться в кафе у Гальяно, там закрываются далеко за полночь, и еще там есть телефон. Таким образом, чтобы вызвать такси, достаточно набрать номер и назвать адрес свободному водителю.

Убитого молодого человека звали Дмитрием Левицким. Около часа ночи Гальяно позвонил гарсон из «Народного дома» и попросил прислать машину для господина Госсена. Кстати, «Народный дом» — это довольно дорогое заведение на набережной, что-то вроде клуба, где завсегдатаями числятся многие из тех русских, что живут в шикарном квартале Отей и Мюэт. И... и если откровенно, то больше у Паскаля Шеро ничего не было. Ни соблагов, где искать Госсена, ни даже самой идиотской догадки, зачем американцу убивать какого-то таксиста. Была лишь надежда на Антуана.

Порой Паскалю казалось, что он отлично понимает своего остроумного и чуточку меркантильного приятеля, а иной раз тот поражал своей непрак-

тичностью и целеустремленностью, при этом преследуя далеко не личные цели, стремясь к каким-то абстрактным идеалам. Может быть, все дело в том, что господин Тауберг был наполовину бошем, хотя и странно именовал своего отца «русским немцем». Как это может быть? Почему русским? Однако было заметно: среди этих немислимых и отчего-то все еще верящих в судьбу людей Антуан чувствовал себя легко и свободно.

— Митя, — тихо-тихо проронила, едва ли не прошептала, совсем недавно улыбававшаяся Паскалю хозяйка квартиры.

— Да, я потому и пришел к вам. Мне сказали, что мсье Тауберг и вы, мадам, были знакомы с убитым. Мне очень жаль, что я не ошибся.

— Да-да, конечно. Вы, верно, хотите, чтобы я вам рассказала...

НЕДЕЛЕЙ РАНЬШЕ

Где-то впереди, над морем шляп, шляпок, кепи, фуражек и прочих *chapeaux*, протяжно свистнул паровоз, вагоны дернулись и нехотя поползли вдоль перрона. Саша застегнула пальто еще на одну пуговицу, она уже начинала скучать по Антону и будет по нему скучать еще две недели, а там — как «карта ляжет». До сегодняшнего дня Александру Михайловну Тауберг сантименты особенно сильно не донимали, а потому и мужа своего на вокзал она ни разу не провожала. Но, боже мой, сколько же в ее жизни за эти годы было поездов и перронов, сколько отъездов и прощаний, скольких знакомых Саша Ольшанина, а потом Александра Тауберг, проводила без всякой надежды встретить когда-нибудь, и скольких она оставила там!..

Нынче было другое. Непривычно неумолимый Саввушка настоял на визите к издателю-американцу. Северный вокзал, волей случая, оказался на полпути к старинному особняку, где квартировал Уильям Т. Скотт, а знакомый таксист Митя взялся подвезти всю компанию.

И Александра Михайловна, и Антон Карлович, четвертый год живя в Париже, прониклись своего рода корпоративным духом здешнего русского землячества, когда кофе и сардины непременно следовало покупать в магазине у Замятина, даже если мсье Ковенкур торговал тем же самым, но лучшего качества и ничуть не дороже. Галантерейные товары приобретали у Николая Струве, табак — у Феоктистова, и только делать прическу Саша соглашалась лишь у мадам Арно, впрочем, на весь город и не нашлось бы, наверное, ни одного русского парикмахера. Зато таксистов было великое множество, и Митя Левицкий из них был самым милым и самым застенчивым.

Паровоз свистнул еще раз, но уже тише, где-то снаружи вокзала. Последний вагон, едва поравнявшись с Сашей, заспешил вслед за осталь-

ными. Пора было возвращаться. Александра Михайловна развернулась и отыскала глазами Савву. Тот, нетерпеливо перебирая ногами, мерил короткими шажками мостовую там, где его оставили супруги, под одним из чудовищных чугунных столбов, подпиравших крышу. Нет же! Конечно, она неправа. Причем тут Савва? Антон должен был уехать, а она опять осталась одна в чужом городе... Да нет, не одна, и город, в котором жила, Саша уже согласна была полюбить — еще неделя-другая, и на бульварах зацветут деревья... Согласна... Разве что согласна. И как же возможна такая сделка, как договориться с собой и полюбить всем сердцем лишь за то, что предмет твоей любви хорош собой и добр к тебе?

Но зачем же теперь сердиться на Савву? Ведь это он заметил что-то такое между строк ее незатейливых и чуточку угловатых новелл, тех, что она то и дело пристраивала в журналы по четверти франка за слово, уловил момент, когда супруга его приятеля наконец перестала играть в куклы на листах писчей бумаги, и благодаря ему ее «Птицы» уже вышли отдельной книжкой, а «Альманах» теперь каждую неделю печатал главы из «Коробки с позабытыми снами».

— Александра Михайловна! — Савва, раньше словно привязанный к чугунному столбу, наконец, освободился от пут. — Умоляю вас, давайте поспешим. Мистер Скотт — он же американец, а они там, за океаном, совсем ничего не слышали, о том, что дамы якобы непременно должны опаздывать.

— Конечно, Савва, да ведь мы и не опаздываем.

Шагнув за створки дверей, Саша завертела головой, отыскивая глазами авто, которое привезло их компанию на вокзал, Саввушка же, не чинясь, взял ее за руку и без колебаний повлек куда-то направо по галерее.

Когда искомое такси оказалось прямо перед ними, Александра Михайловна сначала заметила растерянное выражение на лице своего знакомого, стоящего подле машины, а после разглядела тех двоих, из-за которых Митя и пребывал в растерянности.

Один уже устроился на пассажирском сиденье, а другой сердито и с некоторым недоумением взирал на него с тротуара, не давая при этом захлопнуть дверцу. Первый, черноволосый, выглядел, как настоящий испанский гранд. Изогнув бровь, он с холодным интересом слушал обладателя роскошной бороды и усов, совершенно таких, как на портрете у императора Франца-Иосифа. «Испанец» Александре Михайловне знаком не был, зато обильная монархическая растительность на лице второго принадлежала генералу Николаю Федоровичу Лемме. Бывшему генералу, разумеется. Теперь в Париже и чины, и титулы больше годились для музейных витрин, однако язык по-прежнему все еще добавлял к именам «сиятельства» и «пре-

восходительства». Вот и Митя, будучи сам в прошлом артиллерийским поручиком, а нынче, как и генерал, состоящий в членах «Союза русских офицеров», никак не мог отказать высокому начальству.

Наконец «испанец», кажется, собрался что-то сказать, и, повернувшись к генералу, изогнул и вторую бровь. В этот миг Николай Федорович осекся, выражение лица его переменилось, а само лицо налилось красным, и он вдруг перешел на русский язык. Саввушка наострил уши. Большую часть слов в уличном шуме было не разобрать, но те, что все же долетали до Саши, к приличным никак нельзя было отнести.

Сцена затягивалась, и ничем хорошим закончиться не обещала. Незнакомец нахмурился и дернул щекой, презрительно скривив тонкие губы. Вот-вот должно было произойти что-то совсем уж безобразное. Положение спас умница-Митя. Оказывается, он давно пришел в себя и уже успел отыскать на привокзальной площади своего знакомого штабс-ротмистра Валериана Семеновича Мирошникова, тоже таксиста. Вдвоем они с увещеваниями взяли под локти и развернули, как по команде «кругом», уже совсем побагровевшего Николая Федоровича. Штабс-ротмистр, продолжая что-то говорить, увлек его куда-то сквозь собравшуюся толпу зевак, а Митя сразу же вернулся, чтобы продолжить переговоры с противником генерала, так и не покинувшим поле боя, вернее сказать, не покинувшем пассажирское сиденье.

Труд обоих миротворцев оказался нелегким. Митя с извинениями объяснил «испанцу», что автомобиль уже занят — вежливый поклон в сторону Александры Михайловны — и если мсье желает добраться куда-либо на такси, лучше всего подождать несколько минут, пока его друг — кивок вслед удалившемуся Валериану Семеновичу — не найдет для него другую машину.

«Испанец» выслушивал доводы хозяина авто, не меняя позы и выражения лица. Митя в растерянности перешел на английский язык, который тут же вызвал у него заметное затруднение, и фраза получилась не просто длинной, а несколько двусмысленной. Сеньор в автомобиле улыбнулся краешком рта, но остался сидеть на прежнем месте. Савва достал из кармана часы и, глядя на их стрелки, красноречиво вздохнул. Митя потер ладонью затылок, от чего фуражка съехала ему на лоб. Действие остановилось, будто бы на сцене актеры забыли свои слова и теперь, сгорая со стыда, ждут, когда опустится занавес.

Наконец вернулся штабс-ротмистр и, наклонившись к уху ничего не понимающего иностранца, что-то произнес. Тот коротко глянул на Валериана Семеновича, еще раз криво усмехнулся, а затем обратил свой взгляд на Александру Михайловну. На голове у Саши была ее любимая шляпка с розой из серебристой ленты, и сама молодая дама выглядела чудо какой

хорошенькой, поэтому «испанец» был вынужден покинуть жесткий диван «форда» и последовать за господином Мирошниковым.

Когда Александра Михайловна и ее литературный агент, то есть литературный ангел-хранитель и демон-искуситель в одном лице, наконец, устроились на заднем сиденье машины, Митя обернулся к ним, по-детски сверкая любопытными голубыми глазами:

— Савва Андреевич, скажите, мне показалось, или вам в самом деле знаком тот мсье, что пытался завладеть машиной?

— Нет, Дмитрий Николаевич, вам не показалось.

— И чем прославился сей господин? Ну же, расскажите! — не выдержав, Саша повернулась к своему попутчику.

— Именно что прославился, — не стал ломаться всезнающий Савва. — В Петербурге, в шестнадцатом году — я в то время подвизался репортером в «Листке» — в одном известном карточном клубе случился скандал. Некий Георг Госсенс сорвал немалый банк, а наш милейший Николай Федорович объявил его шулером и отказался платить. Генерал ничего доказать не смог, но некоторое время спустя его обидчика, этого самого господина Госсенса, арестовали как германского шпиона. И ходили слухи, будто бы его превосходительство некоторым образом поспособствовал аресту.

— А что было дальше? — спросила Саша.

— Дальше случился февраль, жандармов упразднили, а подсудственных распустили по домам. Уж не знаю, чем занимался господин Госсенс после тех событий. Впрочем, тогда каждый в России занимался политикой, порой, мне кажется, что вне ее остались только мы с вами, Александра Михайловна. А того человека, что чуть не захватил наше такси, я несколько раз встречал на собраниях анархистов.

— Вы — и на собраниях анархистов? Как же вы говорите, что оставались вне политики? — улыбнулась Саша.

— По долгу службы-с, как же еще. Газетчики могут не интересоваться политикой, но только ею и питаются.

Митя не подвел, к американцу приехали в точно назначенный срок и притом чудом избежали непоправимой оплошности. Савва подал Саше руку, помогая выйти из машины, и тут же сделал вид, будто его интересует серое двухэтажное строение за чугунной решеткой забора, увитой ветками плюща. В это же время из дома напротив вышла ослепительной красоты дама. Острый женский взгляд Александры Михайловны сразу заметил, что роскошь и великолепие черт лица «богини» уже несколько лет вынуждены бороться с неумолимо наступающими годами, все еще побеждая время, но...

Обольстительница небрежным царственным жестом взмахнула рукой, призывая Митю, и тот попался. Пряча восхищенный взгляд, он мгновенно

распахнул дверцу такси, только что выпустившую пассажиров. Саша помнила этот взгляд. До сих пор помнила, как прятал его, опуская голову, ее сосед с третьего этажа Митя Левицкий. Когда-то этот взгляд был обращен на нее. Смешно и странно, но почему-то Саша Ольшанина не забыла этот взгляд влюбленных голубых глаз мальчишки-гимназиста. Господи! Спустя почти пятнадцать лет!

Блистательная красавица, не обращая внимания на Сашу и ее спутника, скрылась в черной жестяной коробке Митинового авто.

— Жена мистера Скотта, — зашептал Савва в ухо Александре Михайловне, едва машина тронулась, — только с ней нам и не хватало свести знакомство.

— О-о! У нее очень... яркая и эффектная внешность. Почему мне кажется, что ее лицо мне знакомо? — задумчиво проговорила Саша, глядя вслед удаляющемуся такси.

— Еще бы, это Мелинда Бэррет — кинозвезда, в модных журналах немало ее фотографий, вокруг вечно вьются всякие обожатели и поклонники, а супруг, известное дело, ревнует. Здесь же, в Париже, и вовсе беда...

— Уж не опасаетесь ли вы, что почтеннейший мистер Скотт сочтет вас опасным ловеласом? — улыбнулась Саша.

— Нет, дорогая Александра Михайловна, я — вне подозрений. А вот вы, учитывая взаимность супружеских чувств здешних обитателей... — Савва кивнул на особняк, который только что покинула знаменитость. — Думаю, вам не принесет пользы пристальное внимание этой женщины.

Уильям Т. Скотт оказался огромен. Известный североамериканский издатель против ожидания не курил сигару, и хорошо, а то иначе он бы сделался похожим на карикатурного капиталиста с картинок в «левых» газетах. Скотт курил сигареты, выпускал в потолок фонтаны из дыма, словно кит, ничуть не смущаясь присутствием дамы. Говорили о новом, только в прошлом месяце законченном романе Александры Михайловны. «Берега туманов» следовало перевести на английский так, чтобы роман легко воспринимался американским читателем. Чем дальше, тем сильнее обсуждение становилось похожим на торг. Саша понимала, что такой оборот дела для нее и есть наилучший. Очевидно же, что мистер Скотт заинтересовался и теперь сбивает цену, одновременно прощупывая почву на предмет приобретения исключительных прав на издание романа.

Договорились встретиться через неделю, чтобы подробно обсудить пункты будущего контракта. Саша, затаившись, молчала, но в глубине души была очень довольна, словно гимназистка, у которой отменили урок — ее присутствия на следующей встрече не требовалось.

Дом генерала Лемме не отличался ни величием, ни архитектурной вычурностью. Обычный грязновато-желтый особняк, окруженный нестриженными зарослями каких-то вечнозеленых кустов.

— Поверьте, допрашивать кого бы то ни было, если только вы точно не представляете, о чем хотели бы узнать, — дело безнадежное. Иное дело — приватная беседа, — увещевал Сашу инспектор.

— Да-да, я понимаю, Антон помог бы вам непременно, и я помогу, но чем вас заинтересовал Николай Федорович? Неужели вы станете задавать генералу вопросы о том, когда он в последний раз видел Дмитрия Николаевича, и где он сам находился в момент... — Саша на мгновение прикрыла глаза и замолчала.

— Нет, обещаю, таких вопросов я задавать не буду. Тем более что Гальяно утверждает, будто бы ночью мсье Лемме позвонил ему и попросил позвать к телефону мсье Мирошникова, ведь тот — тоже таксист. Это было сразу после того, как Госсен заказал машину для себя. А в «Народном доме» мне рассказали, что мсье Лемме покинул их заведение примерно без четверти три или около того.

Словно сквозь пелену Саша слышала голос полицейского. Всего час назад мсье Шеро настоял на том, чтобы Александра Михайловна как можно скорее устроила ему встречу с Николаем Федоровичем, а за восемь или девять часов до этого Митя был еще жив.

Двери им отворила горничная, видимо, никакого особого служителя парадной у его превосходительства не было. Александра Михайловна отрекомендовала себя и своего большеносого спутника по-русски, после чего осталась вместе с мсье Шеро у лестницы, покрытой пыльной ковровой дорожкой. Долго ждать не пришлось, лишь только где-то в глубине дома часы пробили одиннадцать, незваных гостей пригласили подняться в кабинет.

От Николая Федоровича явственно исходили противоположные по характеру эманации радушия и взволнованности. Роль же Александры Михайловны в предстоящем разговоре была немногим большей, чем у того извечного лакея с его «кушать подано». Представив мужчин друг другу, она лишь сказала несколько слов о Мите и сразу почувствовала в горле невыносимо горький комок, поэтому попросила прощения и собралась покинуть собеседников.

Но едва его превосходительство встал, чтобы кликнуть прислугу и распорядиться относительно отъезда госпожи Тауберг, Саша взглянула на телефон, стоявший на письменном столе, и отрицательно качнув головой, подняла трубку.

К аппарату подошел сам Гальяно. Услышав просьбу пригласить к телефону кого-нибудь из русских мсье, по-русски же без запинки произнес: «Одну минуту, сейчас позову».

— Валериан Семенович! — обрадовалась Саша, узнав голос Мирошникова в снова ожившей трубке. — Будьте так любезны, отвезите меня домой. Где я сейчас нахожусь? В доме у Лемме Николая Федоровича. Да, пожалуйста. Я буду вас ждать.

Генерал милостиво покивал и проводил свою гостью к креслу в углу, где хозяин, должно быть, частенько выкуривал трубку или сигару, о чем свидетельствовали бурые отметины на коже исполина. На маленьком столике, тоже весьма пострадавшем от тлеющих табачных крошек, обнаружилось несколько выпусков Пари-Суар. Сидеть было неудобно, дома Саша забралась бы в кресло с ногами и решила проблему, а тут пришлось притворяться погруженной в чтение новостей недельной давности.

— Тяжело, господин Шеро, тяжело и глупо вот так терять мальчишек, — доносилось до Александры Михайловны из-за газетных листов. — На войне — другое дело, а тут...

— Мсье Лемме, я хотел спросить вас о вашем знакомом, мистере Госсене. Нет-нет, — видимо, инспектор жестом предотвратил вспышку генеральского возмущения, — я ни в чем не посмел бы вас упрекнуть! Мне только, сами понимаете, важно знать как можно больше об этом Джордже Госсене. Что вы можете о нем сказать? Вот мадам Тауберг, например, упомянула о каком-то казусе на вокзале.

— Г-кх, — хозяин кабинета в смущении прочистил горло, — право же, этакая глупая история.

— Говорят, вы сильно повздорили с Госсеном? И тем более удивительно, что в тот же день вы же и рекомендовали его в «Народном доме» как своего приятеля...

— Да, так и случилось. Я обознался. Он похож... впрочем, не будем. То было очень давно, и моего недоброжелателя уже, верно, нет в живых. А о мертвых... Так что, не будем. Признаться, я вспылил и был при этом неправ.

— Но вы все же помирились, верно?

— Нас помирил Валериан Семенович. Он так и сказал, мол, не похристиански это, гнев и гордыню усмирять в себе надлежит, и в качестве извинения предложил подвезти Госсена. Я, знаете ли, характером отходчив, согласился. Штабс-ротмистр все никак не мог дознаться, кого и куда ему первым доставить, а Госсен то сидел как истукан, а тут растрогался и говорит: «Непременно нам с вами мировую выпить следует». Ну, мы и заехали в «Народный дом», выпили по одной, тут общество собралось. Вот так и вышло.

— Штабс-ротмистр? Он ведь таксист? А звание? Я не ошибаюсь, в России у жандармских офицеров такое имелось?

— Вы правы, Валериан Семенович лет шесть или семь прослужил в охранном отделении в Санкт-Петербурге.

— А вы? — Саша, не отрывая глаз от совершенно ничего не значащего для нее газетного шрифта, представила, как мсье Шеро наклоняет голову и оттого становится похожим на птицу.

— Что я? — шумно вздохнул генерал. — Я человек военный. Долгое время служил в Варшаве, потом в Киеве, в шестнадцатом году перебрался в Петербург. В сентябре семнадцатого сагитированная большевиками солдатня едва не поставила меня к стенке, якобы за участие в выступлении Корнилова Лавра Георгиевича, но пронесло. А потом я приехал сюда.

— В семнадцатом году... Давно. Нет, тут что-то другое. Видите ли, у меня есть сведения, что Джордж Госсен может быть агентом ОГПУ. Да-да! В этой связи, по вашему мнению, какой интерес могли бы для него представлять вы?

— ОГПУ? Да что вы такое говорите! Как это может быть?!

— Мсье Лемме, откровенно говоря, с политикой и разными шпионскими историями я на службе в полиции еще ни разу не сталкивался. Собственно, я и занимаюсь только расследованием убийства вашего соотечественника, а господин Госсен числится в подозреваемых.

— Но как же, вы же говорите — ОГПУ! Не понимаю...

— Я тоже не понимаю и могу лишь строить догадки. Например, могу предположить, что ваш «Союз офицеров» по каким-то причинам заинтересовал Советы, а мсье Левицкий отказался сотрудничать и угрожал пытавшемуся его завербовать господину Госсену разоблачением. Или еще одна версия: господин Госсен решил сбежать от своих «товарищей» после того, как выиграл крупную сумму в карты. Ведь вчера вечером он сорвал немалый банк? Я хотел сказать, вы, вероятно, были этому свидетелем и знаете, что вчера он выиграл больше полумиллиона франков? Это так?

— Да.

— А вы принимали участие во вчерашней игре?

— Я — нет. — Генерал снова откашлялся. — Иной раз в хорошей компании от партии-другой в «железку» не откажусь, но вчера было не то настроение. Так, знаете, просто без причины засиделся за разговорами да рюмкой коньяку. А вас, наверное, интересует, кого обыграл этот американец... или он не американец? Впрочем, неважно. Только я не следил за игрой.

— И все же?

— Не могу вам в точности сказать, помню только, что был какой-то издатель, кажется, по фамилии Скотт. Нет, точно не скажу, лучше вам справиться у распорядителя в самом «Народном доме». Так вы думаете, Госсен решил скрыться с выигрышем? А убийство? Каким образом...

— Пока не знаю, но вам, мсье Лемме, я бы посоветовал быть весьма осторожным теперь.

— И как же прикажете понимать ваше предостережение?

— Если Госсен сбежал от большевиков, то «товарищи» обязательно будут его искать. Уж не знаю, чего от вас захотят агенты ОГПУ, но думаю, именно к вам они придут в первую очередь.

— И все же я попросил бы вас объясниться. С какой это стати за мной охотиться большевистским шпионам?

— Каких же объяснений вы от меня требуете, когда сами не желаете в полной мере делиться сведениями о Госсене? Однако будьте уверены, «товарищей» тоже интересуется этот американец, и вы...

— Вы... вы! — взорвался генерал, и не было уже никакой возможности для Александры Михайловны прятаться за листами старых газет.

Однако штабс-ротмистр, появившись в дверях кабинета, снова спас ситуацию...

На улице Саша поспешила представить друг другу инспектора и его спасителя. Полицейский встряхнул головой, будто прогоняя сновидение, он и в самом деле выглядел уставшим и не выспавшимся.

— Ничего-ничего, — усмехнулся таксист, — к Александре Михайловне сие извержение никакого касательства не имело, а от нас с вами не убудет.

— Что ни говорите, но вы ловко урезонили этот «Везувий».

— Пустяки. Давайте отвезем мою пассажирку, — штабс-ротмистр распахнул дверцу перед Сашей, — а после поговорим. Вы же собирались поговорить со мной?

— Да, собирался, но, боюсь, без чашки крепкого кофе ни спрашивать, ни слушать, что вы мне станете отвечать, я не смогу.

— Прекрасно, совсем рядом с нашим домом имеется чудесное кафе! — вдохнув сырой воздух с остатками утреннего тумана, воскликнула Саша. — Тем более, что и я не отказалась бы от чашечки от кофе.

Кофе был действительно крепок, даже чересчур, и Саша попросила подать себе сливок. Зато инспектор, проглотив ароматное, адски горячее снадобье, заметно преобразился.

— Вот таким невеселым образом обстоят дела, мсье Мирошников, — подытожил описание места преступления полицейский. — Между тем, мне говорили, что в свое время на службе вы как раз занимались сыском.

— О, это было так давно. Иной раз кажется, я лишь где-то читал, может быть, в романе несравненной Александры Михайловны, о некоем жандармском офицере, о его жизни в неведомой теперь стране... — Штабс-ротмистр грустно улыбнулся писательнице: — Кстати, вам известно, что вон там, — кивнул он за окно в сторону старых домов, сжимавших узкую рю Сен Сабин, — во времена Коммуны была возведена огромная баррикада? И ведь те времена теперь многим кажутся романтичными. Неужели и в России когда-нибудь так же будут вспоминать семнадцатый год?

— Да, в романе... — рассеянно улыбнулся инспектор, запоздало принимая аллегорию. — И все же мне важно знать ваше мнение, мнение опытного человека. Как по-вашему, почему убили мсье Левицкого? И что случилось с его машиной, зачем преступник садился за руль?

— С машиной совсем просто. Дмитрий Николаевич владел автомобилем марки «Форд». Когда господин Генри Форд изобретал свою машину, то, говорят, думал, в первую очередь о том, как ее собирать на заводе. О тех же, кто будет сидеть за рулем, изобретатель заботился мало. Тем не менее автомобиль получился неплохой, но очень уж необычный в смысле управления. Совсем не такой, к каким привычны шоферы других машин. Собственно, вот вам и объяснение.

— Вы полагаете, имея опыт управления автомобилем и надеясь скрыться с места преступления на такси мсье Левицкого, преступник не сумел совладать с его машиной? — уточнил инспектор.

— Именно так.

— Хм, да, очевидно, вы правы. А мотив? Учítывая, что у мистера Госсена с собой была очень крупная сумма наличных денег...

— Что вы хотите этим сказать? — нахмурился штабс-ротмистр.

— Я понимаю, и вы, и мадам Тауберг будете отрицать такую возможность, но, согласитесь, я должен учесть...

— Нет, это невозможно, — тихо, но очень твердо проговорила Саша. — Митя, он... Нет! Это совершенно невозможно!

— Господин инспектор, — голос Валериана Семеновича стал вдруг холоден и в немалой степени презрителен, — мне неизвестно, какие основания у вас имеются для таких предположений, но как человек, неплохо знающий... кх-х, простите, знавший Дмитрия Николаевича, должен вам заявить...

— Хорошо, — очень серьезно сказал полицейский, — пусть будет по-вашему. Но что тогда? Что могло связывать вашего знакомого с аферистом Госсеном? Кстати, этот мистер и в России успел побывать. Зная о его наклонностях, можно предположить, чем он занимался у вас на родине. А еще о нем говорят, будто бы он шпион, представляете? Я не ошибаюсь,

шпионы и всевозможная подобная публика были по вашей части, мсье Мирошников?

— По моей, — уже спокойно ответил штабс-ротмистр. — Однако никакого Госсена я не припоминаю.

— Тогда, может быть, нам зайти с другой стороны? Мсье Мирошников, попробуйте вспомнить, что занимало вашего приятеля в последнее время? Не обмолвился ли он чем-то таким в разговоре?

— О чем таком?

— Подумайте, вы же должны знать, как это бывает. Какой-нибудь странный поступок, необычный интерес, случайная фраза... Кстати, — полицейский повернулся в Сашину сторону, — в числе проигравших Госсену в карты мсье Лемме упомянул какого-то Скотта, не ваш ли это знакомый издатель?

— Боюсь, что мой, — невесело усмехнулась Саша. — Скорее всего, его в «Народный дом» Савва Андреевич привел, чтобы развлечь. Вот он и развлекался. Теперь весь вопрос в том, принадлежит ли мистер Уильям Т. Скотт к тем немногим людям, что готовы винить себя в своих собственных ошибках? Если нет, то мой роман вряд ли смогут прочесть в Америке.

— Скотт? Хм... — Штабс-ротмистр побарабанил пальцами по столу. — Вот вам и странность. Я ведь не ошибаюсь, эта американка, актриса, как ее...

— Мелинда Бэррет, — подсказала Саша.

— Да, именно! Она приходится супругой... Как вы сказали, Уильяму Т. Скотту? Верно?

— Вы не ошиблись, — вставил инспектор, перехватывая взгляд Валериана Семеновича.

— Не знаю, как это может быть связано с убийством, но Дмитрий Николаевич, похоже, был в совершенно юношеском восторге от красоты миссис Скотт... или мисс Бэррет, как правильно? За последнюю неделю он несколько раз отвозил ее по делам, и целыми днями просиживал у Гальяно, ожидая ее звонка и отказываясь от прочих клиентов. Он был готов и перед ее домом дежурить, только как к этому отнесся бы муж? Кстати, муж. Я не имею чести быть с ним знакомым, но вы, или, скорее, вы, Александра Михайловна, — взгляд на Сашу, — должно быть, можете сказать, годится ли сей мистер на роль ревнивого мавра.

— Ну, не знаю, так уж и мавра, — покачал головой инспектор и тут же напомнил: — А Госсен?

— Госсен... — бывший жандарм выбил пальцами еще несколько тактов на столешнице, — вы, кажется, говорили будто бы он — аферист? К сожалению, пока можно строить только догадки. Но, для начала, хорошо бы

проверить, не встречался ли Госсен с супругой мистера Скотта. По-моему, раз уж Митя уделял столько своего внимания этой женщине, неплохо бы к ней присмотреться и следствию. А если Госсен имел неосторожность ее оскорбить или шантажировать, то этим самым, несомненно, он мог приобрести смертельного врага в лице Дмитрия Николаевича.

— Допустим. А еще?

— Еще? Догадки? Сколько угодно. Только учтите, прочие мои домыслы не будут иметь под собой никаких прочных оснований. Впрочем, я слышал, его превосходительству вы изволили толковать о большевистских агентах. Почему бы нет? Если у вас есть причина полагать, что Госсен работал на Советы, то ваша версия несколько не хуже моей. Но Митя... Нет, ни в шпионы, ни в террористы я его нипочем бы не записал.

— А генерал? Все же он — фигура куда как более значительная. Как вы считаете?

— Право же, я не думаю, что целью ОГПУ мог бы стать милейший Николай Федорович. Как бы то ни было, ночью я доставил господина Лемме прямо к самому его дому без всяких происшествий. Правда, прежде прождал его, наверное, часа полтора, и только после того, как сам явился за ним в ресторацию, он вспомнил, что договаривался со мною о своем отъезде домой. А ОГПУ? Нет, скорее там заинтересовались бы мистером Скоттом. Подумайте сами, крупный издатель, влиятельный человек — я имею в виду, что через печатное слово можно отыскать путь к умам тысяч и тысяч читателей, уж простите мне высокий слог.

— Вы совершенно правы, мсье Мирошников, пока любую из версий можно назвать выдумкой. Действительно, стоит приглядеться к Скотту и его супруге...

— У нас говорят: «Поспешай не торопясь». Однако, прошу меня простить, в моем отношении нынче больше подходит другая поговорка.

— Какая же?

— «Волка ноги кормят». А меня, стало быть, колеса. Еще раз извините, но я вынужден вас покинуть.

Валериан Семенович на прощание помахал им рукой, вышел на улицу и забрался в автомобиль. Инспектор кивком подозвал гарсона, расплатившись, спросил, есть ли в кафе телефон, и очень огорчился, услышав от юнца, подхватившего со стола пустые чашки, отрицательный ответ. Александра Михайловна тут же предложила свою помощь, благо ее дом находился совсем рядом, и если инспектора не затруднит перейти на другую сторону улицы и подняться на второй этаж...

— Что-то случилось? — спросила Саша, глядя на застывшее лицо инспектора, плотно прижимающего к уху телефонную трубку.

— Нет-нет, то есть ничего такого, чего бы я не мог ожидать, — улыбнулся уголками губ инспектор, чтобы успокоить встревоженную хозяйку. Только что в реке обнаружили труп Госсена. Можно сказать, что нам... кх-кх... мне сильно повезло. Если бы не течение, то тело этого господина могли бы найти только через пару месяцев, а тогда опознать человека весьма непросто.

— Убит?! Выходит, Митю...

— Да, теперь картина складывается несколько иная. Госсен убит ударом ножа, и, похоже, примерно в то же время, что и ваш знакомый... Извините меня, вы, верно, уже устали от моего общества? Я сегодня принес вам лишь беспокойство и плохие вести.

— Мсье Шеро, зачем же вы просите прощения, ведь вы ищете убийцу! Вы обязательно должны его найти, а я... — Саша запнулась, потому что не представляла, как закончить фразу. Но начало было верным, того, кто застрелил Митю нужно найти, иначе все напрасно, все ни к чему! Все, что случилось там, в другой жизни. Точнее сказать, когда та жизнь оборвалась. Отец погиб на улице, всего в нескольких шагах от дома. Кто и зачем в него стрелял, так и не выяснили. Да и кто бы стал выяснять — на улицах даже городских нельзя было встретить. Через год, полный слухов и неопределенности голодный год, по дороге к тетке в Екатеринослав мама заболела воспалением легких. А уже в Екатеринославе, в нетопленной теткиной квартире их нашел Антон. Как нашел, Саша не знала, не помнила, потому что тоже слегла. Мама умерла. Мама... Летом Антон увез Сашу в Одессу, где они и обвенчались. В большую часть города электричество не подавалось, по вечерам зажигали свечи — керосина тоже было не достать. Щемящая душу горечь перемешалась с ощущением спокойствия и счастья. Надолго ли? Несмотря на всеобщее воодушевление успехами на фронтах, налаженное освещение и падение цены на хлеб, Антон Карлович не верил в победу армии Деникина и уехал. Дальше была Варна, потом Берлин, потом почти год в крошечном Гайзенхайме, а теперь Париж. Огромный город, в котором немало русских. Митю она встретила случайно года полтора назад. Саша узнала его лишь по глазам. Худой, загорелый, он смотрел на Александру Михайловну с обожанием, но уже не так, как раньше. Нет, уже совсем иначе... А теперь его нет. Нет еще одной ниточки, связывавшей Сашу с той, прежней ее жизнью.

Мсье Шеро, взявшийся, было, за шляпу и собравшийся распрощаться, остановился и попросил разрешения на еще один звонок.

— Не помню адреса той свидетельницы, мадам Азуле, нужно бы самому ее допросить, вдруг сержант что-то упустил, — принялся объяснять инспектор.

— Да-да, конечно, — кивнула Саша. Мысли, цепляясь одна за другую, бежали как будто отдельно от ее сознания. Такое случается, когда, засыпая, невольно вспоминаешь пережитое за день. Только теперь было наоборот: догадки, смутные наития вдруг делались отчетливее и, подкрепляя друг друга, становились рассуждениями. Будто на картинке в волшебном фонаре, когда тени и неясные силуэты обращались в знакомые образы.

— Что с вами, мадам Тауберг? — спросил инспектор, заметив побледневшее лицо Александры Михайловны.

— Как, вы говорили, называется та улица, где... где это случилось?

— Рю де Боссэ, — растерянно ответил мсье Шеро.

Саша развернулась и, оставив удивленного инспектора, решительно отворила дверь в кабинет Антона Карловича. Полицейский, как зачарованный, последовал за ней.

— Ага, вот она! — Саша достала из книжного шкафа картонную папку. В ней обнаружился сложенный в несколько раз подробный план города, который Александра Михайловна тут же разложила на письменном столе мужа.

— Это здесь, — инспектор уперся пальцем куда-то в путаницу линий и прямоугольников, разделенную на две части плавными изгибами голубой полоски Сены.

— Да, спасибо. Видите, улица совсем короткая и упирается в железнодорожную ветку, иначе говоря, это тупик!

— И что же это, по-вашему, должно означать? — мсье Шеро озадаченно потер нос.

— Эта свидетельница...

— Мадам Азуле?

— Да. Она ведь проснулась еще до выстрелов? Я думаю, когда Госсена ударили ножом, он закричал. От этого проснулась ваша мадам Азуле, и на этот крик бросился Митя, оставив машину посреди улицы. Убийца тоже приехал на автомобиле и, чтобы остаться незамеченным, оставил машину дальше по улице. Теперь, чтобы выехать назад и забрать тело Госсена, ему нужно было непременно убрать с дороги Митино такси... — Саша еще раз невольно взглянула на карту.

— Что ж, очень вероятно, так оно и было. Тогда, выходит, мсье Левицкий — случайная жертва, а мотивом преступления следует считать ту сумму, что была при Госсене.

— Да! Конечно же, причина в этих проклятых деньгах! Только вот что примечательно — грабитель заранее знал, где живет Госсен, знал, когда тот вернется домой с выигрышем. А ведь до вчерашнего дня мошенник целую неделю уже был вхож в общество «Народного дома». Видимо, он

все это время только присматривался и выбирал себе партнеров для «главной игры». А вчера генерал... Господи, да его же убьют! Если этот упрямец по-прежнему будет молчать... — прошептала Саша и устало опустилась в кресло супруга.

Его превосходительство, не вставая с кресла, уперся взглядом в надоедливое посетителя. Паскаль Шеро положил на стол перед Николаем Федоровичем незапечатанный конверт и, коротко поклонившись, отступил назад.

— Что это значит? — раздраженно проронил генерал и вынул из конверта листы бумаги, исписанные ровным почерком Александры Михайловны.

— Вы меня очень обяжете, если прочтете письмо. Мадам Тауберг надеется... Впрочем, прочтите, окажите любезность, — кивнул на доставленное послание необычный почтальон.

— Присаживайтесь, не стойте столбом, — проворчал господин Лемме, сердито глянул на инспектора и надел очки.

Милостивый Государь, Николай Федорович!

Желаю Вам здравствовать и спешу объяснить причину, заставившую меня написать к Вам. Однако прежде я бы желала увериться в том, что мое письмо будет Вами прочитано полностью и до конца. Обещайте мне это!

Сперва должна выразить свое сожаление о печальном итоге прошлой Вашей беседы с мсье Шеро. Полагаю, тогда ни Вы, ни ваш собеседник еще не были готовы к откровенному разговору о деле, коим и занимается господин инспектор криминальной полиции, а именно, об убийстве нашего общего знакомого Дмитрия Николаевича Левицкого. Теперь же мсье Шеро сумел получить сведения, позволившие ему прийти к определенным и весьма обоснованным умозаключениям.

Нисколько не злоумышляя против Вас, инспектор смог разузнать о случае, происшедшем с Вами в 1916 году в Санкт-Петербурге и об участии в сем происшествии господина Джорджа Госсена или, если Вам угодно, Георга Госсенса. Сами обстоятельства той давнишней истории мало занимают мсье Шеро, однако осведомленность об оных некоего известного Вам лица играет весьма важную роль в событиях прошлой ночи. Кроме того, прояснилась и картина случившегося. Господин инспектор полностью уверился в том, что главной целью убийцы был Джордж Госсен.

Генерал оторвал взгляд от письма. Подступивший, было, привычный гнев неожиданно рассеялся — полицейский клевал носом в кресле напро-

тив. Николай Федорович хмыкнул и снова принялся за чтение. Добравшись до конца, он бросил бумаги на стол, потом снова поднял и перечитал последнюю страницу, исписанную только наполовину.

Ваша крайняя осведомленность в настоящем деле несомненна, в то время как мсье Шеро обладает лишь косвенными уликами, указывающими на личность убийцы. Таким образом, только посредством Вашего свидетельства возможно будет схватить убийцу, и, напротив, только Ваша смерть придаст преступнику уверенность в своей неуязвимости.

Не считая себя вправе давать Вам советы, скажу лишь, что глубоко и искренне сожалею о смерти Дмитрия Николаевича. Что же до Вашей судьбы, то она теперь полностью находится в Ваших руках.

Засим разрешите попрощаться и пожелать Вам найти понимание со стороны господина инспектора.

С почтением к Вам, Александра Михайловна Тауберг.

Марта двадцатого дня одна тысяча девятьсот двадцать шестого года.

...Поезд опоздал почти на полчаса. Шофер, коренастый француз, все же дождался своих пассажиров, погрузил чемодан и недовольно хлопнул водительской дверцей. После нескольких минут тряски на ухабах тесных привокзальных улочек машина покатила по бульвару Маджента. В окна врывался ветерок, а солнце приветливо улыбалось, мелькая среди веток зацветающих деревьев. Прорываясь гомоном воробьев сквозь привычный уличный шум, смешиваясь едва ощутимым легким и волнующим ароматом с пылью и запахом бензина, город захватывала весна. Ехали молча. Сашина рука лежала в холодной ладони мужа, а другой он накрыл ее сверху, будто опасаясь, что его спутница испугается его застывших пальцев.

Каждый раз, когда Антон возвращался домой, все вокруг становилось на свои места, в будущем наступала определенность, и любые беспокойства оказывались ничего не значащими. На сей раз было иначе.

Александра Михайловна представила, как, поднявшись по лестнице и войдя в квартиру, Антон, едва скинув пальто, обнимет ее, а, отпустив из объятий, сразу примется рассказывать о своей поездке. И тогда уже она возьмет его за руку. Он поймет, Саша наверняка знала — он все поймет и без слов. Но тогда уже она не сможет молчать, сначала сбивчиво станет говорить о том, что Митю и еще одного иностранца по фамилии Госсен убил штабс-ротмистр Мирошников. О том, что Николай Федорович Лемме был заодно с этим Госсеном, когда, получив от карточного шулера деньги,

дал тому рекомендацию в приличном обществе. Затем, под внимательным взглядом мужа, Саша немного успокоится и примется по порядку рассказывать. О поведанной Саввой истории: про скандал с генералом в 1916 году, о том, насколько странным и неожиданным ей показалось внезапное примирение его превосходительства со своим обидчиком. Такое примирение было совершенно невозможным. О том, что неким невероятным образом только Валериан Семенович мог быть причиной тому примирению. О том, что сам штабс-ротмистр отрицал свое знакомство с Госсеном, но когда мсье Шеро упомянул о пребывании мошенника в Петербурге, жандарм отговорился тем, что, дескать, перед февральским переворотом охранному отделению не было дела до шпионов и аферистов. Между тем, господин Мирошников довольно долго прослужил в Петербурге, а инспектор не уточнял, в каком именно году Госсен попал под следствие.

Потом Александра Михайловна скажет, что его превосходительство, господин Лемме, в ту ночь остался жив лишь потому, что многие его видели ушедшим вместе с Мирошниковым. В этой ситуации таксисту невозможно было решиться еще на одно убийство. И наконец, Саша сообщит мужу о признании генерала, о том, что тот, как и было условлено, по телефону сообщил о выигрыше Госсена штабс-ротмистру и о том, что бывший жандарм якобы не собирался убивать шулера, а лишь претендовал на часть выигранных им денег. Об этом, уже со слов самого убийцы, ей рассказал мсье Шеро. Он рассказал ей, как Госсен тогда, в подъезде, вынул пистолет, а Мирошников ударил его ножом, и как Митя, на свою беду, прибежал на крик пассажира. Саша сможет все это повторить мужу, и голос ее не станет дрожать, ведь это будут не ее слова, это будут слова инспектора. Потом Антон обнимет ее, а Саша уткнется ему в плечо. Но нет, плакать она не станет, потому что ее муж вернулся домой, и теперь все будет хорошо, вот только... □

Первую роль в кино, отважной пионерки Светы, она сыграла в 13 лет в картине «До первой крови» режиссера Владимира Фокина. И роман с кинематографом продолжается! В фильмографии Натальи несколько десятков ролей в сериалах и «полном метре». Самая свежая работа — роль итальянской колдуньи в сериале «Казанова в России», недавней премьере Первого канала. Но одной съемочной площадки артистке Громушкиной с ее неумемной энергией было бы маловато. Поэтому она еще звезда мюзиклов, блестящая театральная актриса, режиссер, педагог и... предприимчивый продюсер!

Наталья Громушкина

«Все мои роли — как дети, все любимые и памятные»

Фото из личного архива

— Наталья, у вас как у продюсера сегодня два детища — мюзикл «Кабаре» и спектакль «Лю-

бовь и голуби». Вы руководите большим творческим коллективом. Кем в нем проще командо-

вать — мужчинами или женщинами?

— Проще всего руководить умными людьми, которые тебя понимают с полуслова. Если человек тугодум, мы вряд ли сработаемся.

— У вас редкое дарование — вы и драматическая актриса, и артистка мюзикла...

— Нет-нет, я всего лишь драматическая актриса, владеющая вокалом. Не могу сравнивать себя с артистами мюзикла, которые работают в этом жанре филигранно.

— Когда-то фокусница Катя Медведева рассказывала мне про мюзикл «Дитя мира», в котором она еще ребенком принимала участие — как артистка оригинального жанра. И вдруг я прочитала, что вы тоже в нем играли!

— Ой, я тогда была совсем мелкая. Это был первый советско-американский спектакль — десять американских детей и десять советских. Кроме нас в постановке участвовали группа Стаса Намина «Цветы», великолепная певица Людмила Сенчина, режиссером был Владимир Алеников, Вячеслав Дружинин — хореографом... Проходил громадный кастинг детей, который мне удалось выдержать. И это была моя первая серьезная работа на театральных подмостках. Думаю, что именно после этого проекта в моем детском сознании утвердилось, что я обязательно стану артисткой и никем другим.

— Может, с кем-то из американских детей получилось тогда крепко сдружиться, и вы до сих пор общаетесь?

— Да, есть у меня подруга американка. Мы списываемся, благо Интернет дает такую возможность, следим за жизнью друг друга, делимся новостями... Знаете, я ведь уже к моменту окончания школы благодаря детскому танцевальному коллективу Гостелерадио, в котором я занималась с шести лет, и этому замечательному спектаклю «Дитя мира» побывала не менее чем в сорока странах — всю Европу и Америку объездила. Я видела, какая удобная и красивая в этих странах жизнь. И у меня не раз была возможность там остаться. Но что бы ни происходило в нашей стране, я не уеду. Вот никогда у меня не было ни желания, ни стремления жить за границей.

— Вы не раз принимали участие в телевизионных шоу, например, в паре с Петром Шигиным участвовали в «Танцах со звездами» и заняли третье место. Какие у вас остались воспоминания?

— Во-первых, с благодарностью вспоминаю зрителей — это они проголосовали тогда за наш дуэт! Между прочим, это был, наверное, самый непростой сезон «Танцев со звездами», потому что впервые пары создавались по жесткому принципу: мужчины — профессионалы в области танца, их партнерши — любительницы. И у нас с Петром не сразу все шло

хорошо. Мне даже несколько раз предлагали выбрать другого партнера, но я решила, что «коней на переправе не меняют». Воспоминания остались приятные, но приходилось, признаюсь, трудно. Ведь у всех девушек, кроме участия в этом шоу, было много других дел — съемки, спектакли, концерты... Поэтому запись программы часто проходила ночью. Причем за одну съемку снимали сразу два выпуска, и надо было подготовить не один танец, а два, не один наряд, а два... Одним словом, за той легкостью и праздничностью, которые зритель видит на экране (и это касается любого развлекательного шоу), стоит труд, труд, труд! Между прочим, создатели нашего сезона «Танцев со звездами» опасались, что участницы, поскольку все — не профессионалки, перессорятся между собой в борьбе за призовое место. Но мы, наоборот, очень сдружились и продолжаем общаться.

— Вы участвовали в семи мюзиклах. Как относитесь к тому, что этот жанр нередко называют чуждым для российской сцены, якобы мюзикл у нас так и не прижился?

— У вас какие-то устаревшие сведения. Может быть, лет десять назад такое еще можно было услышать. Но сегодня все ровно наоборот. Ставится много музыкальных спектаклей, мюзиклов, и не только в Москве и Санкт-Петербурге — по всей России. Этого бы не происходило, если бы зрителям мюзиклы не нравились. Вообще люди в нашей стране любят театр и в нем разбираются. Говорю это, потому что имею большой опыт гастрольной жизни. Мюзикл же, я считаю, самый востребованный жанр в трудные времена, которые мы сейчас переживаем.

— Вы сами выходите на сцену в мюзикле «Кабаре». И поете. Откройте секрет: как сохраняете голос «в форме»? Не при помощи же сырых яиц, как в старом фильме?

— Голосовые связки — те же мышцы. Нельзя, даже если человек от природы очень подвижный, вот так взять — и сесть на шпагат. Или надеть пуанты и крутить на сцене тридцать два фуэте. Все достигается трудом, упражнениями. Как спортсмены или артисты балета разминаются всю жизнь, так и вокалисты всю жизнь тренируют свои связки. И я не исключение.

— Вы много снимаетесь, но предпочтение все-таки отдаете театру?

— У артиста такая работа: тебя зовут на кастинги, на пробы, ты надеешься, что тебя утвердят, и вот тебя утверждают, дальше выясняются

сроки — попадаешь ты по своей занятости в этот проект или нет, ну и так далее. И твои предпочтения в этой круговерти не играют никакой роли. Главное для артиста — чтобы была работа. И чтобы тебя звали. Могут ведь и не звать...

— Приходилось вам в срочном порядке заменять какую-нибудь актрису, чтобы спасти спектакль? Или какие-нибудь другие экстремальные ситуации случались с вами на сцене?

— Как говорил герой Евгения Евстигнеева в фильме «Берегись автомобиля»: «Кого мы только не играли, лучше не вспоминать!» Что касается экстрима — когда это твой спек-

такль, ты все равно все знаешь, ты, что называется, в материале. Например, в своем спектакле «Любовь и голуби» я могу сыграть любую женскую роль, да и мужскую тоже (смеется). Но когда у меня были экстренные вводы в какие-то чужие спектакли (а ситуации действительно случаются разные), прямо скажу — я испытывала не самые приятные ощущения. Потому что понимала: коллеги, особенно которые рядом на сцене, на меня рассчитывают, а вдруг я их подведу, не справлюсь? Всегда справлялась. Но — не люблю такие ситуации. А их было немало в моей жизни. Да вот буквально на прошлой неделе: прилетаю с международного детского творческого фестиваля «Хрустальный дельфин», на котором была членом жюри, еще сижу в самолете, — звонит известный продюсер:

— Наташа, ты в Москве?

— Да, вот только приземлилась.

— Выручай! Сможешь заменить актрису? Спектакль сегодня в 19:00!

Оказалось — совершенно новая постановка. Пьеса мне не известна. Понимаю, что ситуация для продюсера кошмарная, и он делает все возможное, чтобы спектакль состоялся. Но если бы меня предупредили раньше!.. Скажем, за те 14 часов, что я была в дороге, я смогла бы подготовиться — прочитать пьесу, понять, что за роль... Однако на тот экстрим, что мне предлагался — неизвестная роль в неизвестной пьесе, я пойти никак не могла. О чем и сказала продюсеру, предложив любую другую помощь — хоть костюмером, хоть водителем. Кстати, эта история для меня тоже урок: с артисткой, которая так подвела коллег, подвела зрителей (не знаю, состоялся спектакль, или пришлось его отменить), я работать никогда не буду. Хотя она известная и талантливая.

— Как-то я брала интервью у генерального директора Московского театра оперетты Владимира Тартаковского, и он рассказывал о предстоящей премьере — мюзикле «Любовь и голуби». Любимый вами жанр! Однако ваш спектакль «Любовь и голуби» — просто драматический...

— Тот материал — мюзикл — первой мечтала поставить именно я. Он несколько лет пролежал без движения в Театре оперетты. Я и с авторами напрямую связывалась — с композитором Андреем Семеновым, и поэ-

том, автором либретто Сережей Плотовым. Мы встречались в Доме актера на Арбате, и они мне разыгрывали весь спектакль вживую — на музыкальном инструменте и по ролям. И я влюбилась! Но они предупредили: «Мы отдали это в Театр оперетты, а Тартаковский все не ставит и не ставит, но вот если ты подождешь, и он совсем откажется от постановки...» И я ждала, ждала. Уже и режиссера нашла, и художника, знала, каких артистов приглашу — все продумала. Но дело с мертвой точки никак не сдвигалось. Вдруг звонит мне человек, которого я хотела пригласить как режиссера, и говорит: «Наташк, ну что ты вцепилась в мюзикл, давай я тебе поставлю просто спектакль, драматический. Мы его хорошо сделаем». Я отмахнулась — мол, нет, хочу только мюзикл, потому что просто влюблена в материал. А я могу делать только то, во что влюблена. Случилось так, что через два дня этот человек погиб, несчастный случай. И мне все не давал покоя этот звонок. В какой-то момент я поняла, что все-таки должна, видимо, сделать драматический спектакль. Начала думать, кто из режиссеров сможет его поставить, потому что человек должен быть из этого теста, хорошо знать жизнь людей в глубинке, в деревне, чтобы все было правдиво. Я прекрасно понимала, что сама как режиссер не потяну, потому что — городская, коренная москвичка. И вспомнила про Василия Константиновича Мищенко, у которого когда-то снималась. Он хоть не деревенский, но та-

кой... очень русский по своей сути. И каково было мое удивление, когда Василий Константинович рассказал, что он, когда работал в Театре «Современник», был первым исполнителем роли Ленки, сына главного героя пьесы «Любовь и голуби»! Я знала, конечно, историю о том, что Владимир Меньшов раз шесть ходил в «Современник» на этот спектакль с Ниной Дорошиной в роли Нади, после чего и снял свой легендарный фильм. Это совпадение показалось мне добрым предзнаменованием. И мы взялись за работу — петелька за крючок — и все пошло-пошло... Вдова и дочка Володи Гуркина, автора пьесы

«Любовь и голуби», были у нас на премьерe. Им понравилось. С тех пор мы дружим.

— Однако у вас часто такое бывает — «петелька за крючок». И, наверное, это не просто везение.

— Это значит, что я правильно нашла режиссера, актеров, композитора — и дальше пазлы уже сами по себе складывались в правильную картину. А если бьешься, бьешься в дверь, а она не открывается, вот как я два года сидела и ждала, когда смогу поставить мюзикл «Любовь и голуби», тогда, как правило, ничего хорошего не получается. Надо было сразу делать драматический спектакль. Но главное — он существует и идет всегда при аншлагах. Сегодня «Любовь и голуби» и мюзикл «Кабаре» — два моих таких разных, но любимых детища.

— А что в планах?

— Есть новые проекты, их несколько. Вот думаю, как себя правильно распределить, чтобы всюду успеть. Называть не буду, потому что чуть-чуть суеверна. Знаете, вот молодые женщины обычно любят тратить деньги, свои или мужа, на красивые наряды, на бриллианты, на машины и дома... А я их трачу на проекты. Таков сегодня образ моей жизни. Одно могу сказать: любой проект, за который я возьмусь, обязательно должен быть светлым, радостным, и с какой-то позитивной мыслью, которой хочется делиться со зрителем.

— Вы из семьи, в которой много творческих людей. Но ни одного артиста. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Папа мой, кроме того, что он доктор исторических наук, еще и писатель. А дедушка, хотя был военным человеком, полковником внешней разведки, еще и замечательно рисовал. Его картины, между прочим, побывали на орбитальной станции «Мир» и сейчас находятся в Музее космонавтики. Поэтому гены творчества передались и мне, но пошли... несколько в другую сторону (смеется).

— У вас двое детей — 18-летний Гордей и 10-летняя Илиана. Ваш твердый характер кому из них достался, может быть, обоим?

— Ну... не знаю. Скажу одно: характеры моих детей мне нравятся. Вообще, мне кажется, очень много в человека закладывается изначально. Мы уже приходим в этот мир со своим характерами. Родители могут что-то поправить, что-то откорректировать, помочь развиться положительным качествам и «прибратать» отрицательные, но не больше. Что дано, то дано — не знаю, природой ли, Богом, математикой, то есть количеством и сочетанием в нас разных нейронов, атомов и так далее. Мне кажется, вся наша жизнь зависит от этой математики.

— И в заключение вернусь к кино. Есть у вас любимая роль, или такая, которая особенно трудно далась, чем-то запомнилась?

— Все роли — как дети, все любимые и памятные. Каждая — кусочек тебя. Из последних работ, которые особенно запомнились, могу назвать сериал «Выйти замуж за сантехника». За роль в нем я очень благодарна автору сценария Юрию Неневу. Мою героиню Веру он писал специально под меня, чтобы показать: Громушкина — разноплановая актриса. Режиссеры ведь чаще всего видят меня в образах разнообразных стерв и злодеек, а в этом сериале я сыграла такую... простушку, чем-то похожую на героиню старого доброго фильма «Девчата».

Еще из запомнившихся работ могу назвать полный метр «Колокол надежды» режиссера Александра Кулявина. В этой картине я сыграла директора детского дома. Фильм завоевал много призов на разных кинофестивалях. На одном из них членом жюри была Александра Захарова, замечательная актриса, дочь Марка Захарова. При нашей встрече она тепло отозвалась о моей работе в картине. Услышать это было очень приятно. Когда известные артисты говорят добрые слова в адрес кого-то из коллег — это дорогого стоит. В нашем профессиональном сообществе такое редкость.

В сериале и в полном метре, о которых я рассказывала, у меня была воз-

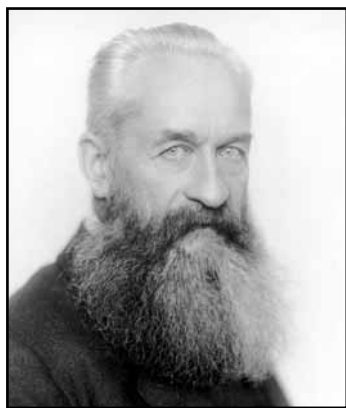
можность выйти за рамки привычных образов, сыграть что-то для себя новое. А это как раз то, что мне всегда интересно! □

Беседовала **Марина Бойкова**

Виктор
Елисеев

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР, НЕ ЛЮБИВШИЙ ПОЛИТИКУ

Получая в ночь со 2 на 3 марта 1917 года из рук Николая II манифест о его отречении, один из лидеров «октябристов» А.И. Гучков и монархист В.В.Шульгин добились того, что последний император России поручил формирование нового правительства князю Г.Е. Львову. «Ах, Львов? Хорошо — Львова...» — сказал он Гучкову и Шульгину с какой-то особой интонацией — император хорошо знал Георгия Евгеньевича, к нему благосклонно относилась и вдов-

ствующая императрица Мария Федоровна. Но, соглашаясь с кандидатурой князя на пост премьер-министра, Николай II, возможно, вспомнил письмо своей жены Александры Федоровны, написанное ею в декабре 1916 года своему венценосному супругу, где она, по сути, приказывала: «**Распусти Думу сейчас же. Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь...**»

Родословная князей Львовых ведет к легендарному конунгу Рюрику. В числе предков Георгия Евгеньевича, где-то в 31-м колене, был ярославский князь Федор, оказавший сопротивление золотоордынским сборщикам дани. Но к середине 19-го столетия род Львовых оскудел, и, когда было продано последнее из значительных имений, семья уехала в Дрезден, где в 1861 году и родился будущий премьер-министр Временного правительства. Мать юного князя была дочерью небогатого помещика Мосолова и в юности воспитывалась в знаменитой семье Раевских. От них она и уна-

следовала прекрасное имение Поповка с усадьбой в Алексинском уезде Тульской губернии. Здесь и обосновались Львовы после возвращения из Дрездена.

Детей воспитывал отец, слывший среди чиновников Палаты государственных имуществ в Туле, где он занимал место управляющего, «вольнодумцем» и либералом. Их учили уважать людей, независимо от места в социальной иерархии общества. Вместе с крестьянскими детьми они веселились около новогодней елки, катались на санках с горки, ходили в лес за грибами и ягодами. Вблизи Поповки пролегал тракт, по которо-

му гнали в Сибирь каторжан, и эта картина навсегда осталась в памяти юного князя...

Окончание Георгием гимназии совпало с продажей большей части имений Львовых, причем и после этого оставался еще долг в 80 тысяч рублей. Последней была заложена Поповка, которую удалось сохранить лишь благодаря предприимчивости старшего брата. Георгий взялся помогать ему в приведении в порядок оставшихся земель и восстановлении пошатнувшегося финансового положения семьи. Он не только штудировал сельскохозяйственную литературу, но и не гнушался «мужицким трудом» в поле и на фермах. Так он постепенно стал либеральным помещиком. За счет расширения площадей, занятых плодово-ягодными культурами, Георгий поднял продуктивность хозяйства в Поповке и организовал торговлю ягодами и фруктами в Москве. Также было организовано производство яблочной пастилы и построены лесопильные мастерские, где изготавливали ящики для упаковки товаров. У него даже опилки и стружки шли в дело: их спрессовывали, и они шли на продажу. Позже Георгий организовал в Подмосковье скупку чугунного и железного лома, который потом с большой выгодой продавал металлообрабатывающим предприятиям. В Поповке он построил школу для крестьян, провел водопровод, которым пользовалось все местное население. Были открыты для крестьян чайная и лавка.

В 1886 году, по окончании университета и получения диплома юриста, Львов занял место неперменного члена Епифанского присутствия по крестьянским делам и, как оказалось, стал «человеком на своем месте»: умел говорить с крестьянами, легко и просто разбирался в их претензиях на сходах. Не стремясь найти корни социальных конфликтов, он пытался, как мог, предотвратить их и добивался, чтобы стороны шли на мировую. (Это миролюбие потом будет весьма раздражать П.Н. Миллюкова и А.И. Гучкова, когда Львов займет пост премьер-министра Временного правительства.)

К 90-м годам XIX-го столетия окончательно сформировались и политические взгляды князя, хотя слова «политика» он не любил и долгое время даже всячески отрицал саму возможность своей причастности к политической борьбе. Кто-то из современников окрестил его «прогрессивным монархическим народником».

В 1891 году Львов вступил в должность неперменного члена губернского присутствия в Туле и стал заниматься кассационными делами по судебным решениям уездных съездов земских начальников. Он реально столкнулся с жизнью. Известен случай, когда хорошо знавший Львовых Л.Н. Толстой осенью 1893 года встретил Георгия, который сопровождал тульского губернатора, направляющегося с воинской командой на усмирение крестьян в Епифанском уезде. Благодаря вмеша-

тельству Львова дело закончилось мирно. Был даже случай, когда Георгий Евгеньевич пытался вступить за группу крестьян, жестоко наказанных земским начальником. Этот инцидент получил общественный резонанс за пределами Тульской губернии: имя Львова стало упоминаться в ряду оппозиционно настроенных чиновников, что и послужило причиной его разрыва с земским начальством и, в конечном итоге, ухода в отставку.

В 1900 году Георгий Евгеньевич одержал победу на выборах в гласные Тульской земской управы, и вскоре его избрали на пост председателя Тульской земской управы. Благодаря связям в министерстве внутренних дел в столице ему удалось получить денежные средства на строительство в губернии новых дорог и осушение болот. Но вся инициатива князя по благоустройству губернии вызвала недоброжелательное отношение со стороны группировки дворянства.

Когда началась русско-японская война, Львов добился аудиенции у Николая II и получил от него согласие на оказание земством помощи русским воинам. 5 мая 1904 года Георгий Евгеньевич с 360 уполномоченными от земства выехал в Манчжурию. Все внимание прессы буквально было приковано к личности князя и к этому отряду. Он даже участвовал в боях и брал на себя командирские функции.

В конце 1904 года Львов вернулся в Москву героем. Ему было пред-

ложено вступить в «Союз освобождения». Хотя он и принял предложение, но к программе новой организации остался безразличным.

6 июня 1905 года в числе 14 членов депутации от общеземского совета Георгий Евгеньевич был принят императором в Петергофе, но на этот раз прием был холодным и Николай II заявил, что он «скорее склоняется, чем отказывается созвать выборов от народа».

Львову было 44 года, когда после опубликования царского манифеста 17 октября С.Ю. Витте предложил ему пост министра земледелия в своем новом кабинете. Но Львов и другие будущие деятели кадетской партии выдвинули ряд требований — созыв Учредительного собрания, полная политическая амнистия, осуществление свобод в стране. Но Сергей Юльевич не принял эти требования, и переговоры были прерваны.

Вскоре газеты причислили князя Львова к кадетам. И когда он прибыл в Тулу, чтобы участвовать в выборах в I Государственную думу, его обвинили в «левых» взглядах. Все-таки он победил и прошел в Думу как от блока тульских кадетов и октябристов, хотя лидер конституционных демократов П.Н. Милюков называл его «сомнительным кадетом». Как вспоминал депутат князь В.А. Оболенский, он заметил рядом с собой на депутатской скамье скромного на вид, несколько сутуловатого человека с коротко подстриженной каштановой бородкой в сером домаш-

нем пиджаке. Этим человеком оказался Львов. По другую сторону от него сидел крестьянин в поддевке, и Георгий Евгеньевич заботливо опекал его, объясняя происходящее на заседании.

Став депутатом Госдумы, Львов как-то стушевался, в прениях не выступал, но при этом пользовался признанием среди депутатов. Он был вхож в дом П.А. Столыпина, и Петр Аркадьевич очень благоволил к Львову. А когда Столыпин стал председателем Совета министров, он решил привлечь Львова и Шипова к участию в реорганизованном правительстве. Они выдвинули ряд требований и даже составили свой список членов коалиционного правительства. Условия их не были приняты, и кандидаты от общественности отказались от предложения Столыпина.

Через какое-то время Георгий Евгеньевич отправился в США и в Канаду, где познакомился с положением переселенцев, в частности, российских духоборцев. Вернувшись домой, он стремился добиться открытия помещения для общеземской организации в Москве, но давший согласие Столыпин был убит, а новый премьер В.Н. Коковцев отказал земцам, заявив: «Вас нельзя никуда пускать. На практике вы всегда захватываете больше, чем вам разрешено. Вот, например, вы были допущены к помощи переселенцам... А вы рядом с этим выпустили книгу антиправительственного содержания». При этом, как рассказывал Львов, премьер в разд-

ражении потряс в воздухе книгой «Приамурье».

В годы Первой мировой войны, когда был создан Всероссийский земский союз, его главой избрали Львова. Война стала его звездным часом. Он многое сделал, несмотря на рутину и косность бюрократии, в деле оказания помощи армии, закупая продовольствие и снаряжение, оказывал помощь беженцам. Только в 1914 году Всероссийский земский союз передал 600 тысяч рублей больным и раненым воинам.

...На улицах Петрограда еще шли бои с полицией, когда в Белой зале Таврического дворца заседал поспешно созданный Временный комитет Государственной думы во главе с М.В. Родзянко. Было решено, что правительство будет функционировать при конституционном монархе. В ходе этого заседания разгорелись споры о составе правительства. Кандидатура Львова на пост премьер-министра и министра внутренних дел была принята практически единогласно. Многим импонировали его личные качества — отсутствие дешевой демагогии, амбициозности, крикливости. По сути, он был внепартийным, хотя близко примыкал к кадетам, и устраивал всех — от монархистов до либералов. Но вскоре после выступления и бесед со Львовым многие почувствовали разочарование. Милюков позднее вспоминал: «Мы не почувствовали перед собой вождя. Князь был уклончив и осторожен: он реа-

гировал на события в мягких расплывчатых формах и отделялся общими фразами».

А вот иностранные дипломаты смотрели на князя другими глазами. Генеральный консул США Джон Снодграсс писал в марте 1917 года в «Нью-Йорк таймс»: «Русский народ не мог найти нигде в своей стране людей, лучше подготовленных для того, чтобы вывести его из мрака тирании... Львов и его соратники значат для России то же, что Вашингтон и его сподвижники означали для Америки, когда она обрела независимость».

Некоторые исследователи выдвигают Львова на пост главы первого буржуазного правительства связывали позже с масонами. То, что Львов был масоном, на это указывает и Милюков. В России царили анархия, спекуляция, и Львову необходимо было срочно найти ту «нить Ариадны», которая помогла бы выйти из сложного лабиринта проблем. Правительство тянуло с созывом Учредительного собрания, не решало ни аграрного, ни рабочего вопроса. Георгий Евгеньевич то «загорался какой-то лихорадочной энергией и какой-то верой в возможность устроить Россию», то остывал. По его словам «...кругом истерика, ее врачевать надо, а не разжигать». Однако он не удержался на позиции врачевателя, так как старался обходить стороной социальные трения, произносил миротворческие речи. После первого кризиса правительства Милюков, вышедший из его состава, имел бесе-

ду со Львовым и заявил ему, что у него теперь два пути: или последовательное проведение твердого курса, или коалиция с левыми силами и подчинение их программе с риском дальнейшего ослабления государственной власти. Львов был настроен в пользу второго решения.

5 мая был опубликован состав нового правительства, в котором шесть портфелей принадлежали теперь министрам-социалистам. Премьер-министром остался Львов. Но ни надежд, ни энтузиазма, сопровождавших возникновение Временного правительства в марте 1917 года, у него уже не было. Руководить коалиционным кабинетом оказалось не под силу. Князь стал раздражительным и нервозным. Беседуя с генералом Куропаткиным, он заявил, что не ожидал, что революция зайдет так далеко, и добавил: «Теперь мы как щепки носимся на ее волнах».

После событий в Петрограде, когда пролилась кровь, и большевики предприняли попытку захватить власть, 7 июля 1917 года Георгий Евгеньевич подал в отставку. Т.И. Польнеру он сказал: «В сущности, я ушел потому, что мне ничего не оставалось делать. Для того чтобы спасти положение, надо было разогнать Советы и стрелять в народ. Я не мог этого сделать. А Керенский может».

После отставки Львов уехал в Москву, а потом удалился в Оптину пустынь. Узнав вскоре о захвате власти большевиками, он был вынужден сменить имя, отпустить бороду

уехать в Сибирь. Поселился в Тюмени, надеясь, что сюда власть большевиков не придет. Но 28 февраля 1918 года он был арестован, заключен в тюрьму и каждую минуту ждал, что его «поставят у дров»...

Но Георгию Евгеньевичу удалось бежать, и он благополучно добрался до Омска, где и скрывался до прихода белых.

В конце 1918 года Львов создал в Париже Русское политическое совещание, состоящее из послов бывшего Временного правительства. Оно стало центром белого движения и установило контакты с правительствами, созданными на территории России. А вот русскую делегацию на Версальскую конференцию бывшие союзники по Антанте так и не допустили.

Русские эмигранты Львова не любили, считали незадачливым правителем и срывали на нем зло. Теперь он жил уединенно, скорбя о России и ожидая падения большевиков. Брался и за перо, стараясь писать. Он создал прекрасную сказку «Мужики». В поисках общения с простыми людьми князь надевал синий рабочий костюм и уходил пешком из Пари-

жа на фермы. Там он помогал хозяевам убирать урожай, и никто из них не ведал, что это за помощник. Он постоянно хлопотал за людей, а в свободное время мог часами шить кошельки, бумажники, портфельчики. Даже научился печатать на пишущей машинке и приступил к написанию мемуаров (правда, довел их лишь до своего поступления в университет). Жил он предельно скромно. В небольшой комнате стены украшали лишь литография «Оптина пустынь», а рядом с ней висел образ князя Федора Ярославского — потомка предка Львовых.

Умер Георгий Евгеньевич 6 марта 1925 года. На его похоронах присутствовали лишь немногие из русских эмигрантов... □

Санкт-Петербургу, северной столице России, исполнилось в этом году 320 лет. За три с небольшим века этот великий и величественный город не раз переживал в своей судьбе и взлеты, и падения, и блестящий расцвет, и, казалось бы, неминуемый упадок... Но вот что характерно: с самого начала существования основанного Петром Великим стольного града его окружают таинственные легенды, предсказания и пророчества.

Магия Петербурга

ОПЯТЬ ЭТА ЧУХНА КОЛДУЕТ

Начнем с того, что предыстория Петербурга и окрестностей изобилует, просто-таки кишит самыми разными таинственными и загадочными событиями. Складывается ощущение, что район реки Невы и Карельского перешейка вообще издавна считался чуть ли не обителью разного рода колдунов, ведьм и ворожеев. Впрочем, так ведь оно и было — Ингерманландия (древняя русская земля Ижора), эта бедная и отдаленная провинция Швеции, негласно именовалась пристанищем для магов и чародеев.

На исходе XVII столетия на островах в дельте Невы, на которых всего лишь несколько лет спустя царь Московии заложит новый город, царило смутное оживление. Среди проживавших здесь немногочисленных финнов и находивших приют «убогих чухонцев» стали распространяться слухи о таинственном призрачно-зеленоватом свечении, периодически появлявшимся в темную, ночную пору близ устья Невы, и это был явно не свет от рыбацких костров. У видевших его волосы вставали дыбом, ноги от страха прирастали к земле, а кровь застыла в жилах. Как поговаривали убеленные сединами древние стар-

цы, свечение это было предвестником возвращения древней магии на берега Невы. Нужно было спешно готовиться к великим испытаниям.

И действительно, вскоре началась Северная война, а в воздухе буквально повеяло знаменем каких-то небывалых доселе перемен в жизни всех и каждого. Кстати, та русско-шведская война затянулась более чем на два десятилетия, и жизнь в прежде малонаселенной местности изменилась кардинальным образом. Кстати, частота появления световых столбов, равно как и их яркость, заметно усилились с приходом в эти края

армии Петра I и началом боевых действий.

У русских, заселивших после победы России в Северной войне завоеванные (или, как говорила официальная светская и духовная пропаганда того времени, «наконец-то возвращенные в лоно российской державы от свейской неправды» ижорские земли), отношение к местному финно-угорскому населению, той самой странной и загадочной заповедной чуди, было настороженно-двойственным. С одной стороны, чухонцы вызывали у славян неподдельный интерес, ибо не только своим внешним видом, но и обычаями, повадками, языком рази-

тельно отличались от пришельцев в бывшую шведскую Ингерманландию, ставшую частью Руси. С другой стороны, все эта «чухонско-финская братия», считали русские, была «себе на уме» — владела древней сакральной магией и совсем не чуралась колдовства и ворожбы, запросто могла сглазить, а то и сотворить чего похуже. Поэтому подглядывать за чуждью, а уж тем более обижать ее боялись. Соответственно, отношение двух этносов друг к другу, несмотря на проживание по соседству, долго было весьма настороженным, хотя, в то же время, приправленным изрядной долей любопытства. Вот такой парадокс и дуализм.

Представим себе такую картину, о которой многократно, на разные лады писали фольклористы и сказители всех мастей, собиравшие и изучавшие как предысторию, так и первые времена существования невольской столицы: темная-претемная, буквально иссиня-черная студеная зимняя ночь. В жарко натопленной русской избе на самой окраине или в предместьях Петербурга на печи собрались слушатели, а сидящий за столом на деревянной лавке перед потрескивающей лучиной или загадочно мерцающим огарком свечи странник-рассказчик начинает повествовать о своих далеких вояжах, о встречах с нечистой силой, могущественными магами и

колдунами. Сидящие на печи слушатели ловят буквально каждое слово отогревающегося в избе рассказчика. А задувающий в печную вьюшку ветер, скрип половиц, да преисполненное собственного достоинства покашливание рассказчика лишь добавляют ореол таинственности в общую атмосферу. И тут внезапно раздается резкий и весьма настойчивый стук в дверь — все замирают в немом оцепенении и каком-то первобытно-мистическом ужасе. Стук несколько раз повторяется, с каждым разом все больше усиливаясь. Наконец, преодолев свой страх, хозяин с опаской чуть приоткрывает дверь избы, из-за чего внутрь помещения врываются клубы обжигающего морозного ветра, который разом задувает мерцающий на столе огонь, погружая всех собравшихся в практически кромешную темноту. Кто-то из слушателей тут же истошно вскрикивает, хозяин избы, поборов первый приступ робости, все же выглядывает за дверь, потом обходит избу, но вокруг дома — никого. И лишь рассказчик невозмутимо и слегка меланхолично замечает: «Ишь, как чухна расколдовалась нынче. Опять чудит!»

ТАИНСТВЕННАЯ САЛАМАНДРА

Магия петербургского мифа началась практически с самого момента

основания Северной Венеции. На эту тему написан не один десяток обстоятельных научных и популярных работ. Тем более удивительно, что изданная еще в 1841 году повесть писателя Владимира Одоевского «Саламандра» прошла практически незамеченной. Широкой публике этот глубокий писатель-мистик, всерьез увлекавшийся и пристально изучавший скрытые от непосвященных сакральные тайные знания и оккультные науки (чего стоит один только его роман-предвидение «4338 год в Петербурге») известен, прежде всего, по многократно издававшейся до революции, а затем в Советском Союзе и сменившей его современной России волшебной повести-сказке

«Черная курица, Или подземные жители» (1829).

Как известно из мифологии, саламандра — одно из самых загадочных существ. В те давние времена многие всерьез полагали, что она обитает в огне. Средневековые маги и алхимики именно саламандру почитали духом огня. Было принято считать, что для поддержания равенства четырех стихий природы — огня, земли, воздуха и воды — должны существовать животные, которые могли жить в огне. Именно таким животным и была саламандра. Символично, что одноименное произведение Одоевского начинается со слов: «В сей повести читатели найдут опыт рассказа, основанного большей частью на финских поверьях».

Сюжетная линия произведения восходит к петровским временам и непосредственно следующему за ним периоду, преимущественно к первой половине восемнадцатого столетия. Волей автора легенда об основании града на Неве вложена в уста одного из главных героев — финна, уроженца Иматры и адепта древних тайн и знаний своего народа. Вековое соперничество России и Швеции, соседних народов за устье Невы и приневские земли объясняется тем, что именно где-то здесь зарыта волшебная мельница Сампо, приносящая счастье. Петр I не может просто так построить здесь свой город, ибо его тут же засосало бы болото. В результате последний русский царь выковывает свой град целиком на воздухе и уже в таком виде опускает на вязкие, топкие земли невских болот. Стихии сходятся между собою в яростной, смертельной схватке, шведский король при помощи магии и колдовства даже напускает на Петербург наводнение, но сделать что-либо уже поздно. Усмирив стихии, Петр I возлагает на себя царственный венец и золотит благодарную Финляндию. Такова вкратце фабула «Саламандры».

Разумеется, Владимир Одоевский в своей повести не просто вольно пересказал древние финские легенды и предания. В ней причудливым образом сплелись воедино и мифы из карело-финского национального

эпоса «Калевала», и современный автору петербургский художественный текст начала XIX столетия, всю творивший мифологию российской столицы — от «Медного всадника» Александра Сергеевича Пушкина до известного ныне лишь среди историков литературы «Петрограда» Степана Шевырева.

Кстати, в первой половине XIX столетия соседние с Финляндией народы считали ее территорию этакой страной волшебников, ведь даже ее название — *Suomi* — многие ученые той поры считали однокоренным как с болотом («*suo*»), так и с затерянной в приневских топях волшебной мельницей Сампо. Соответственно, место, где был основан Санкт-Петербург, должно было нести таинственные и загадочные черты уже по одному своему определению.

Дальнейшие периоды существования столицы могущественной российской империи в целом и блистательного Санкт-Петербурга в частности лишь подтвердили эту сентенцию. Петербургский миф стал шириться, разветвляться и усложняться. Каждое последующее поколение жителей города на Неве, от простых извозчиков и крестьян до именитых сановных вельмож и писателей с поэтами, по крупицам добавляло в него что-то свое. Так, в итоге, формировался уникальный, не имеющий аналогов *geniusloci* (Дух места) Петербурга... □

Ирина Путяева

Любимый, я хочу тебя обнять,
но руки отчего-то непослушны.
Опять снега за окнами,
опять
сугробы, как несмятые подушки...
А в горнице пришедшей к нам зимы
мороз и свет
и бег полозьев звонких...
И шевелят усами,
как сомы,
ленивые январские поземки.
Еще не время расцвести садам...
Но не желанья скованы —
движенья...
И может быть, открыта сущность нам
и листьев,
и снегов
кровосмешенья.

Над головою белый абажур
таинственного света дарит знаки.
К черновикам давно
не подхожу:
в них преданность
подобранной
собаки.

Река в половодье бродит:
С весною уходит лед.
Земля из-под ног уходит,
когда начинается взлет.
Мы вечность не будем рядом,
но, руки прижав к груди,
молю молчаливо взглядом:
«Любимый, не уходи!»
Средь белых созвездий сада
шмелями гудят дожди...
Уходим, когда не надо,
а надо — не можем уйти!
Проходят и дни и даты.
Их сколько еще впереди!..
Не верится, что когда-то
придется из жизни уйти.

Льется свет в проем оконный.
Строго смотрят образа.
Мироточа, на иконе
Скорбно выступит слеза.
За крестинами — венчанье.
Колокольня зазвенит...
И колечком обручальным
Солнце катится в зенит.
Небо, словно в незабудках.
Безмятежно, не спеша,
сядет сизою голубкой
В руки Господа душа...

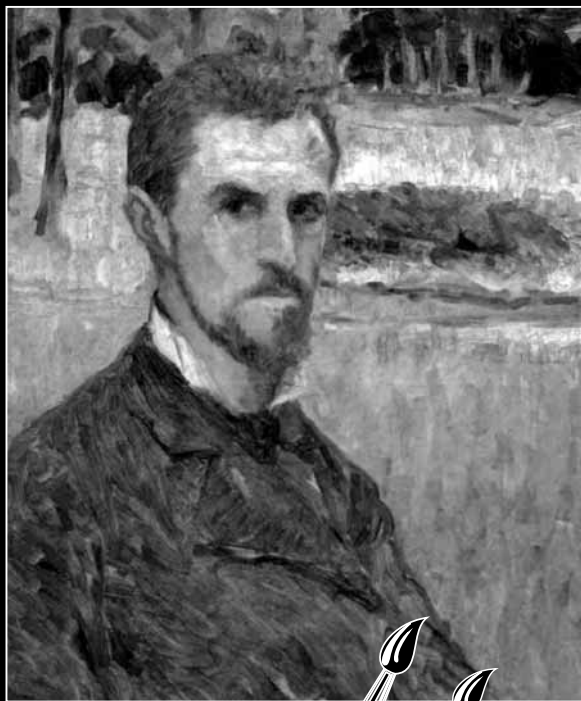

Глаза людей —
как крылья без простора.
Смущенье — от единственного взора.

Ирина
Опимах

Гюстав Кайботт

художник и меценат

*Гюстав Кайботт.
Автопортрет*

Гюстав Кайботт, наверное, наименее известный и наименее оцененный художник из блестящей плеяды импрессионистов. Но это нисколько не умаляет его вклад в искусство. Однако его роль в истории живописи конца 19-начала 20 века этим не ограничивается. Благодаря ему были созданы и сохранены многие шедевры импрессионистов, его коллекция легла в основу блестящего собрания парижского музея д'Орсе. В этом музее хранятся и некоторые его работы, среди которых — знаменитые «Паркетчики».

Гюстав Кайботт родился 19 августа 1848 года в Париже, в роскошном особняке на улице Фобур-Сен-Дени. Его отец, Марсиаль Кайботт, был очень богат — по наследству ему досталась большая текстильная фабрика, и руководил он семейным делом весьма толково. К тому же он был уважаемым в обществе человеком — недаром его выбрали судьей парижского Коммерческого суда. Мадам Кайботт,

в девичестве Селеста Дофрен, была третьей супругой мсье Кайботта (похоже, он ни в чем себе не отказывал). Она родила ему трех мальчиков — Гюстава, Рене и Марсиаля.

Юному Гюставу, явно обладавшему незаурядными способностями, все было интересно. Например, он любил математику, конструирование, а еще рисовать. Но поначалу ни он, ни его отец не рассматрива-

ли искусство как дело достойное, и потому Кайботт-младший поступил в престижное учебное заведение — лицей Людовика Великого, а потом в Сорбонну, где изучал право. В 1870 году он уже совершенно официально мог вести юридическую практику, но — началась Франко-прусская война, и Гюстав, как настоящий гражданин и патриот, встал на защиту своей страны от бошей. Он прослужил девять месяцев в Мобильной национальной гвардии Сены, демобилизовался в начале 1871 года и снова вспомнил об искусстве — стал заниматься в студии Леона Бонна, признанного в Париже живописца, а в 1873 году даже поступил в Парижскую академию искусств, в класс художника Бугро. Однако академическое искусство показалось ему таким старомодным и пресным! И он бросил академию.

Между тем недалеко от его поместья в Аржантее, на берегу Сены, любили работать на пленэре будущие импрессионисты. Здесь все располагало к живописи.

Вернувшись из путешествия в Голландию и Англию, в Аржантее поселился Моне и прожил тут семь лет, без усталости наблюдая и пытаясь запечатлеть непрерывно меняющийся пейзаж — реку, лодки, парусники... Потом в Аржантее приехали Ренуар и Сислей. Они много работали, но успевали и развлекаться — плавали по реке под парусами, гребли на лодках, купались, ухаживали за девушками. Они мно-

го говорили об искусстве, спорили, порой даже ссорились — в общем, их отношения не всегда были безоблачными. Но это были люди яркие, талантливые, готовые свергать всяческие авторитеты и верящие в свое будущее.

И вот однажды, когда Моне работал на берегу, к нему подошел молодой и очень симпатичный господин в костюме для гребли. Он попросил позволения посмотреть на полотно, стоявшее на мольберте, и высказал несколько дельных замечаний. Оказалось, что его зовут Гюстав Кайботт, что он увлекается живописью, живет неподалеку и занимается тем, что конструирует гоночные яхты, на которых участвует в соревнованиях и даже часто получает призы. А еще он тут же поведал новому знакомому, что одно время решил серьезно заняться искусством и стать художником, даже поучился у признанных в Париже художников Леона Бонна и Бугро в Школе изящных искусств. Но классическое искусство ему показалось ужасно скучным, и он нашел себе более увлекательное занятие: живя на берегу Сены, конструировал и строил яхты.

Удивительная компания, в которую он попал, разговоры и обсуждения полотен, рождавшихся на его глазах, вновь заставили Гюстава взяться за кисть. Он многое перенимал у своих новых приятелей, но в то же время в его картинах виден его собственный почерк, стиль, манера.

Первая выставка импрессионистов, открывшаяся в 1874 году, произвела на Кайботта огромное впечатление. Он почувствовал себя частью большой группы, группы талантливых и дерзких ниспровергателей классицизма, и старался тоже сделать что-то достойное. Писал своих родственников, повседневную жизнь. На полотне «Молодой человек у окна» (1875) запечатлен брат Рене в доме на улице Миромениль, а на «Апельсиновых деревьях» (1878) — Марсиаль с двоюродной сестрой Зое в их саду в Йере, на «Портретах в сельской местности» (1875) изображены мать Кайботта, его тетя, кузина и друг семьи.

В 1874 году, в год первой выставки импрессионистов, умер Кайботт-старший. Каждый из его детей получил в наследство весьма немалые деньги, способные обеспечить безбедное и беззаботное существование. Гюстав вместе с братом Марсиалем, увлекавшимся музыкой, поселился в роскошной квартире на бульваре Осман. Ему не было нужды работать ради пропитания, он мог позволить себе все, что захочет. А теперь он хотел стать настоящим художником.

На выставке своих друзей он уже принимал самое активное участие, и с тех пор Кайботт стал непременным участником всех выставок импрессионистов. В 1875 году он настолько уверовал в собственный

«Паркетчики»

талант, что осмелился представить на суд жюри ежегодного парижского Осеннего салона свою картину «Паркетчики».

На полотнах французских художников уже появлялись разные работы — Милле рисовал крестьян, Курбе — дробильщиков камней, а Ренуар и Мане — белошвеек.

Но Кайботт впервые показал городских рабочих, и показал, что их труд — красив и мужественен.

Салон отверг «Паркетчиков», но их увидели на второй выставке импрессионистов (1876), и картину заметили. (После смерти Кайботта в 1896 году она была передана в Люксембургский музей, потом в

Лувр, а с 1986 года картина находится в музее Д'Орсе.)

Роль Кайботта в истории импрессионизма не ограничивалась только живописью. У него были деньги, и он был готов делиться ими со своими постоянно нуждавшимися друзьями-художниками. Раньше таким

Справа:
*«Катание
на лодках
по Йерре»*

*«Апельсиновые
деревья»*

великодушным благотворителем в сообществе импрессионистов был талантливый художник и щедрый богач Фредерик Базиль, но в 1870 году Базиль ушел добровольцем на фронт и погиб в бою в Бургундском лесу под Бон-ла-Роланд. Теперь его место занял Кайботт. С присущим ему тактом он покупал творения импрессионистов, причем выбирал те, которые, по его мнению, вряд ли могли быть проданы. А начиная с 1876 го-

да, именно он финансировал и организовывал выставки «отверженных», как импрессионистов называли в Париже. Третья выставка, 1877 года (кстати, первая выставка, которая стала официально называться Выставкой импрессионистов), была поистине его детищем — он не только показал на ней свои работы, но и, по сути, полностью ее организовал: нашел подходящее помещение на улице Лепелетье, дал деньги на арен-

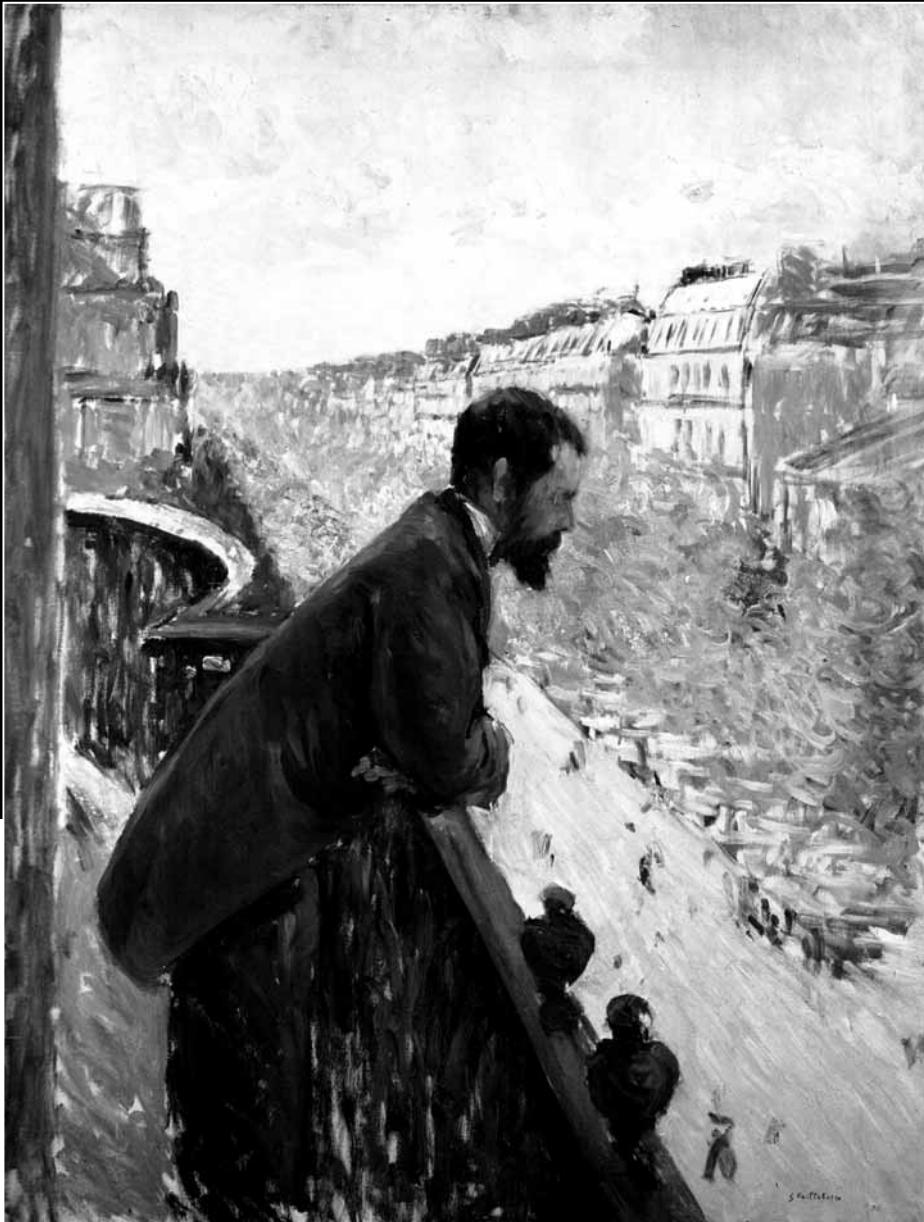
ду и даже вместе с Ренуаром развлекался картинами.

Гюстав Кайботт, яркий, умный, щедрый, талантливый и просто очень обаятельный человек, нашел свое место в кругу импрессионистов.

Критик Жюль Монжуае так писал о нем: «Импрессионисты приветствовали его как долгожданного новобранца. Он принес с собой все качества юношеской непреклонности. Той юности плоти и духа, что заставляет нестись очертя голову, невзирая на ошибки, не признавая разочарований, побеждая суровую действительность. Он вышел на поле боя с видом избалованного ребенка. Ему, застрахованному от нужды, сильному, как никто, повсюду благоволила Фортуна.

У него была та особая, необычная смелость, свойственная только тем,

у кого за спиной заработанное тяжелым трудом богатство; и я знаю очень немногих, кто подобно ему, забыл, что он вышел из этой среды, и полагал, что и ему уготовано проложить собственный путь в этом мире. Его квартира на бульваре Османа, рассчитанная на роскошь, обставлена с обыкновенным комфортом человека со вкусом. Он живет с братом, музыкантом. Отношения у них странные: каждый идет своей дорогой, не ведая, куда идет другой; один занимается живописью, другой сочиняет музыку. Они не обсуждают друг с другом свои проблемы; чувствуют по-разному, никогда не беседуют о музыке и живописи и свое родство обнаруживают только в дружбе, придающей их отношениям теплоту и близость.

*«Мужчина
на балконе»*

Таковы две жизни, идущие параллельно, но различно».

Блестяще образованный, умеющий держать себя в обществе, Кайботт часто выставлял картины своих друзей, уже им купленные, и покупал их вновь, втайне от авторов, чтобы дать возможность им еще немного подзаработать. (В результате у него сложилось прекрасное собрание импрессионистов.) Он их всех любил и уважал за талант, но осо-

бенно близкие отношения связывали Кайботта с Моне и Ренуаром, которым он помогал часто и абсолютно бескорыстно. Давал деньги в долг, никогда не требуя возврата, снял комнату для Моне, в которой тот написал свои знаменитые виды вокзала Сен-Лазар, а позже убедил дирекцию Лувра купить «Олимпию» Мане.

Кайботт не только с удовольствием помогал своим друзьям-художникам творить шедевры, но и

сам много работал. Его живопись отличается от стиля импрессионистов — он был гораздо реалистичнее, рисовал на полотне новую жизнь, мир современника. На его картинах — мосты, улицы, бульвары, рабочие, спортсмены... «Парижская улица в дождливую погоду» — одна из наиболее значительных работ Кайботта. А еще он писал портреты, которые ему вполне удавались, и автопортреты, показывающие нам тонкого, думающего, талантливое человека. И очень скромно оценивающего то, что он делает в искусстве.

Кайботт очень любил и ценил своих друзей, но их непрерывные ссоры, их часто непомерное честолюбие и эгоизм (особенно его раздражал Дега), в конце концов, заставили его отойти от них подальше.

В 1881 году он купил поместье в Пети-Женевилье, недалеко от любимого Аржантея. Там, вдали от парижской суеты, ему было хорошо и спокойно. В 1888 году он окончательно оставил столицу и поселился в Пети-Женевилье вместе со своей подругой, актрисой Шарлоттой Бертье. Она была на 11 лет моложе Кайботта, что несколько не мешало им быть вместе. В Пети-Женевилье Кайботта избрали городским советником, и на этом посту он тоже проявлял свою доброту и невероятную щедрость. Гюстав быстро разобрался в городских проблемах — где нужен ремонт зданий и дорог, а где необходимо поставить фонари. «В жизни не видел такого чиновника. Чтобы

не морочить себе голову бюрократическими бумажками и не обременять память счетами, он все оплачивал из собственного кармана: освещение, уличные мостовые, мундиры стражи», — рассказывал один из его современников, житель Пети-Женевилье.

Здесь, на берегу Сены, природа располагала к написанию пейзажей, и Кайботт создавал прекрасные картины, полные радости, света, красоты... Они хранились у него дома — ведь продавать их ему особой нужды не было.

Но постепенно его интерес к живописи стал угасать — теперь Кайботт увлекся марками! Его вклад в развитие филателии столь велик, что после смерти его имя было включено в Список выдающихся филателистов, а его коллекция ныне хранится в Британском музее!

Вспомнил Кайботт и о яхтах и парусах, и снова много времени отдавал конструированию и строительству яхт. Он организовывал регаты в Нормандии, написал новый свод правил для национальных соревнований. На лодке «Дахут», построенной в 1894 году, Гюстав выиграл 11 из 14 гонок в Бретани и Нормандии. У него в имении была собственная верфь и работники, которые помогали ему строить лодки. Всего он построил около 20 яхт! (Его статьи с новыми инженерными идеями и чертежами печатались в специальных журналах, и о его вкладе в конструирование яхт специалисты

*«Женщина
у туалетного
столика»*

помнили много лет спустя после его смерти, в то время как о художнике о нем практически забыли.)

Ну и еще в его жизни появились орхидеи, которые он выращивал в своем саду, прикупив для этого соседние участки земли. В этом саду Гюстав разводил не только орхидеи, но и другие цветы — хризантемы, ирисы, розы, георгины, кроме того, создал для них автоматическую систему орошения — по тем временам абсолютная техническая новинка.

Не забывал он и своих старых друзей — Ренуар часто приезжал к нему погостить, обсудить последние новости в политике и куль-

турной жизни, да и просто отдохнуть...

Иногда Кайботт навещал Моне, который жил неподалеку в Аржантее. Однажды Моне, ожидавший Кайботта к обеду, получил такую записку от него: «Выращиваю сейчас орхидею *stanhopea aurea*, которая расцвела сегодня утром. Цветы продержатся всего три или четыре дня, и я не увижу их еще целый год. Не могу это пропустить. Примите мои извинения».

И его можно понять! Орхидеи стали очень важной частью его жизни, ради них он даже порой брал в руки кисть и краски, и тогда они оживали на его картинах.

Гюстав Кайботт умер 21 февраля 1894 года, умер в своем саду, ухаживая за своими удивительными цветами, умер неожиданно, внезапно, вероятно, от кровоизлияния в мозг. (По другим сведениям, от отека легких). Умер молодым, полным сил. Ему было всего 46 лет. Сколько еще в жизни он мог бы сделать! Похоронили его на парижском кладбище Пер-Лашез.

Еще в самом начале жизни, после смерти отца и младшего брата, Кайботт решил написать завещание. Потом он его менял, дописывал...

Когда оно было обнародовано, оказалось, что он освободил всех своих друзей от выплаты долгов, оставил вполне достойную ренту Шарлотте Бертье, остальное имущество — брату и его семье, а коллекцию картин (19 картин Писарро, 14 — Моне, 1 — Ренуара, 9 — Сислея, 7 — Дега, 5 — Сезанна, 4 — Мане) завещал Франции. Понимая, что еще много лет импрессионизм не будет признан официально, Кайботт поставил условие: разместить его коллекцию в Люксембургском музее, где тогда хранились работы современных мастеров, а потом перенести картины в Лувр.

Вокруг коллекции Кайботта разгорелись нешуточные страсти. Правительство Франции отказывалось принять дар, не видя в нем никакой ценности. В газетах появились отвратительные статьи, в которых утверждалось, что показ картин из коллекции Кайботта отвратит моло-

дых талантов от серьезной работы в искусстве. Господин Ружон, директор Школы изящных искусств, был до смерти напуган необходимостью принимать решение. В 1897 году Ренуар, душеприказчик Кайботта, все-таки добился некоего соглашения: 38 картин, оцененных в 140 тысяч франков, были размещены в Люксембургском музее, и в эти залы тут же устремились молодые парижане, стремившиеся увидеть новое искусство. «В святая святых, в Люксембургский музей, вторглись крайне двусмысленные произведения! — возмущенно кричали члены парижской Академии художеств. — Что представляет собой Мане? Пачкун... Что до Ренуара, Писсарро и Сислея, это просто преступники, отравившие сознание молодого поколения». Вот как воспринимались импрессионисты на рубеже 19–20 веков...

Остальные 29 полотен вновь предлагались французским властям в 1904 и 1908 годах, но положительное решение принято не было. В 1928 году французское правительство вдруг вспомнило об этих картинах и захотело их приобрести, — импрессионисты уже во всем мире почитались как классики, а их картины стоили огромных денег — однако теперь уже родственники Кайботта отказались пойти на уступки и продали полотна американскому коллекционеру Альфреду Барнсу. Теперь они принадлежат его фонду.

А картины самого Кайботта оставались у его наследников. Об этих

полотнах никто, по сути, не знал, и никто их не видел — до тех пор, пока наследникам не понадобились деньги. В 1970-х годах они решили выставить некоторые из его картин на аукцион. И тут произошла сенсация! Оказалось, что картины Кайботта вполне достойны того, чтобы висеть не в прихожей, как он когда-то писал, а рядом с творениями его признанных друзей — Ренуаром и Моне!

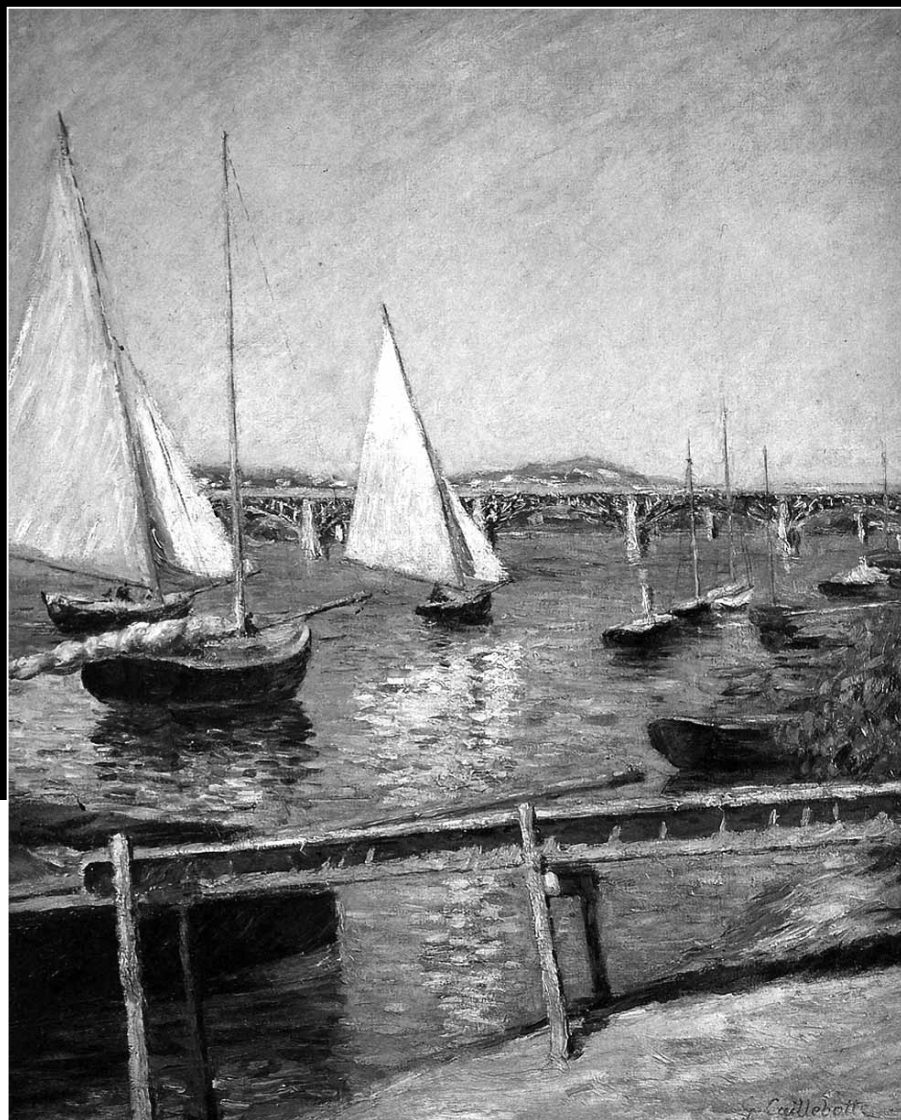
Михаил Герман в книге «Импрессионисты» так пишет о Кайботте: «Гюстав Кайботт, этот в полном смысле слова непризнанный гений своего времени, стал, рискуя предположить, жертвой жестокой несправедливости, а может быть, и некоторой скрытой ревности тех, кому он так широко и бескорыстно помогал.

В историографии импрессионизма это ... более чем несправедливость, это — ошибка. Конечно, в ранних холстах Кайботта явные следы дилетантизма, неумение проступает сквозь талант, и результат остается почти за пределами искусства. Тем поразительней его взлеты, где он не только уверенно становится в один ряд с лучшими мастерами, но и открывает аспекты мира, ведомые лишь ему одному и ему одному доступными средствами».

В 2020 году в Нью-Йорке на аукционе картина Кайботта «Молодой человек в окне» была продана в Музей Поля Гетти за 53 млн долларов. Французы восприняли это как огромную трагедию, и потому, когда в 2022 году на одном из французских аукционов появилась картина Кайботта

Слева:

*«Парижская
улица
в дождливую
погоду»*

*«Парусники
в Аржантее»*

«LaPartiedebateau» («Часть лодки») 1878 года, чтобы не потерять ее, чтобы ее не продали за границу, власти тут же объявили картину национальным достоянием и организовали сбор средств на ее покупку. У Д'Орсе было всего 3 млн евро, а нужно было 43 млн евро. Недостающую сумму предоставила группа компаний LVMH, президент которой — миллиардер Бернар Арно. Картина осталась во Франции.

Гюстав Кайботт прочно занял достойное место в истории искусства.

Теперь его воспринимают не только как бескорыстного мецената, благодаря которому были созданы шедевры Ренуара, Моне и других импрессионистов, но и как большого художника, сумевшего создать свой мир. Справедливость восторжествовала — его имя, многие годы забытое, снова на слуху. И мы, как и его современники и друзья, попадаем под власть обаяния этого удивительно талантливого, разностороннего и очень благородного человека — Гюстава Кайботта. □

Сергей Кондрашев

*«Классическую музыку
можно научиться
понимать и любить,
достаточно лишь
время от времени
ее слушать»*

Фото предоставлены Пресс-службой радио «Орфей»

В конце октября в рамках проекта «Возрождаем наследие русских композиторов» и празднования 100-летия российского джаза в Московском Международном доме музыки симфонический оркестр радио «Орфей» под управлением Сергея Кондрашева исполнит никогда ранее не исполнявшиеся произведения российских композиторов начала XX века, написанные в жанре симфоджаза. Проект «Симфоджаз: сделано в России» обещает быть грандиозным. Сейчас репетиции идут полным ходом.

Наш сегодняшний герой — художественный руководитель, главный дирижер радио «Орфей», заслуженный артист России Сергей Кондрашев.

— Сергей, кем вы мечтали стать в детстве?

— Тем, кто управляет средствами перемещения в пространстве, а очень хотелось бы, чтобы и во времени. Это — капитан, машинист, водитель. Я хотел стать путешественником!

— Что для вас означает быть дирижером?

— В первую очередь это самореализация. И, конечно, ответственность. Иногда слишком большая ответственность, когда составы артистов на сцене значительны: опера, балет.

— Какую музыку вы слушаете в свободное от работы время?

— Чаще всего слушаю музыку в автомобиле. Разумеется, родной «Орфей» и еще несколько радиостанций, которые транслируют спокойную музыку с обязательным наличием мелодии, и это может быть совсем не классика. В остальное время предпочитаю полную тишину или пение птиц, которое, на мой взгляд, является самой совершенной музыкой в нашем мире!

— Вы смотрели фильм «Тар» о женщине-дирижере, который был номинирован на «Оскар» в этом году?

— Да, я его посмотрел. Думаю, что «Оскар» обязательно нужно вручить и всем тем зрителям, кто не является профессиональным музыкантом и досмотрел картину хотя бы до

ее середины, а длится весь фильм без малого два часа сорок минут! Если же говорить серьезно, фильм, на мой взгляд, неоднозначный и очень неровный по ходу развития сюжета. При этом он отражает весьма точную и реальную картину происходящего на «Олимпе» музыкального классического искусства на протяжении последних десятилетий и открывает порой самые темные и непривлекательные уголки закулисья этой жизни.

— Вы имеете в виду культуру отмены? Как вы к ней относитесь?

— Могу назвать происходящее полным бескультурьем. Всегда считал, что спорт и культура вне политики, и образованные, считающие себя интеллектуальными люди должны это понимать. Еще десять лет назад я даже не мог представить и поверить, что некоторые решения, разрушающие сегодня самые надежные и крепкие экономики Европы, могут быть приняты. Сегодня дошло и до культуры, и до спорта. Оказывается, люди в погоне за сиюминутными желаниями кому-то отомстить и навредить готовы разрушать культурные слои, создаваемые этносами и многими поколениями на протяжении десятилетий и столетий. Это говорит о том, что человек крайне не совершенен. И это очень печально!

— Можно ли назвать дирижера своеобразным диктатором?

— Да, отчасти это так. Оркестр начинается с самоорганизации артиста и очень четкой дисциплины, иначе никогда не будет в коллективе «вместе и вовремя». А музыкальное искусство — это искусство временное. И именно дирижер является тем таймером, который это время определяет. К сожалению, не все артистические, творческие личности способны к четкой самоорганизации, поэтому

ской консерватории, где публика не отпускала оркестр со сцены, и мы вынуждены были исчерпать весь запас наших подготовленных «бисов». Пришлось увести оркестр под аплодисменты зала, который при этом стоял. На данный момент это самый запоминающийся концерт.

— Что для вас значит радио «Орфей»?

и вынужден дирижер быть диктатором. При этом в самом творческом процессе, несомненно, артист-солист должен чувствовать свободу, тогда музыка будет «дышать».

— Какой из ваших концертов запомнился вам больше всего?

— С течением времени все меняется. Что-то остается, что-то уходит, и восприятие прошлого тоже претерпевает изменения. Вот буквально на прошлой неделе состоялся наш концерт в Большом зале Москов-

— Очень отраднo, что жизнь так распорядилась и дает мне возможность трудиться второй десяток лет на радио «Орфей». Во-первых, прекрасно, что в нашей стране есть радио классической музыки, аудитория которого постоянно увеличивается, как и число городов, где «Орфей» вещает в FM-диапазоне (уже в этом году его можно будет слушать в Сочи, Новосибирске, Туле).

Во-вторых, в оркестре радио есть возможность исполнять самую разнообразную музыку: от старинной

до современной и симфоджаза. То есть творческая палитра того, чем дирижер может заниматься, невероятно широка.

— В рамках проекта «Возрождаем наследие русских композиторов» и празднования 100-летия российского джаза 30 октября в Московском Международном доме музыки Симфонический

оркестр радиостанции «Орфей» под вашим управлением исполнит никогда ранее не исполнявшиеся произведения русских композиторов начала XX века, написанные в жанре симфоджаза.

И симфоджаз ушел из концертов, не говоря о музыкальном эфире радио и телевидения, задолго до распада СССР. Было нельзя играть музыку, распространяющую «тлетворное влияние»... Последние десятилетия джазовая история в России потихоньку начала «поднимать голову», а сейчас и активно развивается. Вдруг в нашей библиотеке радио, которую я называю «библио-

оркестр радиостанции «Орфей» под вашим управлением исполнит никогда ранее не исполнявшиеся произведения русских композиторов начала XX века, написанные в жанре симфоджаза.

Чем этот проект заинтересовал вас? Расскажите, в чем его уникальность и новизна?

— Этот проект интересен, прежде всего, тем, что в нашей стране такое музыкальное явление как симфоджаз оказалось не просто забытым, а почти совсем утерян-

ной Ивана Грозного» (это уникальный нотный архив, который перешел к «Орфею» от Гостелерадио, и в нем хранятся совершенно невероятные сокровища), обнаруживается множество партитур симфоджаза, которые сохранились с тех пор! Как же можно в них не заглянуть?! Вот мы и решили копнуть как следует. Нашлось много интересного и совершенно забытого. Я скажу только следующее: оркестра, который исполнял бы такую музыку, уже многие десятилетия

у нас в стране не существует. Этот «гибрид» представляет собой частичный состав симфонического оркестра и полный биг-бэнд, который специализируется на исполнении джазовых композиций. Вот мы и попытаемся возродить такой оркестр всего на один концерт и вынести на суд публики музыку, не звучавшую более полувека! На мой взгляд, это очень интересный эксперимент для нашего нового столетия. А что из этого получится, решит слушатель.

— Каким вы видите вашего слушателя?

— Это слушатель всех возрастов, который хочет выйти за пределы рамок мира потребления текущего века и открыть для себя безграничный мир музыкальной культуры.

— Как научиться понимать классическую музыку? С чего начать? И можно ли вообще научиться ее понимать и чувствовать?

— Можно начать и с симфоджаза, например. Там слушатель впервые встретится с симфоническим и джазовым оркестром. Если понравится, то следующий концерт для посещения — легкая классическая музыка. Наша задача — произвести на нового зрителя такое впечатление, чтобы он захотел прийти после этого и на оперу, и на балет. Очень большая ответственность в этом случае лежит и на нас, музыкантах. Если мы не смогли направить слушателя в лоно классического искусства и удержать там, значит, мы

плохо делаем свою работу! Классическую музыку можно научиться понимать и любить, достаточно всего лишь время от времени ее слушать, а для этого найти время, как мы изыскиваем его для посещения музеев, например, и посетить концерт классической музыки. Уверен, что со временем это войдет в прекрасную привычку и изменит вашу жизнь.

— Как вы относитесь к современным технологиям?

— В XXI веке невозможно существовать вне современных технологий, и я приветствую их внедрение и активно ими пользуюсь. Ждем, пока к нам в Россию, наконец, придет электронный нотный оборот, и у российских музыкантов засветятся планшеты с нотами на пультах. Но пока живем по старинке с бумажными нотами. И это огромная и непростая работа. При этом я с осторожностью думаю о внедрении искусственного интеллекта. На мой взгляд, ученым, изобретателям и пользователям нужно будет вовремя остановиться. И хочется верить, что эта остановка будет возможна.

— Что вас вдохновляет в вашей творческой работе?

— Живая природа и пребывание с ней наедине. Частые выезды в отдаленные уголки, где нет суеты, мне совершенно необходимы. Там я «заряжаюсь»!

— Вы когда-нибудь пробовали писать музыку или стихи?

— Про написание музыки или аранжировок меня спрашивают довольно часто. Обычно я отвечаю на этот вопрос так: пироги должен печь пирожник, а сапоги точить сапожник. На мой взгляд, настоящих мастеров в каждом деле, пусть это и узкопрофильная специальность, бывает всегда мало, порой их «днем с огнем» не сыщешь. А вот дилетантов и графоманов, которые всеядны и считают, что могут заниматься чем

ровал впервые великолепный композитор, но посредственный дирижер Александр Константинович Глазунов: симфония на премьере провалилась! И произошло это по вине Глазунова, взявшегося за дирижерскую палочку. Молодой Рахманинов впал в депрессию и несколько лет совершенно ничего не писал, потребовалась даже помощь врача. Я не хочу, чтобы мои творческие изыскания в сфере поэзии или ком-

угодно, в любой профессии хоть отбавляй. Для меня это очень грустная тенденция последних лет.

Я невероятно радуюсь, когда жизнь меня сводит с мастерами своего дела в любой области, и стараюсь общаться с такими людьми долгие годы. В подтверждение моих слов приведу достаточно известную музыкальную историю о премьеры Первой симфонии Сергея Васильевича Рахманинова, которой дирижи-

позиции доставили кому-то похожие эмоции.

— Многим творческим людям, которые добиваются определенных высот, свойственна гордыня. Присуща ли она вам? Как вы с ней справляетесь? И справляетесь ли?

— Считаю, что это свойство не мое. Если бы такое качество было мне присуще, то непременно гордыня

уже бы наступила. В моей профессии необходимая публичность для меня скорее тягота, чем радость. Я люблю уединенность и живу жизнью обычного человека, стараясь не афишировать свою профессию, и редко рассказываю незнакомым людям, чем я занимаюсь.

— Вы любите путешествовать на машине. Расскажите о самых удивительных местах, которые вам удалось посетить.

несколько квадратных километров. Восхождение на вершину занимает всего около 40 минут, и виды, открывающиеся вокруг, просто потрясающие! Сказочности и фантазмагоричности пейзажу добавляют хвойные деревца, изогнутые самым причудливым образом, поскольку на единственной возвышенности посреди огромной равнинной площади господствуют сильные ветра. Некоторые елочки противостоят напору ветра, оставаясь жи-

— Могу рассказать, какое место произвело на меня самое неизгладимое впечатление за последние годы: это гора Воттоваара в центральной Карелии. Как известно, высоких гор в Карелии нет. И вдруг посреди страны озер и лесов возник этот скальный массив высотой 417 метров с невероятно живописными валунами площадью всего

выми, а многие засохли и так и стоят, как декорации к загадочной и немного страшной театральной постановке. Добраться в это место крайне трудно: около 150 километров щебенки, а потом еще 25 километров бездорожья с огромными лужами по пояс, преодолеть которые можно не в любую погоду. По последним исследованиям, карель-

ская гора Воттоваара была древним капищем саамов, духи этого народа с тысячелетней историей рады не всем путешественникам: на Воттоваару можно не попасть с первого раза. Но нам повезло.

— Я знаю, что вы недавно ездили в тундру...

— Да, недавно я посетил ненецкую тундру, где достроили автомобильную дорогу на «Большую землю», как говорят северяне. Начало строительства было положено в 1985 году. Тундра — это невероятно хрупкая экосистема, попав в которую, житель средней полосы чувствует себя как на другой планете. Я влюблен в север и впервые побывал в таком месте зимой. Для жителя большого города ощущения достаточно экстремальные, когда ты находишься много часов посреди ледяной пустыни, где вокруг на сотни километров нет никакого жилья, встречный или попутный автомобиль встречается один раз в час. Вдруг на краю дороги ты видишь какую-то зверюшку, при ближайшем рассмотрении оказывающуюся ондатрой с мехом невероятной красоты. Я не смог проехать мимо и покормил одинокого зверька посреди ледяной пустыни печеньем, которое было принято ондатрой весьма благосклонно. А затем в течение нескольких километров над моей машиной кружил огромный орлан-белохвост, видимо, выясняя для себя, подхожу ли я ему в качестве добычи или пока нет...

— Куда вы мечтаете отправиться на машине? Что бы еще хотелось увидеть?

— Уже давно достроена трасса из центральной России на Дальний Восток, а я все еще там не побывал. Как не был и на Алтае, и на Байкале. Поэтому планов очень много! Хватило бы времени.

— Чем вы занимаетесь в свободное от музыки и путешествий время? Читаете книги, смотрите кино, ходите в театр? Что из последнего порекомендуете?

— Конечно, я порекомендую все вышеперечисленное. Короткие промежутки между репетициями и концертами занимают и кино, и книги, и театр...

Но в первую очередь для сохранения здоровья и долголетия я посоветую городским жителям чаще бывать на воздухе и различные активности, которыми занимаюсь сам: летом велосипед, а зимой лыжи, в моем случае — горные.

Или просто совершать пешие прогулки, если времени на выезды совсем уж мало. Но прогулки должны быть не до ближайших магазинов, а где-то в лесу.

— Какие три вещи вы бы взяли с собой на необитаемый остров?

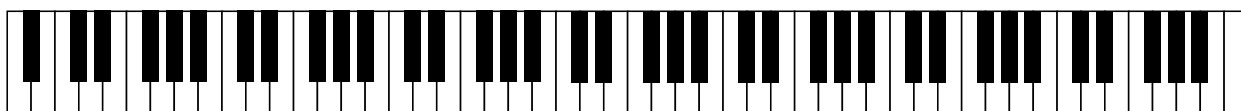
— Любимую кошку, большой охотничий нож на все случаи жизни и огниво! □

Беседовала **Наталья Покачалова**

Пережившая свою славу

Людмила Лядова — известный отечественный композитор, певица, пианистка. На каждом концерте середины прошлого века звучали ее песни в исполнении Юрия Богатикова, Клавдии Шульженко, Эдуарда Хиля, Иосифа Кобзона. До последних дней своей жизни композитор Людмила Лядова, автор более 800 песен, оставалась бодрой и активной. Только вот вспоминали о ней все реже, а смерти — в очень преклонном возрасте — практически не заметили...

Родилась Людмила Алексеевна Лядова в Свердловске 29 марта 1925 года, в семье, имеющей самое прямое отношение к музыке. Отец девочки служил солистом в Свердловском оперном театре, потом перешел скрипачом в оркестр. Кроме скрипки искусно владел мандолиной и саксофоном. В 60-70-х годах прошлого века занимал должность регента в церковном хоре Свято-Николаевского храма в Макеевке

Донецкой области. Как ни странно, это никак не сказалось на судьбе его дочери, хотя в то время подобные вещи, мягко говоря, не приветствовались.

Мама — Юлия Лядова (в девичестве Самойлова) — была хормейстером, работала дирижером в различных самодеятельных коллективах, на протяжении длительного периода была певицей Свердловской филармонии.

Естественно, что, получив аттестат зрелости, Людмила поступила в Свердловскую консерваторию. Она стала студенткой фортепианного класса и параллельно композиторского отделения. Диплом об окончании вуза девушка получила в 1948 году, уже будучи довольно известным автором популярных песен.

В тринадцатилетнем возрасте Люда везде подписывалась с помощью нот — «Ми-ля Ля-до-фа». Эта привычка как нельзя лучше характеризует ее личность.

В годы войны она и ее мама выступали вместе с концертными бригадами, пели для бойцов на передовой линии фронта и в госпиталях. Людмила обладала прекрасным голосом, ее репертуар тогда состоял из народных песен.

Девушка всегда отличалась своеобразием характером, который часто мешал ей в жизни, но такой уж она уродилась. Однажды ее даже исключили из консерватории — за двойку, полученную на экзамене по марксизму-ленинизму. Оценку поставили на доске, и Людмила, со свойственной ей непокорностью, стерла ее с доски каблуком от туфельки. Лядову спасло то, что на тот момент ее работы уже «засветились» в Москве. Она была автором сонаты и нескольких пьес, военных песен и композиций для детей, поэтому ее быстро восстановили в вузе.

Можно сказать, что судьба была к Людмиле исключительно благосклонна. Она не попадала в печально известные «черные списки», ей не

запрещали сочинять и исполнять свои сочинения, позволяли свободно высказываться на любые темы. Такой свободой поведения в СССР пользовались очень немногие.

Еще в годы войны Лядова встретила певицу Нину Пантелееву, и они решили выступать дуэтом. Вскоре на певиц обрушилась всенародная любовь. В 1945–1952-м годах артистки пели песни разных композиторов, аранжировки к которым Лядова писала сама. (Дуэт распался по инициативе Людмилы, ей показалось, что Пантелеева стала зазнаваться.)

В начале 1951 года Людмилу приняли в Союз композиторов СССР, и с тех пор она начала писать свою музыку.

Лядова находилась на пике популярности, когда ее исключили из рядов ВЛКСМ по самой банальной причине: она не бывала на комсомольских собраниях. Дело в том, что девушка много работала, ей нужно было... накопить денег на приобретение своей первой квартиры, поэтому она трудилась день и ночь, и ей некогда было ходить по собраниям.

В комсомоле ее довольно быстро восстановили по звонку «сверху»: композитор Лядова была уже широко известна, а пропуск комсомольских собраний был наименьшим из возможных прегрешений.

В ее творческой биографии нашлось место нескольким сотням работ, среди которых были как эстрадные композиции, так и военные марши. Среди самых популярных песен тех лет стоит выделить «Чудо-

песенку» в исполнении самой Людмилы и Гелены Великановой, «Старый марш», который пел Иосиф Кобзон, «Ай-Люли» (Тамара Миансарова), «Барабан» (Эдуард Хиль), «Я — актриса» (Людмила Касаткина), «Паутиночка» (Людмила Зыкина), «Пара-марибо» (группа «Квартал»).

Трудно перечислить все жанры, в которых трудилась Людмила Лядова. Она прославилась своими романсами, военными маршами, произведениями для духового оркестра, детскими песенками, камерной музыкой, опереттами, оперой, мюзиклами.

До настоящего времени «дожила» только песня «Барабан», остальное благополучно забылось. Но квартиру в Москве Людмила Алексеевна купила. А заодно дачу и машину, что вообще мало кому удавалось. Правда, любви со стороны коллег ей это не добавило, но ей вполне хватало зрительской любви.

Главное, что объединяет все произведения прославленного композитора — в них отсутствуют печаль и безысходность, они полностью лишены грусти и печали. Как сказала когда-то сама Лядова, у нее даже минорные ноты звучали в мажоре. Увы, со временем это перестало быть востребованным.

Мало кто знает, однако, что первой, кто написал песню на стихи полузапрещенной тогда Марины Цветаевой «В раю», была Людмила Лядова. Но песня «не пошла», хотя выгодно отличалась от остальных произведений композитора своей ли-

ричностью. Больше Людмила Алексеевна таких попыток не делала.

Среди прочего творчества поэта Петра Градова есть и эпиграмма, посвященная Лядовой. Он называет силу ее души «атомно-ракетной», и это вполне соответствует истине. Людмила даже сочинила песню для себя любимой, которую назвала «Мой марш».

Можно подумать, что она жила только творчеством. Но ее личная жизнь оказалась куда более насыщенной, чем у многих знаменитостей того времени. Людмила пять раз официально выходила замуж, а уж романы ее никто не брался сосчитать.

Первый раз она вышла замуж в 18 лет. Ее избранником стал Василий Коржов, музыкант цыганского ансамбля. Людмила старалась «сделать из него человека», но до ее уровня он так и не дотянул, во всяком случае, она так считала. Брак распался.

Сама Лядова считала себя влюбчивой, может быть, поэтому так часто меняла своих избранников, и только в зрелом возрасте нашла счастье в личной жизни.

Второй раз Лядова серьезно влюбилась в танцора Юрия Кузнецова. Стаж семейной жизни двух творческих людей насчитывает восемь лет, после чего они расстались. Композитор за эти годы создала множество балетных произведений, в которых был задействован ее супруг. Но они оба обладали сильными характерами, никто не хотел уступать другому, что и привело к разрыву.

Произведения, созданные в балетном жанре, тоже не обрели попу-

лярности и не вошли в список лучших. Точнее, вообще практически не упоминались нигде. Трудно сказать, как относилась к этому Людмила Алексеевна, но больше она ничего подобного не сочиняла.

Третьим мужем Людмилы стал научный сотрудник Кирилл Головин, но после того, как прошла первая влюбленность, она увидела массу недостатков своего избранника, и снова развелась.

Четвертый брак распался тогда, когда муж — певец Игорь Сластенко — попытался показать ей свое превосходство и принялся перевоспитывать ее. То, что не удалось комсомольской организации, по определению не могло удасться одному амбициозному человеку.

Пятый, и последний раз, Людмила вышла замуж за саксофониста Александра Кудряшова. Она была старше его на семнадцать лет, но это никого не смутило. После регистрации

брака Александр взял фамилию супруги, что вообще было неслыханным. Они поженились в 1971 году, и Людмила часто повторяла, что именно с этим человеком она нашла счастье в личной жизни.

Однако ничто не длится вечно, испарилось и счастье Людмилы в этом браке, хотя он продержался почти сорок лет. К концу 2010-х отношения испортились, Лядова обвинила мужа в излишнем пристрастии к алкоголю и отправила его лечиться в реабилитационную клинику. Александр говорил, что эта клиника оказалась похлеще концлагеря, и что его отпустили оттуда только после того, как у него диагностировали онкологию, рак кишечника.

Людмиле было уже за восемьдесят, она не смогла (или не захотела) связывать себя уходом за тяжело больным человеком. Брак распался. И хотя времена изменились, и жизнь творческих людей оказалась объек-

том пристального внимания СМИ, Лядова уже мало кого интересовала. Во всяком случае, ее развод остался незамеченным.

В последние годы своей жизни Людмила Алексеевна жила одна. И именно тогда она стала объектом внимания прессы. Зимой 2017 года все СМИ сообщили, что у нее случился инсульт. Но читателей взволновал не только этот факт, а еще и то, что композитор подписала договор о купле-продаже своей квартиры в центре Москвы, которая по предварительным оценкам стоила 70 миллионов рублей. Покупатель — адвокат Виктор Дворовенко, друг семьи композитора Лядовой, который принял на себя обязательства заботиться о ней.

Этот факт очень не понравился другим потенциальным претендентам на наследство, хотя у Людмилы не было прямых наследников в виде детей или внуков. Ситуация широко обсуждалась не только в прессе, но и на телевидении.

Сама же Лядова таким образом жизни была довольна. Дворовенко обеспечил ей прекрасное питание, массаж, занятия на велотренажере. Поэтому, когда до нее дошли сведения о нападках на адвоката, она подала иск в суд, но проиграла его. Впервые в жизни ей не удалось добиться желаемого. И опять же впервые в жизни она не стала продолжать борьбу. Просто приняла как факт то, что она уже не прежняя победительная Людмила.

В последнее время имя Лядовой стало забываться, несмотря на мас-

су композиций, созданных ею за долгие годы творчества. Композитор никогда не расстраивалась по этому поводу, смотрела на этот факт философски.

В 95 лет она любила прокатиться на мотоцикле и отправиться на рыбалку, чтобы вернуться оттуда с шикарным уловом. Кроме этого могла запросто покрасить забор вокруг дачи, не считая эту работу неподходящей для женщины, и всегда сама водила автомобиль, а рядом с ней сидела незаменимая кошка Катерина.

Людмила Алексеевна просто любила жизнь и старалась находить радость даже в самых обычных вещах — неспешных прогулках, катании на лыжах, работе на собственной даче... Вот только слава, в которой она прожила жизнь, ушла не вместе с ней, а раньше нее. С этим было труднее всего смириться, но Лядовой и это, похоже, удалось. 23 февраля 2021 года ее срочно отправили на лечение в столичную больницу № 52. У нее диагностировали коронавирусную инфекцию, 75% поражения легких. Она дожила до весны, а 10 марта 2021 года скончалась (оставалось всего две недели до ее 96-го дня рождения).

А творчество... Людмилу Алексеену «пережили» лишь несколько песен, правда, их автор чаще всего просто не упоминается. Это «Барабан», оставшийся вполне современным даже десятилетия спустя, «А снег повалится» на стихи Е. Евтушенко, «А я болею за «Динамо».

Что ж. Многим и этого не дано...□

Три грации

*Нет больше той любви,
как если кто положит душу свою
за друзей своих.*

Библия

Кто дал им определение «Три грации», неизвестно, но видно, что человек просвещенный, с великим искусством знакомый, и уж точно знает работу знаменитого мастера. В шутку по-доброму их называли по-разному: «Тройственный союз». «Три богатыря». «Три желания». Но «Три грации» укоренилось, все к нему привыкли, и по-другому их никто не называл.

Уже три года они жили вместе или, как все говорили, коммуной. Все у них было общее: и коза, и огород, и куры. Они знали, что все называют их «Три грации», но значения слова «грация» не понимали. Только более начитанная Кузьминична подруг успокоила и объяснила: «Я точно не ведаю, но слово это неплохое». Ее дом стоял напротив, через дорогу от домов Прокопьевны и Макаровны. Так, что если все три дома соединить отрезками, получился бы равносторонний треугольник. Кузьминична была бригадиром. Она верховодила с самого начала, и это она предложила жить вместе, распределила роли, обозначила права и обязанности.

А начиналось все так:

— Вот ты, Прокопьевна, держишь курочек. Так?

— Ну, так, — в тон отвечала Прокопьевна.

— Твои курочки приносят тебе десяток яичек кажинный день?

— Приносят! — удивлялась Прокопьевна, не понимая, куда клонит Кузьминична.

— Так вот ты, Прокопьевна, кажинный день даешь три яйца мне и три яйца Макарихе.

— Ну а мне какой прок? — стала в позу Прокопьевна, Макаровна тоже наострила уши.

— Слушайте дальше и не перечьте мне, пока я доклад не довершу. Потом говорить будете!.. — Кузьминична сделала паузу, наморщила и так морщинистый лоб, опустила голову и, беззвучно шевеля губами, что-то подсчитывала про себя.

Подруги сидели молча и ждали, когда она снова заговорит. Наконец Кузьминична как-то многозначительно взглянула на подруг и продолжила:

— У тебя, Макаровна, козочка есть...

— Есть, — кивнула Макаровна.

— Три литра молочка в день дает?

— Бывает больше, бывает меньше, — ответила Макаровна независимым тоном, давая понять, что ее козочка и ее молоко никак не связаны с курочками и яйцами Прокопьевны.

А Кузьминична невозмутимо продолжала:

— Ты, Макаровна, через два дня на третий по одному литру молока нам с Прокопьевной давать будешь. Например, первого числа, четвертого, седьмого. Поняла?

Опять наступила долгая пауза. Прокопьевна прокручивала в голове убытки: «Шесть яиц кажинный день отдай. Десяток в деревне идет по двадцатке, а городские иногда сдачи не берут, смеются, мол, в городе намного дороже, так что порой и намного больше получается. Она пробовала подсчитать, какие потери понесет в неделю, месяц, сезон, но мысли путались, и она недовольно бросила:

— А мне-то какой прок?

Кузьминична отвечать не стала, прижала палец к губам и устремила взгляд на Макаровну. Та мучительно соображала, что же все-таки затеяла Кузьминична, к чему она клонит, и в ее голове родилась нехорошая мысль: «У Кузьминичны курочек нет, козочки, как у меня, нет. Хочет и молочко пить, и яйца всмятку есть». Это она подумала, а вслух сказала:

— Ну а ты, Кузьминична, что в общий котел положишь?

Кузьминична была в самом выгодном положении, считали подруги. У нее здесь же в деревне жил с семьей сын Виктор. Правда, сноха Надя, по словам самой Кузьминичны, запустила хозяйство, перестала ухаживать за мужем и усадьбу превратила в свинарник. Это она так говорила, но как мудрая женщина понимала, почему у Нади, такой домовитой и расторопной раньше, все теперь пошло наперекосяк. Витька зачастил к Вальке Шестопаловой, да так, сукин сын, зачастил, что и ночевать иной раз не приходил.

А у Витьки двое детишек. Дочка Катя — умница, отличница в школе, помощница в доме. У Кати тоже руки опустились, да и не могла она потянуть и кур, и гусей, и свиней, и корову. Один огород чего стоит: сорняк прет, как на дрожжах. А внук, тоже Витя, недавно пальца лишился. Пospорили с Андрюшкой Литвиновым. Внук говорит: «Не посмеешь отрубить палец». А Литвин: «Ты, Витек, струсил, сам убережешь». Один кричит: «Не посмеешь!» Другой кричит: «Струсил!» Так Литвин и отхватил топором указательный палец на правой руке. Один, выходит, посмел, а другой — не струсил. Теперь вся деревня смеется: «Хорошо тебе, Витек, без указательного на правой в армию не возьмут, стрелять как будешь?»

А вчера Кузьминична призвала через Катю сына Витьку к себе домой. Витька пришел. Первый удар грязной и мокрой тряпкой пришелся прямо по его изумленному лицу. От второго Витька увернулся, и тряпка, шлепнув его по спине, захлестнулась на груди, из-за чего на футболке остались черные разводы. Вдогонку Кузьминична прокричала: «Не касайся грязными ногами порога отчего дома, пока в семье не будет лад и согласие!» Так что Кузьминичне от сына никакой помощи не было, одни только хлопоты...

У Прокопьевны в городе жила дочка Валентина. Прокопьевна подробно описала дочке, что предложила подругам Кузьминична, и Валентина примчалась через неделю: продавай, мол, дом, кур и покатили жить в город. Когда Прокопьевна пришла за советом к Кузьминичне, та долго молчала, а потом достала письмо Катерины Боковой и протянула его Прокопьевне: «На, читай!» Письмо это было ими троими читано-перечитано. Они плакали, читая строчки: «Господи, кабы довелось водички из своего колодца испить да яблочко в руках подержать, ужо поднялась бы я». Имя Создателя прозвучало для них, как последний выдох подруги: недавно похоронили Катерину Яковлевну Бокову на деревенском погосте. В городе у сына и года не прожила, хоть и уход был хорошим...

Прокопьевне подруги ничего не сказали, а вот с дочкой Валентиной вышел скандал. Мать знала, что дочери деньги нужны, чтобы дачу достроить. Правда, про деньги никто словом не обмолвился. Только Валентина на слова матери: «Пока могу сама себя обеспечить и обиходить, буду жить в своем доме», — зло заметила: «А когда не сможешь, то куда? Я два раза не зову», — хлопнула дверью и отправилась на автобусную остановку. Мать стояла у окна и плакала. Хотелось побежать следом, отдать дочери деньги, отложенные на похороны, согласиться продать усадьбу и уехать в этот проклятый город. Но глаза ничего не видели, а ноги сделались неподвижными колотушками. Наконец она немного успокоилась, умылась и поплелась к дороге. Подошел автобус. Дочь, даже не оглянувшись, быстро

заскочила в него, и автобус тронулся. А у дороги осталась одинокая старая женщина, прощально размахивавшая в его сторону иссохшей жилистой рукой...

Вскоре «Три грации» опять собрались вместе. Про дочь Прокопьевны Валентину ни слова, и так все было ясно, потому как события развивались, можно сказать, на их глазах. Долго молчали. Лицо Прокопьевны осунулось, почернело, от крыльев носа, обрамляя рот, пролегли глубокие черные впадины. Сидела она неподвижно и походила на икону.

Наконец Кузьминична решила прервать молчание и заговорила:

— Вы знаете, что я содержу огород. Помидоры, огурцы, капуста, картошка. Вдобавок я буду покупать или печь хлеб. То уже не ваша забота.

Предложение Кузьминичны каждая из подруг прокручивала в голове так: «Кузьминична, и правда, мастерица и соленья, и варенья готовить. И хлеб весь год за ее счет — тоже немалая трата.

В комнате воцарилось тяжелое молчание.

«А мои курочки, — думала Прокопьевна, — не круглый год яички носят. У них перерыв в зиму бывает». «А моя козочка, — думала Макаровна, — не круглый год молочко дает».

У Макаровны никого не было: ни детей, ни близких, ни дальних родственников. Замужем была, но деток Бог не послал. После войны сразу в 15 годков по спецнабору загребела на торфяные болота под Тверью. Тяжело работали все лето 46-го года до глубокой осени, по колена в воде. Ночью спали в холодном бараке. Простудилась насквозь. Как выжила, до сих пор понять не может. Когда муж умер, осталась одна в большом и пустом доме. День проходил быстро в делах и заботах. Тоска подступала в долгие зимние вечера. В холодную постель не хотелось, поэтому она накрывалась старым одеялом, опускала босые ноги в теплые валенки и, как старый филин, нахохлившись, подолгу сидела у окна. За окном шуршал ветер, бросал в стекла россыпи снега, завывал в трубе и уносился в неведомый простор. Затухала печь, исчезали огненные блики на потолке, по полу от двери тянуло холодом. Не раздеваясь, не снимая валенок, Макаровна падала на скрипучий диван и забывалась с едва уловимой мыслью о легкой смерти во сне.

Подступала осень. Опустели огороды. Давно сгорела картофельная ботва. Отлетела паутина. Только сады млели от обилия яблок, в пожелтевших листьях прятались мясистые сливы и, как большие желтые лампочки, светились груши. Они перезревали, глухо падали не землю, вокруг них непрерывно гудели ненасытные пчелы и осы.

Солнышко опускалось все ниже и ниже, а тучи все чаще заволакивали небо. Приближалось время дождей, время скучное и унылое. Холодов еще не было, но в избу проникала прохлада, и хоть один раз в три дня печь приходилось протапливать. Скоро дожди зачастили, мелкие, обложные. Они совсем не похожи на летние грозовые ливни с яростными громами и сверкающими молниями. Летние грозы желанны. Их ждут, и, когда они приходят, ликует крестьянское сердце. Осенние дожди приходят всегда неожиданно и надолго. Они неделями висят в воздухе, даже бывает непонятно: то ли с неба на землю, то ли с земли на небо льется вода. Наступает серое и унылое время...

Самый крепкий и добротный дом был у Кузьминичны. Муж Михаил три года, не разгибаясь, рубил его. Каждое бревно облизывал. Пока шло строительство, жили в землянке рядом. А когда дом был готов, Михаил сказал: «Жена, еще баню срублю, и будем жить-поживать». Не довелось. Это были его последние слова. Машина с бревнами перевернулась, и улетел Михаил к Богу. И осталась Кузьминична одна в большом деревянном доме.

Первой перешла к ней Прокопьевна. Слова дочери: «Я два раза не зову» — занозой застряли в сердце. Ныло в груди, покалывало под левой лопаткой, немели пальцы рук. Одиночество угнетало ее. «Принимай, Кузьминична, не могу больше, стены гнетут», — виновато отводила глаза Прокопьевна, хотя Кузьминична сама предложила жить вместе. Но то было давно, еще жарким летом, может, за это время она передумала. И сын с внучком наведываются: в семье, вроде, порядок воцарился.

Кузьминична тем временем не выказала никакого интереса и внимания, продолжала резать зимние яблоки и четвертины закладывать в банки. Она молча кивнула и показала рукой на длинную лавку у стены. А когда Прокопьевна присела, сердито бросила:

— Ты чего уселась, как царевна. Раздевайся, ставь кипяток. Я что, одна на всех заготовки делать буду?

Прокопьевна по-молодому вскочила, и работа закипела в четыре руки. На дымок из трубы в этот же день пришла и Макариха. Она ничего не говорила, просто молча и легко вписалась в работу — за нею обед значился. Козочка еще доилась, так что Макариха быстро сбегала за молочком, перелила его в кастрюлю и поставила на плиту, насыпала туда пшена, нарезала кубиками тыкву, и, когда молочко запенилось, но не закипело, опустила в кастрюлю тыквенные желтые кубики. За процессом постоянно следить надо, а то молоко убежать может, поэтому она постоянно мешала большой деревянной ложкой варево, подсыпала с горсточки сахарок для лучшего вкуса. Операция, вроде, несложная, но каждый эпизод необходимо выпол-

нить вовремя и точно рассчитать порцию и пшена, и молочка, и тыквы. Только сахарок и соль по вкусу. Лучше Макарихи во всей деревне никто не мог готовить тыквенную кашу. То ли по виду, то ли по запаху она точно определяла готовность продукта. Снимала с плиты, накрывала кастрюлю крышкой, укутывала ее своим пуховым платком, и уже готовая каша мле-ла в бане.

Обед удался. Душистая теплая каша отсвечивала медовым блеском, надтреснутые от распарки зернышки пшена таяли во рту.

— Ты, Макаровна, давай по-барски, кажин из своей тарелки, а не с общего котла.

Макариха засуетилась, достала тарелки, разложила порции. Все трое повернулись к святому углу, где висела икона Николая Угодника, трижды перекрестились и приступили к трапезе.

Постепенно вся живность переселилась в добротные катухи (сарай) Кузьминичны, втрое выросла поленница дров. А катухи ожили: блеяла козочка, кудахтали куры, особенно гордо и радостно пел свою раннюю песню петух. Все трое просыпались одновременно и молча лежали в темноте. Может, подруги и осуждали петуха за раннюю побудку, но Прокопьевна очень гордилась: петух каждый день напоминал всем о ее вкладе в общее дело. Она тихо вставала, одевалась и шла в сарай. Сначала, как только они стали жить вместе, каждая шла убирать свою живность: Макариха — к козочке, Прокопьевна — к курочкам. Кузьминична только посмеивалась. А потом распределение обязанностей произошло как-то само по себе. Макариха засела в катухах, а Прокопьевна убиралась в доме. Вдвоем они готовили обед. Кузьминична верховодила, но не как хозяйка дома, а как главный снабженец: она бегала по магазинам, наведывалась в медпункт, если кто занеможет.

Один раз в неделю она пекла хлеб. Это был особенный, можно сказать, святой день. Подруги старались не мешать и задерживались на подворье. Кузьминична «колдовала». Первым делом надо было заготовить дрожжи. Никаких рецептов она не знала, весовыми категориями не владела, поэтому все делалось по наитию. В литровую кружку закладывалась пластина от пачки дрожжей толщиной в палец. Одна ложка сахара, одна ложка муки и стакан горячей (рука терпит) воды. Все размешать и в теплое место — через 3–5 минут дрожжи подойдут. А в печи, накрытое чистым полотенцем, уже стояло хлебное пластиковое ведро. В него Кузьминична выливала дрожжевой раствор, туда же три стакана горячей воды, разбивала два яйца, добавляла маленький стаканчик подсолнечного масла, потом высыпала примерно три килограмма муки, одну ложку соли и одну ложку

сахара и, перекрестившись на образ Николая Угодника, начинала месить тесто. Затем накрывала ведро полотенцем, ставила в теплое место, и где-то около пяти часов тесто подходило. Наконец, когда оно начинало подниматься, надо было выложить тесто в формы. Раньше Кузьминична пекла хлеб в русской печи на капустных листьях. А теперь готовили в духовке, и формы сын с хлебозавода привез. Тесто Кузьминична месила с запасом. Оставшееся — на пирожки с капустой. Эту работу она могла доверить подругам. Те в четыре руки брались за дело. Прокопьевна секла и поджаривала капусту, Макаровна лепила и укладывала на сковородку. Пока хлеб созревал в духовке, готовые пирожки уже стояли в большой чашке посреди стола. Рядом — банка с вареньем, фарфоровые чашки и чайные ложечки. К трапезе никто не приступал, пока Кузьминична хлеб из духовки не вынет. А когда она вытряхивала легкие, пушистые буханки на чистую скатерть, начиналась трапеза. Кузьминична закатывала глаза: «Прокопьевна, давай по-барски, в розеточки, не с общей же банки варенье черпать». Прокопьевна проворно вскакивала, открывала дверцу старинного буфета и доставала маленькие розетки для варенья...

— Вот ты, Прокопьевна, скажи, что в чае самое главное? — Кузьминична хитро сощурила глаза.

Прокопьевна наморщила лоб и задумалась.

— А ты, Макариха, что скажешь? — Кузьминична повернулась к Макаровне.

— Молочко козочки, — не раздумывая, состригла хозяйка козочки, и все трое засмеялись, потому как поняли, на что она намекала: уже никто не разделял хозяйство, все давно стало общим, и дом, и козочка, и огород, и куры. Тремя пенсиями владела Кузьминична. Она и продолжила разговор:

— Вот вы не знаете, а я знаю: главное в чае — вода. Ладно, разливай, Макаровна.

Чай пьют не спеша, долго. В долгие зимние вечера подруг заводила Кузьминична:

— Вот ты, Прокопьевна, помнишь, как в молодые года все умела: и спеть, и сплясать, и частушку соорудить.

Прокопьевна вдруг распрямила плечи и, улыбнувшись подругам, чистым, молодым голосом запела:

*В одном прекрасном месте,
На берегу реки,
Стоял красивый домик.
В нем жили рыбаки.*

Подруги подхватили, и песня поплыла, закружилась, заполнила комнату светлой печалью, далекой, а им казалось такой близкой, молодостью.

*Один любил крестьянку,
Второй любил княжну,
А третий, самый младший —
Охотника жену...*

Потом они долго молчали, глаза наполнились слезами, слезами печали и радости. Печаль — в быстротечности жизни, в утрате любимых, радость — в единстве душ, в доверии и бескорыстии каждой, в уверенности, что завтра взойдет солнце, и начнется еще один новый день.

Первой встрепенулась Кузьминична:

— Что запечалились, сестры? А ну-ка, Прокопьевна, сооруди частушку, а то я заснуть не смогу.

Прокопьевна вздрогнула, сняла с головы платок, поправила волосы и запела:

*А мы русские девчата —
Лучше нету нации.
Кто мог думать, что когда-то
Будут здесь три грации.*

Все трое весело засмеялись и стали готовиться ко сну...

Первой занемогла Макаровна. Утром сильно заболели суставы в коленях и ступнях. К вечеру боль исчезла, но ноги потеряли чувствительность и повисли, как плети. Кузьминична понеслась по врачам. Давно, при советах, в поселке была больница на 50 коек. Врачи, медсестры — все как надо. А теперь — медпункт и медсестра Таня. Врач Федор Иванович бился с начальством за больницу насмерть, но битву проиграл и уехал. Куда? Никто не знает.

Пока Танечка осматривала Макаровну, Кузьминична приехала на «скорой» из райцентра. Как она уговаривала, какие доводы выдвигала, неизвестно, но вместе с ней приехали врач, высокий, сутулый, совершенно лысый, и сестричка, маленькая худенькая девочка. По указанию врача она быстро сделала укол, а потом стала растирать ноги какой-то вонючей мазью. Доктор долго заполнял историю болезни и в конце сказал: «Положим в стационар на неделю-другую. Дальше видно будет...» «Что видно?» — встрепенулась Кузьминична. Врач вывел ее в сени, и они долго о чем-то толковали, а когда вернулись в комнату, первое, что увидела Кузьминична, — полные слез глаза подруги. Так плакала их собака перед ружейным дулом. Она была старая-старая, без чутья, слуха и зрения. Михаил

решил пристрелить ее, чтоб не мучилась. Как она почуяла близость смерти, непонятно, но как только муж положил палец на курок, собака открыла глаза. Эти полные слез глаза навек запали в душу и сердце. Тогда Кузьминична остановила выстрел. А дней через десять собака сама околела. Давным-давно это было, а слезы в собачьих глазах так и не забылись.

Кузьминична резко повернулась к доктору:

— Отбой, дохтур! Танечка наша будет делать уколы, мы — мази втирать, отвары готовить — выходим.

Прокопьевна держала руку Макаровны и ласково гладила ее своей рукой. А врач даже обрадовался такому повороту, выписал рецепт, и «ско-рая» укатила...

Была середина осени. Солнечные дни перемежались с пасмурными. Подруги выносили Макаровну на завалинку, расстилали одеяло, а ноги укладывали на стулья. Листья опали, воздух стал прозрачным и звонким. Поселок будто весь оголился и просматривался насквозь. Макаровна глядела на свой дом наискосок через дорогу, подставляла лицо солнцу, о чем-то думала и шевелила губами. Она уже плохо выговаривала слова, и ее в основном понимали по жестам. Однажды под вечер попросила пить, и Прокопьевна подала стакан. Но Макаровна часто замотала головой и показала ослабевшей рукой на колодец у своего дома. Кузьминична отправилась к колодцу, принесла ведро и поставила у ног больной подруги. Вода колыхалась в ведре, прощально переливалась маленькими зеркальцами. «Холодная, пить тебе нельзя!» — запретила Прокопьевна. Макаровна умоляюще замычала, и тогда Кузьминична, набрав воды, поднесла стакан к ее рту. Лицо Макаровны сразу преобразилось, еле заметная тень блаженства мелькнула на нем.

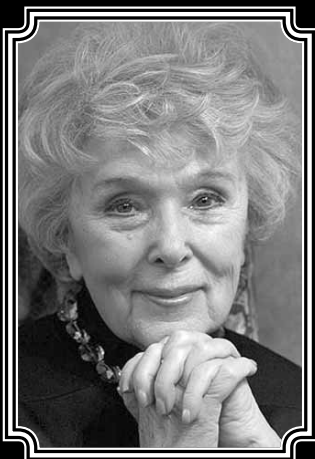
А ночью Макаровна умерла. Умерла тихо, во сне, как и мечтала долгими зимними вечерами.

Загрустили после похорон Кузьминична и Прокопьевна. Особенно тоскливо было под утро.

— Как жить дальше будем, подруга? — спросила Прокопьевна.

— Как жили, так и будем жить, — уверенно ответила Кузьминична.

А в катухе пропел свою вечную песню петух, разом закудахтали куры и заблеяла козочка... □

Вера Васильева

Умение быть благодарной

Актриса Вера Васильева, покинувшая нас совсем недавно, всегда производила впечатление человека спокойного, успешного, радостного и готового делиться этой радостью.

Ее не стало в возрасте 97 лет (до 98-ми она не дожила всего два месяца), и до последних дней она сохраняла ясный ум и — улыбку на лице. Как ей это удавалось на протяжении жизни длиной почти в целый век? Неужели ее судьба была столь безоблачной? Разумеется, нет. Но ее умение дарить людям тот самый «позитив», о котором так много говорят (и так мало понимают сейчас), восхищает буквально всех...

Вера Кузьминична Васильева родилась 30 сентября 1925 года. Отец ее, Кузьма Васильев, происходил из деревни Сухой Ручей, что на Волге, и Вера вместе с сестрами постоянно проводили в этой деревне летние каникулы. Она вспоминала: «Каждое лето моя мама с нами, тремя ее дочерьми, нагрузившись тяжелой поклажей, отправлялась на все лето в деревню, а папа приезжал туда в свой отпуск. Мы были так бедны (хотя тогда я этого не знала), что у нас часто не хватало денег, чтобы ехать на пароходе, и мы шли пешком до нашей Кокоски. Вот и она!» Кокоской называлась станция, ближайшая к деревне.

Помнила Васильева и трактир, где напивались богатые крестьяне, которых она потом узнавала в купчихах Островского, в чьих пьесах много играла.

Об отце она всегда писала с нежностью: «Качества, которыми он обладал, — доброта, редчайшая совесть, человеческая чистота, деликатность, душевность и прирожденный такт, — не забыты нами, его детьми, и всеми, кто был с ним знаком».

У Веры были две старшие сестры — Антонина и Валентина, а через четырнадцать лет после нее самой родился младший брат — Василий, о котором сестры заботились как о собственном малыше.

О матери Вера Кузьминична отзывалась чуть более сдержанно, но тоже, несомненно, любила ее, понимая, правда, что весь жесткий, неуступчивый характер матери был связан с тем, что она не получила в жизни того, чего хотела. Вышла замуж за крестьянина Кузьму, хотя была из более обеспеченной и образованной семьи, и настолько тяготилась этим образом жизни, что заставила мужа переехать в Москву.

В Гусятниковом переулке, у Чистых прудов, Вера Васильева и появилась на свет. Они жили в двухэтажном доме, где кроме них было еще несколько семей — большая коммуналка. Отец работал шофером, мама вечно что-то перешивала от старших дочерей младшим, а вечерами училась на инженера-плановика. Она вообще была очень «общественной», в отличие от мужа, который после работы сразу бежал домой.

Однажды Вера, обычная девочка в обычной и скромной московской семье, впервые попала в театр. Как ей помнилось — на «Царскую невесту». Он ее настолько покорила, что с тех пор каждую свободную минуту она наряжалась в самодельные костюмы, пела арии из опер и играла придуманных или взятых из книг персонажей, а в библиотеке перечитала все номера журналов «Рампа и жизнь» и «Театр и искусство».

С началом войны (Вере было уже 15 лет) семью разбросало по стране. Мать с маленьким Василием уехала в эвакуацию, одна из сестер, работавшая врачом, была направлена в

Киргизию, а другая — с отцом и Верой — остались в Москве. Через некоторое время Вере удалось устроиться к отцу на завод и получить рабочую карточку. Чтобы продолжать учиться, она перевелась в вечернюю школу.

А в 1943 году в Московское городское театральное училище был объявлен набор на актерский факультет, и Васильева решила, по ее собственным словам, попытать счастья. Все три тура пролетели мгновенно, и будущая актриса с восторгом обнаружила свое имя в списке принятых. Она впоследствии вспоминала, как поддерживали ее на экзаменах и педагоги, и студенты старших курсов. Просто в Вере Васильевой с самого детства была способность видеть в людях только хорошее и быть благодарной за доброту, которую они проявляли по отношению к ней..

Кинокарьера Васильевой началась с вопроса, о котором мечтает каждая студентка театрального вуза: «Девочка, хочешь сниматься в кино?» Задали его ассистентки Ивана Пырьева, которые просто пришли в училище и смотрели, как в гардеробе одеваются юные барышни. Вера Кузьминична так описывала свою тогдашнюю внешность: «...я стала надевать смешной, многократно переделанный маминими руками капор. Этот капор сохранялся с детских лет моих старших сестер, но мама решила его подновить и отделала старым вылезшим беличьим мехом. Застегивался он на нелепую пуговицу от какого-то старого папи-

ного пальто. Скромное платье, бедное пальтишко, туфли на низком каблуке, купленные в детском магазине... Моя рожица как бы вылезала из этого капора своими красными, неумными щеками, глазами, улыбкой».

Именно этот образ чистой, невинной девушки, почти ребенка, и был нужен Ивану Пырьеву, готовившемуся тогда к съемкам фильма «Сказание о земле Сибирской».

Поначалу Пырьев был разочарован: чтобы понравиться режиссеру, Вера надела каблуки, накрутила кудри и накрутилась «побойчее». Но он, видимо, все же что-то уловил в ней, поэтому велел ассистентам умыть и причесать девушку, после чего утвердил ее на роль Насти Гусенковой. Собственно, Васильева и была тогда Настей Гусенковой, она писала в ав-

тобиографии об этой первой своей роли: «Это я в юности — добрая, ясная, без сложностей. Распустился незатейливый свежий листочек, и хорош он тем, какой он есть — душистый, без изъянов, без зазубрин». Работа с таким непростым режиссером, как Иван Пырьев, оставила у нее самые добрые воспоминания.

Значительную часть съемочной группы «Сказания о земле Сибирской» представили к Сталинской премии — кроме Васильевой, которая была совсем молодой актрисой. По слухам, лично Сталин, увидев ее в картине, сказал: «Она хорошо сыграла, надо ей премию дать». И в обход всех бюрократических процедур девушка премию получила.

В 1948 году Васильева окончила училище и получила диплом актрисы драматических театров. Играть в выпускном спектакле ей пришлось с другим курсом, так как год она пропустила из-за съемок у Пырьева.

Узнав, что в Театре Сатиры планируется к постановке спектакль «Лев Гурыч Синичкин», Вера решила показаться в нем (с прицелом на роль Лизаньки Синичкиной). И прошла — и в театр, и на роль в спектакле.

О своих первых месяцах работы Вера Кузьминична тоже вспоминает с теплотой: «Среди тех, кто тогда особенно по-доброму относился ко мне, были не только актеры, режиссеры, но и люди других профессий: гримеры, парикмахеры, костюмеры, реквизиторы, рабочие сцены, помощники режиссера...»

Слева:

*Спектакль
«Лев Гурыч
Синичкин»*

*Фильм
«Сказание
о земле
Сибирской»*

И все в жизни молодой актрисы шло благостно, спокойно и достойно, пока ей не повстречался человек, чье имя она и спустя полвека после встречи произносила с трепетом.

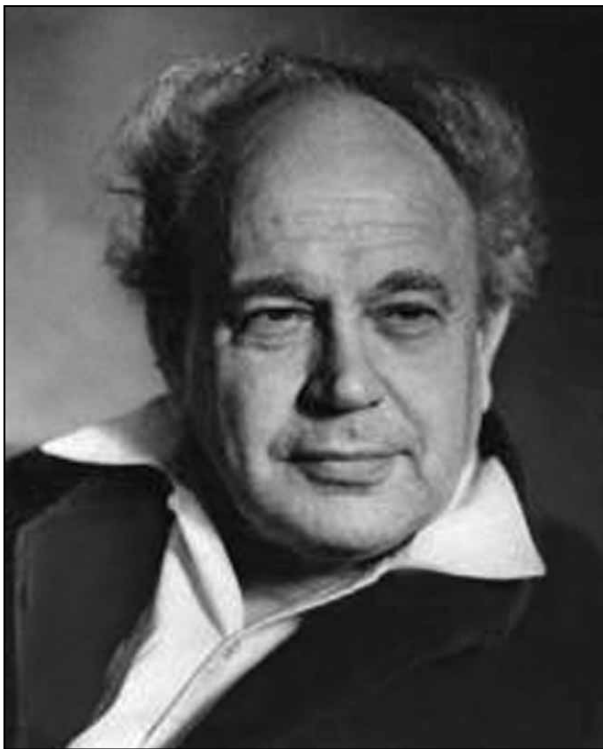
В 1949 году для постановки мало кому известной пьесы «Свадьба с приданым» в Театр Сатиры пригласили режиссера «со стороны» — ученика Мейерхольда, Бориса Ивановича Равенских. И молодая Верочка Васильева... сразу влюбилась. Причем ее, девушку строгих нравов, совершенно не остановил тот факт, что Равенских был женат на известной актрисе Лилии Гриценко. Она как в омут упала в этот роман, продлившийся почти семь лет. Она ждала: звонков, писем, встреч, репетиций, спектаклей. «Почти семь лет я жила с полной готовностью отдать ему, если надо, свою жизнь. Я, как в старые времена, не

задумываясь, готова была, если надо, ехать в ссылку, в тюрьму — куда угодно, если бы он этого захотел. Рядом с ним, даже если бы оказались заточены, замурованы вместе, мир все равно играл бы для меня всеми цветами радуги. Рядом с ним, даже если бы я ходила в лохмотьях, я чувствовала бы себя царицей, ощущала бы себя на пьедестале — так я была поднята его любовью...»

Эти эмоциональные воспоминания, написанные Верой Кузьминичной в автобиографии «Золушка с Чистых прудов», конечно, отражают лишь ее чувства. Равенских, при том, что тепло относился к девушке, лишь позволял себя любить. И не собирался бросать преданную жену. Поставив спектакль в Театре Сатиры, он вернулся к своей жизни. Перед ним стояла блестящая перспектива —

возможность возглавить Малый театр. Вера же терпеливо ждала, пока он улаживал свои творческие дела, отваживая других ухажеров, которых у нее было немало. Среди них был и Володя Ушаков — ее партнер по «Свадьбе с приданым», верный и преданный, влюбленный в нее всерьез и надолго.

Однажды, вернувшись с летних гастролей, она узнала, что Борис Иванович разъехался с женой. При этом ей — Вере — ничего не предложил. Она продолжала ждать. Вот как Вера Кузьминична вспоминает тот день, когда ей окончательно стало ясно, что ничего не будет: «Наступил день премьеры его спектакля — 4 декабря 1956 года. Он сказал, чтобы я не приходила. Конечно, я не пошла, а поздно вечером вышла на улицу, и ноги сами привели меня к дому Равенских. Я постояла, посмо-

трела на окна его квартиры и вернулась к себе. Помню, лежала в своей келье, свет был потушен, читать не могла... Боль и одиночество были невыносимы. Звонка не было, я не знала, как прошла премьера, ведь я не смела его послушаться и пойти в театр или набрать чей-то номер телефона, чтобы узнать...»

А наутро ей позвонил Владимир Ушаков с дежурным вопросом, когда же она, наконец, согласится выйти за него замуж. И Вера согласилась, желая навсегда оторвать себя от Равенских.

Родители Васильевой были удивлены — несколько лет их дочь встречалась с очаровательным Борисом Ивановичем (он умел обаять кого угодно) и вдруг выходит замуж за какого-то Володю. Но решение ее было твердо, и она его не изменила. Свадьба прошла в общезитии, где жил Ушаков. При этом официальный брак был заключен только через несколько лет, а кольцами супруги вообще обменялись только на полувековом юбилее совместной жизни. Этот брак продлился 56 лет, и Вера Васильева со временем полюбила и стала ценить своего мужа.

Хотя любимой в этом браке была именно она: муж, зная ее нелюбовь к домашнему хозяйству, нанимал помощниц, заботился о быте и уюте в доме. Вера Кузьминична же могла полностью посвятить себя театру и искусству, как ей того и хотелось.

С Борисом Равенских она с тех пор не общалась, но, узнав о его

Слева:

*Борис
Равенских*

*Фильм
«Свадьба
с приданым»*

смерти в 1980 году, прервала гастроль, чтобы проститься с некогда любимым человеком.

В Театре Сатиры Васильева ежегодно стала получать роли, хотя часто казалось, что Валентин Николаевич Плучек, пришедший руководить театром, ею, как актрисой, просто не интересовался. Но Васильева не роптала, а искала любую возможность выразить свой талант хотя бы в тех ролях, что ей доставались. Графиня Розина в «Женитьбе Фигаро», городничиха Анна Андреевна в «Ревизоре» — главные роли тех лет, не самые большие, но весьма и весьма заметные. При этом Вера Кузьминична работала с прекрасной плеядой актеров, блиставших в Театре Сатиры в те годы: Андрей Миронов, Анатолий Папанов, Татьяна Пельцер, Спартак Мишулин, Георгий

Менглет... И для каждого в своих воспоминаниях она нашла доброе слово.

Были и печальные годы: так, в августе 1987 года театр потерял двоих: Андрея Миронова, умершего на гастролях в Риге, и Анатолия Папанова, которого не стало в те же дни в Москве. Театр был обескровлен, и актеры, считавшие себя большой семьей, горевали вместе.

Не имея плотной занятости в театре, но имея мечты о больших ролях, Васильева живо откликалась на предложения других театров. Так, она сыграла давно желанную роль Любви Раневской из «Вишневого сада» в Тверском драматическом театре, а также в драматическом театре польского города Щецин. Эта работа, по словам Веры Кузьминичны, спасла ее в трудные

годы — после смерти партнеров по сцене и после потери мамы, которой не стало в том же трагическом 1987 году.

Несмотря на возраст, с годами у Веры Васильевой не стало меньше ролей. В каждый момент жизни, когда она говорила себе: «Вот мне уже 60, 70, 80, 90...» и казалось, что режиссеры уже ничего не предложат, что-то непременно появлялось. И актриса с благодарностью воспринимала всякую возможность играть и всякую роль. В 70 она играла в родном театре «Воительницу», затем — в орловском театре — Филумену из «Филумены Мартурано». Были спектакли «Ждать?!», «Орнифль», «Мольер», «Пиковая дама», в кукольном театре Образцова — «Странная миссис Сэвидж», поставленная талантливым, но рано ушедшим Андреем Денниковым.

Иногда, правда, и Вера Васильева позволяла себе побыть немного «дивой». Так, когда Роман Виктюк пред-

ложил поставить спектакль для нее и Ольги Аросевой о пожилых примадоннах, Вера Кузьминична, конечно же, согласилась. Но, узнав, что актрис будут играть Ольга Аросева и оперная певица Елена Образцова, а ей предназначалась роль стареющей поклонницы, страшно обиделась и ушла домой. Несколько дней Виктюк посылал к ней «гонцов», прежде чем она дала свое согласие. И, конечно же, блистательно сыграла роль.

При всей своей страсти к работе Васильева, в первую очередь, была женщиной — с годами стала готовить мужу завтрак, обожала пройтись по магазинам, накраситься, принарядиться. И при этом всегда оставалась человеком благодарным — за все, что преподносила жизнь.

И жизнь неожиданно преподнесла бездетной актрисе удивительный подарок — названную дочь. А затем и внучку.

Однажды, когда Владимир Ушаков был уже тяжело болен, она про-

*С мужем
Владимиром
Ушаковым*

*Спектакль
«Орнифль»*

мозглым зимним вечером шла к нему в больницу с тяжелыми сумками. И внезапно рядом с ней появилась девушка, которая помогла ей. Со временем Дарья Милославская стала для семьи Васильевой и Ушакова настоящим другом, крестницей (как называли они ее сами). А когда у Дарьи родилась дочь Светлана, она стала для пожилой уже пары внучкой.

После смерти Васильевой многие обвиняли Милославскую в корысти, но достаточно прочесть, что писала о ней сама Вера Кузьминична, чтобы понять, сколько тепла и радости принесли в ее дом Дарья и Света: «Во всех моих затеях, да не только в затеях, а и в трудностях, помогает мне, радуется со мной моя любимая Дашенька. Уже много лет как я нахожусь под таким надежным крылом, и мне трудно даже поверить, что это не родная дочка, а та повзрослевшая девочка, что в детстве

полюбила мой голос, мои сказки по радио, потом увидела меня в театре и полюбила меня на сцене, а потом узнала меня в жизни и поделила со мной все заботы и тревоги, связанные с моими родными».

Благодаря Дарье Вера Кузьминична справилась со смертью мужа в 2011 году, вместе с названной дочерью и внучкой она много путешествовала по Европе, продлила, насколько это было возможно, свой «золотой возраст». И если один человек способен сделать другого счастливым, лучше этого ничего быть не может.

Именно Дарья Милославская сообщила 9 августа 2023 года о смерти Веры Кузьминичны. Она скончалась на даче, в возрасте 97 лет. И до конца своих дней была спокойна, улыбчива и благодарна — за всю свою длинную жизнь. Вероятно, это то, чему стоит поучиться... □

Георгий Ланской

ЛОВУШКА

для идеального мужчины

Пролог

Задай кто-нибудь вопрос: как же все вышло, и почему упорядоченная и стабильная жизнь покатила в тартарары, он бы не нашел ответа. А спроси любопытствующий, есть ли какая-то точка отчета, когда все началось, мужчина, что нервно топтался рядом с запертой дверью казенного кабинета, дал бы утвердительный ответ. А потом, засомневавшись, уточнил бы: нет-нет, все началось гораздо раньше. И если бы была возможность отмотать жизнь назад, я никогда бы не поступил подобным образом. Не пошел на встречу, не стал общаться с этими людьми и никогда никого не обидел бы.

Пока дверь оставалась закрытой, у него было время на отступление и обдумывание. Но если она откроется — всему конец. Спасти не удастся. Он не был в себе настолько уверен, оттого каждый раз, когда в коридоре раздавались шаги, нервно вздрагивал, чувствуя холодок ниже затылка и покалывание во вставших дыбом волосках на руках.

Когда все началось? Где оно: то самое «жили-были» в истории, что привела его к этой двери?

Жили-были пятеро друзей, которые в один прекрасный день перестали дружить. И случилось это не просто так, а потому, что за светлыми, чистыми лицами скрывалась мрачная тайна, что привела их к долгим объяснениям и оправданиям, которым все поверили, не подумав, насколько убедительно могут врать люди их возраста, если им есть что скрывать. Тогда они, сурово глядя друг на друга и отчаянно труся в душе, принесли свою клятву, скованные, скорее, страхом разоблачения, иначе не было бы никакого потом.

И никто из них бы не помнил, какой сырой и вязкой была земля, осыпающаяся под тонкими пальцами...

Пройдут годы, и они будут думать, что история закончилась. Клятва в вечной дружбе на крови, принесенная ими на смех, при помощи ножика, давно себя изжила и была позабыта, потому что не существует никакой вечной дружбы, армейского, школьного или студенческого братства. Действительность выталкивает романтические элементы былого с холодной безжалостностью. Да и сами они не стремились к продолжению, отстраняясь друг от друга. Временами с пугающей ясностью каждый из них воскрешал в памяти события тех дней, ощущая вязкую глину на своих руках, и отгонял усилием воли. Никакого «потом» не должно было случиться.

Но оно случилось.

Жили-были пятеро друзей с одной общей тайной, запечатанной кровавой клятвой. А затем один из них решил эту клятву нарушить и погубить всех, утачив за собой в огненную яму. Это и была точка нового отчета, новой, равнодушной в своей безжалостности спирали, что раскрутилась и смела собой виновных и непричастных. Жил-был один человек, которому не очень повезло в жизни, и, вспомнив о прошлом, он решил, что кто-то остался ему должен. А решив, отправился собирать долги. Стоя перед запертой дверью мужчина подумал, что об этом ни в коем случае нельзя рассказывать, уйдя в глухую оборону, несознанку, как любят говорить в этих самых стенах, наполненных ложью и страхом. И как только он подумал о нагромождении новой лжи, в его висках застучало и захлопало, словно голову атаковала стая птиц. Может, именно поэтому он и пропустил приближающегося противника, а потом было уже слишком поздно.

Шаги за его спиной были на удивление легкими, почти беззвучными, и потому он вздрогнул лишь тогда, когда его мягко, но решительно отодвинули в сторону, ключ дважды провернулся в замке, а ручка ушла вниз под напором входящего.

И сейчас, когда проклятая дверь наконец-то открылась, он выдохнул, понимая, что ему придется пройти через многое и доказывать, что он, по сути, добропорядочный человек с безупречной репутацией.

А вовсе не убийца...

Глава 1. ЗАКАДЫЧНЫЙ ВРАГ

До начала линейки оставалось еще минут сорок. Несмотря на это, школьников уже сгоняли во дворик перед крыльцом, а ответственные учителя, прикрикивая, формировали из толпы возбужденных родителей и их чад

кривоватую букву «П». Звуковик настраивал оборудование, и пару раз толпа вздрагивала от вырванных из середины школьного вальса нот. На мгновение воцарялась тишина, а потом над головами, словно улей рассерженных пчел, поднимался разноголосый гул. Наэлектризованная секретарша, нервно прижимая к груди ворох бумажек, то и дело выскакивала за школьные ворота, проверяя, не едут ли высокие гости — на первый звонок ожидалось высокие чины. Поодаль устанавливал треногу камеры оператор, рядом зевала молодая журналистка с микрофоном в руке, на лице которой читалась скука. Пресса ждала высоких гостей, а те могли приехать неожиданно рано. Их следовало отловить и взять радужный комментарий о перспективах развития образования в текущем году.

Историк Сергей Богаченко прихлебывал из красно-белого стаканчика уже остывший кофе, смотрел на собравшуюся толпу и чувствовал легкий тремор, хотя в его жизни этих первых звонков был уже десяток. Окинув взглядом толпу, он поискал дочь среди старшекласников, не увидел и досадливо поморщился.

Тут к нему с проворством атакующей барракуды подскочила завуч школы Ступина:

— Сергей Владимирович!

Он повернулся, изобразив на лице полную готовность вытянуться по струнке:

— Да, Алла Антоновна?

Она вцепилась в рукав его пиджака с мученическим выражением лица, на котором читалась убежденность, что он обо всем забыл, и сейчас ей придется опозориться перед всем городом.

— Сергей Владимирович, вы же все помните?

— Я все помню, Алла Антоновна, не переживайте.

— Значит, смотрите, сначала будет торжественная речь, короткая, ее директор скажет. Затем он поприветствует мэра, тот скажет несколько слов детям. Вы далеко не уходите, потому что сразу после этого он будет вас награждать. Выйдете, пожмете руку, примете от него диплом, а Кариночка вручит вам цветы.... Карина! Где Карина?

Из-за колонны высунулась девчачья мордашка с вытаращенными от страха глазами. Сергею стало смешно.

— Карина! Не уходи далеко! — приказала Ступина. — С букетом все в порядке?

Карина помахала в воздухе аккуратным круглым букетом из мелких георгинов. Алла Антоновна перевела взгляд на улыбающегося Сергея и нахмурилась:

— Вам бы все хиханьки да хаханьки, Сергей Владимирович, а у нас, между прочим, такое событие впервые за последние пять лет. Чтобы сам мэр к нам... Ох, простите, я не то имела в виду, я понимаю, что он тут из-за вас в большей степени... Но можно попросить вас быть немного серьезнее?

— Алла Антоновна, я очень серьезен.

— А чего вы тогда смеетесь?

— Да не смеюсь я, просто настроение хорошее.

Ступина поджала губы и произнесла со сварливой обреченностью:

— Не понимаю, чему тут можно радоваться, хотя я в ваши годы тоже пылала энтузиазмом каждое первое сентября... Ох, ладно. В общем, Сергей Владимирович, вы помните: пожмете мэру руку, получите букет, затем скажете пару слов.. Журналисты уже спрашивали, когда могут с вами пообщаться, я им сказала, что после линейки, но это вы сами смотрите, можете и пораньше. Но лучше, когда мэр уедет, он не любит, когда внимание направлено не на него...

Подошедший со спины школьный физрук нервно хохотнул и шепнул Сергею на ухо:

— Слухи ходят, что ты одной почетной грамотой не отделаешься, тебе ключи от хаты дадут.

— Слушай больше. И повторяй за всеми всякую ерунду.

— А если правда дадут, протавишься? — Виктор Иванов, крепкий, плотный, разменявший четвертый десяток мужчина, пользовался в школе репутацией ловеласа, и не скрывал своего интереса к слабому полу, что порой балансировало на грани дозволенного. — Твои сегодня здесь? — спросил он.

— Алена тут, я ее привез, а у Дашки работа. Первое сентября — самый «сенокос», наверняка сейчас крутит кому-то локоны.

Сергей вновь бросил взгляд на толпу, выискивая лицо дочери, нашел ее одноклассников, но Алены среди них не было.

— Зря не пришла, — покачал головой Виктор. — Не каждый день муж из рук первого лица получает ключи от новой хаты.

— Вить, такое чувство как зависть должно быть чуждо представителю отечественной интеллигенции, — буркнул Сергей, однако в глубине души завозилась надежда: а что если действительно это произойдет?

— Я не завидую, Серег, — невесело хохотнул Виктор, — просто сожалею, что не я оказался в нужном месте в нужное время. Пойдем-ка покурим, пока не началось...

Предложение показалось Сергею заманчивым, и он торопливо направился следом за Ивановым, бегло оглянувшись на толпу и не заметив пары внимательных глаз, наблюдающих за ним с напряженным вниманием.

...Двумя месяцами ранее...

Маруся Рязанова ехала на съемки с неохотой.

Когда тебе слегка за двадцать, и ты только-только окончила журфак, мир уже теряет свои радужные очертания, поскольку только первокурсники еще лелеют надежду получить Пулитцеровскую премию за свой репортаж или бредят светской жизнью, мечтая, как будут крутиться в столичном бомонде, задавать умные вопросы знаменитостям. К финалу учебы студенты начинают соображать, что эти мечты на блюдечке никто не принесет. А после выпуска, устроившись в газету, информагентство или на телевидение, юные «акулы пера» понимают, что рано или поздно им придется делать сюжет о невысыхающей луже или внимать запинаящейся речи мелкого чинуши, что вяло и неинтересно рассказывает о достижениях департамента. И все ради того, чтобы в конце месяца на карточку упала зарплата, далекая от того, о чем мечталось. После этого журналисты делятся на реалистов, мечтающих свалить из профессии навсегда куда-нибудь на тепленькое, хорошо оплачиваемое место, и оптимистов, еще надеющихся свернуть горы.

Маруся Рязанова была из первых. Обернувшись непробиваемым цинизмом к двадцати шести годам, она без всякого интереса глядела в окно служебной машины и думала, как бы поскорее отстреляться и свалить на пляж. Сюжет предполагался простенький, но ей предстояло встретиться не с одним персонажем, а сразу с двумя семьями, и съемки могли затянуться из-за разбросанности по городу.

Сейчас она инструктировала по телефону испуганную женщину:

— И сына нарядите, только без перебора. То есть просто брюки, рубашку... ну или футболку попримичнее. Не надо костюм с галстуком, мы же делаем сюжет о простом, обычном пареньке. И, пожалуйста, не опаздывайте, это же телевидение, тут важна каждая минута.

— Зашугала тетку? — спросил Виталька, возящийся на заднем сиденье.

— Да ну ее, дура набитая, — отмахнулась Маруся. — Надеюсь, паренек окажется поживее. Хорошо бы, чтоб он сам все рассказал, я только в общих чертах знаю эту историю.

— Главное — делай умное лицо, — посоветовал Виталька.

— С этим у меня проблем не будет. Я в любой ситуации делаю умное лицо.

Очередной герой сюжета ей неожиданно понравился, а Виталька одобрительно кивал, оглядывая светлую квартиру без лишней мебели, где ему, неповоротливому бегемоту, было где развернуться со своей треногой. Домочадцы в виде жены и взрослой дочери не докучали, укрывшись в кухне. Маруся, к своему удовольствию, почти не задавала вопросов, чувствуя,

как округлые, ровные фразы вылетают изо рта этого мужчины, без какого-то пафоса рассказывающего о том, что все уже давно окрестили настоящим подвигом. Мужчина показался ей привлекательным, несмотря на то, что почти годился ей в отцы. Глядя на его мощные плечи, она бы никогда не предположила, что он — преподаватель истории.

— Нам бы для картинки снять еще чаепитие, — сказал Виталька уже после того, как они побеседовали. — Вместе с семьей. Показать, что у вас все идеально.

Хозяин ушел на кухню и затащил в гостиную стол. Маруся вежливо ждала, когда Виталька, командующий парадом, рассадит в нужном ракурсе героя, его невероятно красивую жену и дочь, что демонстративно фыркала, но при виде камеры расцвела и умело позировала. Жена выглядела сдержанной, прохладно улыбалась и всем своим видом показывала, как ей все надоело. Маруся, наблюдающая со стороны, подумала, что хозяин выглядит в этой мизансцене органично, а вот его скованная жена и кривляющаяся дочка — фальшиво, а когда поняла это, в голову пришла и другая мысль: в этой квартире ненатурально абсолютно все. Картинка идеальной семейки вдруг отдала дешевым целлулоидом, краски показались слишком яркими, а эмоции — в перехлест. Но Витальку все устраивало, и она не спорила.

Они попрощались и еще минут пятнадцать ждали во дворе запаздывающую героиню и ее отпрыска.

Подоспевшую тетку, взопревшую, со сбитой набок прической, отсняли минут за пять. Сын тетки, мальчишка лет восьми, застенчиво поглядывал на репортеров и все время норовил спрятаться за мать.

— Я очень благодарна Сергею Владимировичу. Он человек с большой буквы. Если бы не его поступок, моего сына сейчас не было в живых! — отчеканила тетка. — Только такой человек мог героически броситься в пучину и вытащить захлебывающегося ребенка! Никто, абсолютно никто даже не заметил, что Максимка тонет! А он прыгнул прямо с моста! Там же высоко, он мог разбиться! Но не пожалел себя! Это настоящий мужской поступок! Побольше бы нам таких людей!

— Максим, скажи «спасибо» Сергею Владимировичу за то, что спас тебя, — ободряюще улыбнулась Маруся.

— Спасибо Сергею Владимировичу, что спас меня, — серьезно повторил Максим и покраснел.

Это выглядело милым, но Виталька кривился.

— Что? — недовольно спросила Маруся. — Еще дубль?

— Да. Неестественно как-то. И позвони нашему герою, пусть выйдет. Снимем трогательную сцену объятий спасителя и спасенного.

— А не перебор?

— Людям нравятся сопли. Все обнимаются, все счастливы, мамаша пускает скучную слезу. Звони, а я пока машину вызову.

Маруся позвонила и с огромным трудом уговорила героя своего сюжета спуститься к мальчику, что неделей ранее заплыл на середину реки на надувном матрасе, а когда тот перевернулся, едва не утонул. Но, на его счастье, на пешеходном мосту оказался учитель местной школы, который, не раздумывая, бросился вниз, спас мальчишку и даже не представился. Если бы не ролик в соцсетях, герой остался бы неизвестным. Однако спасителя быстро опознали как преподавателя истории Сергея Богаченко. И теперь поговаривали, что подвиг простого педагога не останется без внимания городской администрации. Соцсети разрывались от предположений, у Богаченко появился даже небольшой штат фанатов, раздобывших одно смазанное фото с пляжа, где он предстает в одних купальных шортах. Каких трудов стоило редакторам уговорить его на сюжет — герой оказался неуместно скромным и несговорчивым.

Витальке со второго раза удалось снять приличную благодарственную речь спасенного Максимки и с первого — трогательную сцену объятий взрослого мужчины и мальчишки. К тому моменту вежливо улыбающаяся Маруся уже потеряла к герою своего сюжета интерес. После прощаний она забралась в машину и отправилась на монтаж. Через пару часов она выйдет из здания телестудии, сядет в маршрутку и уедет на пляж, выбросив учителя из головы, не подозревая, что очень скоро судьба вновь сведет ее с героем сюжета, заставив изменить свое мнение на прямо противоположное.

Школьный вальс крутили каждый год, и каждый год Алена не могла разобрать ни одного слова, как ни старалась. Она дала себе зарок, что хотя бы в этом году, в последний раз попытается понять, о чем же там поется, и, инстинктивно прислушиваясь, вроде бы начала разбирать слова: «Когда уйдем со школьного двора под звуки нестареющего вальса...»

Вместе со своей одноклассницей и подружкой Таней Алена сквозь толпу школьников пробралась поближе к крыльцу, на котором уже стоял мэр города и произносил проникновенную речь о необходимости получить образование, чтобы стать полноправным членом общества. В завершении своей речи он пригласил к микрофону выдающегося педагога, настоящего героя Сергея Богаченко, который, рискуя жизнью, спас школьника.

— Папашка у тебя, конечно, красавец, — шепнула ей на ухо Таня. — Будь он богатеем и не будь ты моей подружкой, я бы с ним замутила...

— Дура ты, — процедила сквозь зубы Алена. Шутка подружки не показалась ей смешной.

Тем временем мэр к концу своей речи объявил, что Сергей Богаченко становится почетным гражданином города, вручил ему памятный знак

и крепко пожал руку, а маленькая школьница в бантиках протянула букет цветов. Алена увидела, как улыбка на лице отца стала растерянной и вымученной.

— Значок почетного гражданина — и все? — нахмурилась Таня и, глядя на расстроенную подругу, пожалала плечами. — Даже премию не выпишут? Отстой! Вот и делай добро людям. Там же глубоко, он мог и сам не выплыть. Господи, какое позорище! Если кто-то будет при мне тонуть, я даже пальцем не пошевелю.

И тут Алена вдруг осознала, что на ее лице сейчас такая же жалкая улыбка, как и у отца, и она страшно разозлилась на него за то, что своим поступком он привлек внимание к ее персоне, и теперь ей придется с удвоенной энергией отбиваться от нападков одноклассников, которые и без того шпыняют учительскую дочку...

После торжественной линейки Сергей, войдя в школу вместе с другими учителями и школьниками, старательно удерживал на лице резиновую улыбку, в глубине души чувствуя унижение. Собственно, никто не обещал, что после спасения ребенка ему непременно дадут квартиру или какую-то финансовую помощь. Никто об этом не заикался, он сам повелся на разговор Виктора и... поверил. Поверил, хотя еще за час до линейки не думал о награде, как не думал о ней и в тот погожий день, когда увидел в воде тонувшего паренька и, не раздумывая, бросился в реку...

Уже на берегу, передавая перепуганного мальчишку в руки взрослых, Сергей был совершенно не готов к тому скандалу, что закатила жена, оставшаяся на мосту, перепуганная тем, что в середине разговора муж, без всяких объяснений, бросается к ограждению, взбирается на него и прыгает вниз, будто решив совершить самоубийство. На тот момент, когда он, мокрый, с хлюпающими водой туфлями добрался до супруги, Дарья сидела в летнем кафе с совершенно синими от страха губами. И когда Сергей начал жалко объяснять ей, что произошло, накинулась на него с такой бранью, которой он не слышал от нее никогда, хотя в последнее время...

В последнее время они часто ругались.

В битвах против Дарьи Сергею редко удавалось выйти победителем, поскольку его аргументы действовали слабо или не действовали совсем, хотя пятнадцать, десять, пять лет назад ему удавалось усадить ее напротив, злую, раскрасневшуюся от ярости, и начать со слов: «послушай, давай посмотрим на эту ситуацию с другой стороны...» И все волшебным способом разрешалось. Но тогда Аленька была еще маленькой, не превратившись в разменную монету в руках матери. Позже, после того как ей исполнилось тринадцать, ссоры участились, становясь все более ожесточенными.

ми. И однажды, после брошенного Сергеем предложения все обсудить, Дарья вдруг резко ответила:

— Пошел к черту со своим гребаным психоанализом! Тошнит уже от твоих разглагольствований! Лучше бы работу нашел нормальную!

После чего Даша забрала Алену и уехала к матери дуться, оставив его беззвучно открывать рот от изумления. Да, учитель истории, да еще в школе, не бог весть кто, но денег им хватало. Он думал, что хватало. К окладу добавлялись факультативы, репетиторство. Квартира, машина... Стабильная жизнь, которая вдруг дала трещину, заставила его сомневаться в себе, хотя он любил работу и, что бы там ни говорила директриса, до сих пор первого сентября испытывал легкий трепет и волнение. Но оказалось, что денег не хватает просто катастрофически, потому что дочь ходила в школу с несчастным андроидом, в то время как у других давно были яблочные гаджеты, отдыхать ездила на дачу к бабушке и один раз в Турцию, а не на Мальдивы и Дубаи, как другие. И однажды взорвалась уже Алена, пристыдив отца за нищобродство. Что-то такое ей прилетело в школе, кто-то посмеялся то ли над одеждой, то ли над телефоном, но после этого Алена рыдала весь вечер, отказалась ужинать и заявила, что в школу больше не пойдет. Дарья, что незадолго до этого вышла на работу в салон красоты, усугубила конфликт.

С тех пор эта тесно спаянная парочка клевала отца в мозг, требуя все больше и презирая его за нежелание променять школу на что-то куда более престижное. Хуже всего было то, что квартира, в которой они жили, принадлежала родителям Дарьи. После смерти тестя, теща тоже сдала и нуждалась в постоянном уходе. Дашин брат, у которого она жила, ненавязчиво намекал: после смерти родительницы квартиру надо будет делить почетному. Так что намеки Виктора на вероятное получение квадратных метров неожиданно попали в больное место. До вручения этого совершенно ненужного звания Сергей еще на что-то надеялся, и только после скользкого рукопожатия градоначальника понял: зря. Новый статус не давал ничего, кроме приглашений на городские торжественные мероприятия, даже бесплатный проезд не был предусмотрен.

«Ну и ладно, — уныло подумал он. — Не жили богато, нечего и начинать. Я же ни на что и не рассчитывал. Как жил, так и буду жить!»

Проведя занятия в первую смену, Сергей получил короткую передышку и подумал: стоит ли идти на обед в школьную столовую, где обедали коллеги, наверняка желающие обсудить с ним столь почетную, как им казалось, награду, или удовольствоваться прихваченными на всякий случай из дома бутербродами. Второй вариант казался более соблазнительным. Отложив в сторону конспект, он с хрустом потянулся, встал и хотел запереть дверь,

чтобы никто не помешал ему спокойно поесть, когда дверь отворилась, и в кабинет проскользнул худой мужчина.

— Добрый день, — вежливо произнес Сергей, метнув взгляд на открытый портфель и лежащие сверху бутерброды, завернутые в пищевую пленку. — Вы ко мне?

— Ну, так, — хмыкнул мужчина. — Здорово, Серега! Сколько лет, сколько зим...

Сергей машинально протянул руку и нахмурился. Где он мог видеть этого человека?

В облике гостя было что-то нездоровое и одновременно нечто знакомое. От вошедшего за версту несло перегаром, грязной одеждой, и Сергей даже удивился, как обычно бдительные охранники пропустили внутрь этого человека, совершенно не похожего на родителя учащегося элитной школы? Он бросил взгляд на телефон: позвонить охране? Но человек назвал его по имени, причем весьма фамильярно. Мужчина заметил этот взгляд и криво усмехнулся, обнажив гнилые зубы.

— Что? Застремался со старым другом поручкаться? А когда-то вместе со всеми кричал: мы банда, мы банда! Да не очкуй, Богаченко, это я, дружба твоя.

Похороненное в глубине души воспоминание вдруг вырвалось на свободу и ударило Сергея под дых так, что он открыл рот и забыл вдохнуть, вглядываясь в покрасневшее от алкоголя лицо маргинала, в котором почти не угадывались знакомые черты старого друга, видеть которого он не планировал больше никогда.

— Славян? — недоверчиво произнес Сергей.

— Славян, — подтвердил гость и, сжав руку Сергея, потряс ею в воздухе.

Славка Попов, давний друг из прошлого, которое давно было погребено под слоем земли, выглядел плохо, словно только чудо заставило его протрезветь и продержаться в таком состоянии несколько часов. Душноватый сивушный выхлоп окутывал его фигуру, смрад распространялся по всему кабинету, впитываясь в стены. Пожимая суховатую лапу Попова, Сергей с трудом сдержал отвращение.

— Сколько лет, сколько зим, — безрадостно произнес он. — Садись, Слав. Когда виделись в последний раз-то? Даже не вспомню...

— Ну, еще бы, — усмехнулся Слав, — вы с такими, как я, не видите. Ты вон большим человеком стал, с мэром здороваешься за руку, подарки от него получаешь.

— Да каким большим, Слав, — поморщился Сергей, уже догадываясь, что за этим неприятным визитом последует просьба денег, и лихорадочно вспоминая, сколько у него есть с собой в бумажнике, и удастся ли отделать-

ся парой сотен. — Я простой учитель, сомнительная карьера так-то. Не бизнесмен, не олигарх, даже не чиновник. Обычная, скучная жизнь. Ты-то как?

— Я-то? — оскалился Славка и хитро поглядел на Сергея. — Я-то в шоколаде, Богаченко, или по мне не видно? Вчера мэр заезжал лично, привез знак почетного гражданина. Но я его не принял, рылом мэр не вышел со мной встречаться. Вот губернатор бы приехал, другое дело, или президент сразу, тогда да, тогда конечно...

— Слав, что ты хочешь?

— Я-то?

— Ты-то, — раздраженно ответил Сергей. — У меня перемена скоро закончится, так что излагай внятно, чего тебе надо?

Слава наклонился вперед, и Сергей, сморщившись, резко отпрянул.

— Что, побрезговал? — презрительно спросил Слава. — Надо же, каким ты неженкой стал, не то, что раньше, когда на «мокруху» шел.

— Я никогда не ходил на «мокруху», Слав, — ответил Сергей, с трудом сдерживая желание вмазать по этому опухшему лицу.

— Да ну? Видать что-то с памятью твоей стало. А я вот хорошо все помню. И про «жмура», и про то, как драпали все вместе, и про клятву ртов не раскрывать да вместе держаться до самого конца. Только вы как-то быстро обо всем позабыли, бросились бабло стричь, а меня оставили в полной заднице. Не так, скажешь?

— Слав, мы тебя за уши должны были тащить? Рюмку из рук выбивать? Двадцать лет прошло...

— Двадцать пять!

— Двадцать пять, — согласился Сергей, чувствуя, как закипает от ярости кровь. — Что мы можем для тебя сделать? Содержать до конца дней, наливать, потому что ты свою жизнь профукал?

Слава побледнел, его глаза налились кровью.

— Я вас тогда вытащил! — прошипел он. — Я! Тебя в частности. Тащил прочь, пока ты нюни распускал. Я сказал, что дальше делать, пока вы ныли, блевали и канючили: Славян, помоги, ты же опытный, у тебя батя сидел... Если бы не я, вас бы замели в первый же день! И если бы что случилось, вы бы меня и сдали!

— Не сдали бы.

— Неужели?

Сергей чувствовал все нарастающую тревогу. Этот немый пропойца, явившийся с обвинениями давностью в четверть века, мог изрядно испортить ему жизнь, просто не вовремя открыв рот. Его по-настоящему напугало, что он, за давностью лет, давно потерял из виду старых приятелей, повязанных не самыми приятными воспоминаниями, а вот Попов, как ока-

залось, следил за ним, явившись на линейку. Или же это произошло только из-за внезапно свалившейся на голову популярности? И значило ли это, что Попову известно местонахождение только одного из четверых поделщиков давней истории, что так скверно закончилась? Если Слава знал только, где найти старого друга Серегу Богаченко, дело принимало дурной оборот. Этот алкоголик намеревался доить его ровно столько, сколько хотел. И в настоящее время Сергей даже не знал, как ему отказать. Часы все тикали, до начала урока оставалось всего ничего, а опустившийся алкоголик все не уходил, лишь сопел и смотрел набычившись. Наконец, облизав губы, решился и веско произнес:

— Я тут подумал и решил: за вами должок.

— С чего бы?

— С того, что я сказал. Мне, Серега, терять нечего. Мне жрать нечего и жить негде.

— И в долг не наливают больше?

— Завали хлебало! — разозлился Слава. — Значит так: гони полтос сейчас, и еще полтос в следующем месяце. Хватит на вас богу молиться!

Глядя на это ничтожество, Сергей почувствовал, как первый шок растворяется, и теперь его переполнял гнев. Вскочив из-за своего стола, он схватил Славку за грудки и поволок к дверям, сломив его жалкое сопротивление. Славка, вытаращив глаза, упирался ногами, цепляясь за руки Сергея и впиваясь ногтями в кожу. Впечатав почти безвольное тело в дверь, Сергей под ошеломленные взгляды учеников, выволок Славку в коридор и потащил к выходу. К ним уже спешил охранник.

— Сергей Владимирович, помочь? — крикнул он издали.

— Справлюсь, — пробухтел Сергей, выволок Попова наружу, швырнул на асфальт и угрожающе произнес:

— Значит, теперь слушай сюда. Больше мне на глаза не попадайся. Еще раз увижу — урою, понял?

Слава не ответил. Сергей постоял рядом с ним пару мгновений и, развернувшись, направился обратно в здание, поймав на себе любопытствующие взгляды охранника, коллег и взволнованных школьников, что с интересом смотрели на драку. В класс он вошел уже после звонка, проигнорировав любопытство поднявшихся учеников. Встав у доски, слабо улыбнулся, хотя его еще потряхивало, и хорошо поставленным голосом проговорил:

— Здравствуйте, ребята. Садитесь. Начнем урок. Итак, сегодня мы рассмотрим с вами средневековую Европу. Записывайте: Римская империя, устройство деревень, переселение народов и расслоение общества...

25 лет назад...

Петровский рынок — самое лучшее место для любого подростка для того, чтобы спрятаться от внешнего мира и остаться в полной безопасности и под защитой от внешнего мира, где до тебя нет дела вечно озабоченным проблемами родителям. Конец сентября. Сережа Богаченко, Слава Попов, Володя Вершинин и Коля Безуглый сидят в крохотной шашлычной, где взяли две палки шашлыка на четверых, и косятся на взрослых, что преспокойно пьют пиво. Мальчишкам по пятнадцать лет, пиво им не продают, и они надеются, что их пятый товарищ Саби принесет спиртное, но тот запаздывает. Саби Бебусенов, казах, «золотой» мальчик, с которым очень выгодно дружить, потому что у него есть денежки, но даже без них он отличный парень. Маленький, худенький как тростинка и немного женственный, Саби влился в компанию в конце зимы, после переезда, напуганный новой школой и городом. То, что он оказался в компании уверенных в себе парней, стало невероятным везением, которое Саби спешил отрабатывать мелкими податями вроде денег и вкусняшек. Отец Саби — стоматолог, у него золотые руки, и недостатка в подношениях нет. Саби может вытащить из дома любой элитный алкоголь, и никто не заметит, потому что отец, как истинный мусульманин, не пьет спиртное даже в компаниях.

Пока они ждут, Славка, косясь на взрослых, излишне громко, со смачными деталями излагает почти правдоподобную историю о том, как переспал со студенткой-третьекурсницей. Володька, самый плотный из них, жует жесткую свинину и слушает, иронично подняв одну бровь, что означает: так я тебе и поверил! Коля смотрит в окно и глотает слюну, потому что во рту пересохло, и он хочет пива. Сергей пристроился на самом краешке стола и возит своим кусочком мяса по тарелочке с кетчупом. Он не любит шашлычных, в них темно и невозможно поговорить нормально, но на улице дождь и сильный ветер. Как вариант, можно снова пойти в какой-нибудь подъезд, но они и без того постоянно тусуются в подъездах, откуда их с завидной регулярностью гонят.

С Колькой Сережа знаком давно, с самого детства, сидели, можно сказать, на одном горшке в детском саду, потом пошли в один класс. Года через два в их дуэт плавно влился и Володька Вершинин, полноватый, флегматичный, с блестящими способностями к математике. А к классу шестому Славка Попов, чья притягательность измерялась количеством отсидок его отца, снизошел до кучки ботаников, осознав, что они, в общем-то, нормальные пацаны, после чего полностью подавил их сопротивление, сделав своей свитой. Успеваемость мальчишек и оценки по поведению резко поползли вниз, родители безуспешно пытались оградить детей

от влияния трудного подростка, но потом смирились и махнули рукой, мрачно предсказывая, что он втянет их в историю. Сейчас, слушая пошлое вранье Попова, Сережа думает, что родители не так уж ошибаются, и впервые за несколько последних лет ему не хочется здесь находиться. Но дома тоже нечего делать, кроме уроков или просмотра телевизора. Можно взять напрокат кассету и в очередной раз поглядеть «Терминатора» или «Чужих», все лучше, чем торчать тут. Тут Сергей через стекло замечает, как к кафе торопится знакомая щуплая фигурка Саби, бережно прижимающая к груди непрозрачный пакет, кивает друзьям, и они дружно вываливаются в сентябрьскую хмарь.

— Принес? — деловито спрашивает Слава, и Саби кивает, потрясывая пакетом. Потом воровато открывает его и показывает бутылку с надписью «текила».

Перебежав дорогу, они устремляются в парк, уже закрытый, но гулять там никто не запрещает. В старом парке есть масса укромных мест, сломанных скамеек и аттракционов, вышедших из строя, где можно разместиться с определенным комфортом. Фонари горят не везде, и друзья, инстинктивно выбирая тропинки потемнее, куда точно не сунется патруль, добираются до аттракционов, где остались качели-лодочки с оборванными цепями. В лодочках пусто, и они, забравшись в одну, усаживаются напротив друг друга: Коля и Володька на одной лавке, Саби, Сергей и Слава — на противоположной.

— Давай! — решительно говорит Володька и протягивает руку Саби.

Тот протягивает пакет, в котором громко звякает. Володька удивленно присвистывает: Саби прихватил две бутылки.

— Кучеряво, — говорит он и ловко сворачивает пробку. — У меня текилу даже родки не пробовали, буду первым... Погоди, а пить из чего? Ты стаканчики не взял?

— Не догадался, — конфузится Саби и опускает голову. — Я подумал, что кто-то возьмет...

— Думал он, — передразнивает Славка. — Ты же бухло нес, надо было и о таре позаботиться... Всему вас надо учить.

— Из горла бухнем, — говорит Володька. — Будем по кругу передавать.

Бутылка ходит по кругу, и понемногу алкоголь забирает их. К открытию второй бутылки их уже мутит, но отказаться сейчас — значит, признать, что ты еще маленький, а этого никому не хочется.

— Ох, хорошо, — говорит Славка. — Умеют же за бугром бухло делать. Хорошая вещь, забойная.

— Ага, — поддакивает Колька. — Когда разбогатею, буду пить только текилу. Ну и дорогой коньяк.

— Разбогатеешь ты, как же, — мрачно предрекает Сергей, и Колька вздыхает. Его родители пашут на заводе и вот уже пару месяцев не получают зарплату. Как и родители Сергея, что вкалывают там же.

— С нашей жизнью разбогатеешь. Надо в бизнес идти, чтобы «бабки» были, или в рэкет, как в девяностые.

— А ты хочешь? — спрашивает Сережа заплетающимся голосом.

— Я хочу красиво жить, Серый. И меня тошнит от нищеты и прочего дерьмища. Я хочу пить текилу, летать за границу... Где справедливость? Кто-то сейчас вон жирует, бабок немерено, а мы тут сидим в холоде и сырости. Почему у нас нет ни хрена? Я бы прямо сейчас встал и забрал то, что у них есть, и честно поделил.

— Честно — это как? — уточняет Сергей.

— Честно — это чтобы все мне, — поясняет Слава и гаденько ухмыляется.

И все, кроме Сергея, ржут от такой интерпретации честного дележа.

Саби смеется вместе со всеми, а потом спохватывается и округляет глаза:

— Ой, ребята, я ж совсем забыл. Гляньте, что покажу! У меня вон что есть! — И он задирает свитер, обнажая рукоять заткнутого за пояс пистолета...

ГЛАВА 2.

Благонадежный гражданин

Не успев подняться в квартиру, Тамара Царева почувствовала, что ничем хорошим ее смена не закончится, но деваться было некуда. С завидной стабильностью следователю Царевой поручали дела скользкие, с большим количеством неизвестных, «интересные», как говорил ее шеф.

Вот и сегодня у дома из вполне приличного жилищного комплекса Тамару кольнуло недоброе предчувствие, что убийство будет далеко не простым.

Войдя, она привычно царапнула взглядом по висящей видеокамере, отметила отсутствие консьержа и, войдя в лифт, нажала на кнопку девятого этажа.

В квартире уже суетились эксперты, обрабатывая поверхности порошком для снятия отпечатков. Тамара захлопнула дверь локтем, быстро огляделась по сторонам, отметив дорогой дизайнерский ремонт, дорогую мебель и элементы декора, кивнула знакомым операм, что вяло и без интереса копались в вещах. Из гостиной, подняв кверху руки в резиновых перчатках, вышел криминалист Тарас Поседько:

— Ба, царица Тамара! Снова вместе, снова рядом... Пошли, на клиента посмотришь, пока не увезли.

— Причина смерти? — спросила она.

Тарас привычно пожал плечами. Даже если причина смерти была очевидна, он не спешил делать каких-либо выводов. Была в его юности какая-то неприятная история, раз и навсегда отучившая его от скоропалительности.

— Предварительно — огнестрел. Одна пуля прямо в лоб. Прошла навывлет, ребята ее из стеночки выковыряли. Гильзу нашли, 9 миллиметров, скорее всего, ПМ. Стреляли с очень близкого расстояния, почти в упор. Судя по характеру брызг, жертва упала с высоты роста и ударилась затылком о тумбочку, есть отчетливый след удара.

Тамара вошла в гостиную и посмотрела на покойника.

Мертвецом был мужчина лет сорока, или чуть старше, маленький, сухой азиат, хотя по азиатам ей было сложно определить возраст навскидку. На восковом лице — потеки крови из дыры во лбу, а щеки были в пороховой гари. Лицо показалось Тамаре знакомым. Покойник был одет в спортивные штаны и зеленую майку, на вывернутой левой ноге остался тапок, второй валялся поодаль. На светлой телевизионной тумбе действительно виднелся кровавый смазанный след.

— Орудие убийства? — спросила она.

— Я не видел, но ты у оперов спроси. Они там по квартире его искали, — ответил Тарас.

— Спрошу, — вяло сказала она и пошла на кухню, где сидел знакомый опер Вася Татаринцов, худой, слегка скособоченный, предмет насмешек в отделе за то, что красил волосы в черный цвет и прикрывал длинными прядями раннюю плешь. Тамара, кстати, никогда не смеялась. Ну, лысеет мужик, что тут поделывать? Ну, красит волосы, потому что в тридцать четыре уже седой.

— Привет, Тамара! — поднял глаза от протокола Вася.

— Привет, Вась. Кто у нас убиенный?

Она сказала это довольно сухо, чтобы не повторилась история с сочувственными интонациями, которые ей нужны были меньше всего после болезненной схватки, обморока, яркого света на операционном столе и осознания, что так ожидаемого ребенка у нее отняли навсегда.

— Бебусенов Саби Ержанович. Врач-косметолог из клиники «Афродита МедПлюс». Недешевая контора, весь наш бомонд там морды подтягивает. Я про Бебусенова слышал, говорят, светило, золотые руки.

— И я слышала, — призналась Тамара. — У них там цены на процедуры как на самолет. Говорят, даже из столицы к ним мотаются. Чего ж он в столицу не переехал?

— Вдова сказала — собирались.

— Вдова? Ты ее уже опросил?

— Она в спальне. Ей плохо стало, поначалу еще держалась, а потом уплыла, Тарас вколол ей чего-то успокоительного. Труп, кстати, она нашла. Пришла домой, а тут вот такая история.

Тамара подумала, что «кстати» в этой аналогии совершенно неуместно. Труп тяжело найти «кстати», он не гриб, не кошелек, и уж никак нельзя кстати найти труп собственного мужа. Подумав об этом, Тамара вновь почувствовала грызущую боль в животе, поморщилась и отогнала фантомный, или кажущийся фантомным, спазм усилием воли.

— Пистолет не нашли?

— Ищем. Но думаю, что не найдем, во всяком случае, в квартире. Я ребят отправил обшарить мусорки вокруг, но, честно говоря, не надеюсь.

— Ограбление?

— Замки не сломаны, — пожал плечами Вася. — Вдова говорит, дверь была открыта. Она сунула ключ, тот не повернулся, нажала на ручку, вошла, увидела труп и вызвала полицию. Деньги на месте, кредитки и «цацки» тоже, во всяком случае, на первый взгляд. В доме есть что взять, но, похоже, ничего не искали. Мне почему-то кажется, что шли убивать целенаправленно, и покойный убийцу знал. Следов борьбы нет, соседи ничего не слышали. Но мы еще не всех обошли.

— В котором часу его убили?

— Тарас говорит, между полуночью и тремя, но это он, конечно, «на глазок». Странно, однако, потому что ночь, тишина, кто-то должен был услышать выстрел. С «глушаком», что ли, стреляли? Так его тоже порой слышно, сама знаешь...

Тамара поглядела на настенные часы и спросила:

— Сейчас одиннадцать утра... Когда вдова мужа-то обнаружила? Она что, дома не ночевала?

— Говорит, не ночевала. Муж накануне выпроводил ее к родителям. Она сказала, что муж словно чего-то опасался, нервничал в последнее время и все время куда-то звонил. Объяснил, что должен с чем-то разобраться.

— Думаешь, ее можно допросить? Она ведь, скорее всего, под препаратами....

— Я бы ее в отдел отвез, — посоветовал Вася. — Заодно и смывы с ладоней взял, нет ли на них пороха. А то мало ли что, может, она киллер на полставки. Или муженька с любовницей застукала, шмальнула, а ствол — в мусоропровод.

— И любовницу туда же?

— А чего? Вполне рабочая версия. Что у нас, впервые жена мужа за измену на винегрет шинковала?

— Не впервые, — согласилась Тамара. — Но на моей практике я еще не встречала женщины, что так ловко шмаляет мужу прямо между глаз. Она, кстати, кто по жизни? Работает?

— При таком муже и деньгах? Не смеши! Владеет салоном красоты, а уж работает там или только кассу снимает, этого я пока не скажу. Видишь, какой тут семейный подряд: муж теткам морды штопает, жена их штукатурит. Им бы еще похоронное агентство открыть для пушщего эффекта, чтобы завершить картину...

— Агентство у нас тоже есть, оно на брата записано, а управляем мы, — вдруг донеслось от дверей.

Тамара оглянулась. Хозяйка, невысокая, полная азиатка с гримасой горечи на лице, облаченная в дорогое платье, подпирала дверной косяк и смотрела на гостей без всякого выражения. Поглазев на них пару мгновений, она подошла к мойке и потянулась к чашкам.

— Не трогайте! — взвился Вася. — Тут эксперты еще не работали.

Хозяйка замерла и, опасливо отдернув руку, прошептала:

— Я пить хочу.

— Присядьте, — участливо произнесла Тамара, — сейчас я вам налью воды. И простите нас за сказанное.

Она вынула из шкафчика чашку, налила воды, подала хозяйке, и та жадно выпила.

— Я вам не представилась, — сказала Тамара. — Я — следователь Царева. А вы?

— Бебусенова Альмира Сапаровна, — ответила хозяйка. — Жена. Или, как вы уже тут сказали, вдова.

— Альмира Сапаровна, примите наши соболезнования. Сами понимаете, подобные преступления надо раскрывать по горячим следам, поэтому расскажите все, что вы знаете, — попросила Тамара, раскрывая папку с протоколами.

Бебусенова с минуту глядела на столешницу, а потом негромко, но обстоятельно начала рассказывать. Тамара кивала и записывала.

Несколькими днями ранее ее муж, Саби, встретился с каким-то типом в своей клинике. Альмира застала лишь самый финал, когда мужчина выходил, изрыгая проклятия, а муж, выскочивший следом, был бледен и встревожен. Увидев жену, Саби свел все к нелепости: на вопрос, кто был этот дурно пахнущий и бедно одетый мужчина, сказал, что это бывший одноклассник, опустившийся алкаш, который хотел одолжить денег.

— Ваш муж назвал его имя? — спросила Тамара.

— Нет, — помотала головой Альмира. — А я не спросила, Саби явно не хотел об этом говорить, было видно, что ему оказалась неприятной эта

встреча, и он все время о ней думал, даже дома. Я пару раз просыпалась ночью и видела, что он не спит, сидит на балконе и курит.

— Это было необычно?

— Саби всегда спит... спал как младенец, очень уставал на работе, — пояснила Альмира. — Он мог в восемь вечера уснуть и спать до полудня после операции. И курить он давно бросил. Я даже спросила, что происходит, но он не ответил, сказал только, что надо с ребятами переговорить.

— С какими ребятами?

— Не знаю, — дернула плечами Альмира. — Он кому-то звонил... Может, одноклассникам?

— Вы их знаете?

— Нет. Точнее, я знаю о двоих, но Саби с ними не общался. Он вообще мало с кем общался из детства. Говорил, что в школе его не особо жаловали после переезда, он уже в восьмом классе город сменил, почти ни с кем не успел подружиться. Разве что с Владимиром Вершининым.

— Это кандидат в мэры? — уточнил Вася.

— Да. Они иногда встречались на мероприятиях, здоровались, но так... прохладно, будто не хотели общаться. А потом по телевизору я увидела еще одного, забыла, как его зовут, учитель, который прыгнул с моста и спас ребенка. Саби сказал, что это его друг детства, учились в одном классе. Вроде бы даже гордился им. Сказал, что он — самый нормальный, и всегда таким был. Я еще посмеялась, спросила — разве не ты был самым нормальным? А он ответил, причем со злобой и горечью, что всегда был их шавкой и должен был заслужить свой кусочек мяса. Больше я эту тему не поднимала.

— Вам не было любопытно? — влез Вася, пока Тамара старательно вписывала в протокол сведения об одноклассниках.

Альмира бросила на него злобный взгляд и ответила:

— Мне — было. Но я из традиционной мусульманской семьи, и должна подчиняться мужу, не задавая лишних вопросов. А Саби был золотым мужем. Он меня любил, обеспечил такую жизнь, о которой я и мечтать не могла. А какой он врач! На него в клинике буквально молятся!..

Она вдруг задохнулась, схватила чашку и, жадно допив воду, вдруг разрыдалась. Оставив ее одну, чтобы Альмира немного успокоилась, Тамара вышла в коридор, выманив за собой Васю, и приказала:

— Вези ее к нам, здесь я из нее ничего больше не выжму.

— Хорошо, — кивнул Вася.

Уже подойдя к дверям, Тамара вдруг остановилась на пороге и спросила:

— Не знаешь, у них есть дети?

— Двое, — ответил Вася. — Учатся в Москве. Думаешь, надо сообщить?

Тамара покачала головой и вышла, думая, что ни за что не взялась бы сообщать детям о смерти отца. Как и родителям о смерти ребенка. Когда угодно, только не сейчас...

Тамара подала на развод с мужем сразу после того, как вышла из больницы, стискивая зубы от воющей боли в искалеченном животе, куда прилетел его кулак. Еще до того, как состоялся тот знаменательный скандал, она знала, что с семейной жизнью пора завязывать. Свекровь, подколотная змеища, ежедневно пела в уши сыночку про постоянные загулы жены, пилила отсутствием детей и ставила в пример какую-то неведомую Тамаре Раю, что могла бы стать идеальной снохой. Тамара терпела несколько лет, потом начала огрызаться. К списку ее недостатков прикрепилось обидное слово «лимита», как будто они жили не в Сибири, а в Москве, с видом на Красную площадь, а сама Тамара приехала из глухого чукотского поселения.

На юрфаке она была одной из лучших и, что называется, «подавала надежды», а после окончания института ее сразу взяли на работу в следственный комитет. Там она познакомилась с Генкой, капитаном полиции. Он сразу покорила ее сердце, а спустя неделю знакомства сделал ей предложение. Тамара не раздумывая согласилась и приняла как должное тот бытовой ад, в который погрузилась ее жизнь в однокомнатной квартире с мамашей Геннадия, бывшей врачихе, привыкшей собачиться с пациентами не на жизнь, а на смерть.

Работая в следственном комитете и часто наблюдая за тем, как когда-то любящие люди, ругаясь, уничтожали друг друга, Тамара даже не думала примерять мысль о бытовом насилии на себя, униженно терпя упреки, затем ругань, а затем и побои мужа. Подзуживаемый матерью, которая то и дело «чуяла запах посторонних мужиков в квартире», Гена стал поколачивать Тамару за то, что постоянно задерживается на работе, в надежде вернуться, когда он будет спать.

Ей долго не удавалось забеременеть, хотя она всегда отличалась лошадиным здоровьем. Ситуация в доме накалялась все больше, но Тамара послушно провела в этом доме десять лет, ежедневно подозреваемая в измене. И однажды, уже почти ненавидя мужа, она на эту измену решилась. Секс в рабочем кабинете, на столе, среди бумаг и протоколов суетлив и не интересен, но она сразу забеременела. Ее тошнило так часто и сильно, что свекровь сразу заподозрила об измене и беременности и доложила сыну. Вернувшись с дежурства, он с порога ударил Тамару ногой в живот с такой силой, что она пролетела через всю квартиру и, ударившись головой о приоткрытую дверь, потеряла сознание.

Ее не рожденный ребенок погиб, а сама она отделалась сотрясением и сломанными ребрами.

Выйдя из больницы, Тамара сразу подала на развод. Муж на суд не пришел. Выждав какое-то время, она вновь потребовала развода, и он снова не пришел. Тогда Тамара пожаловалась его начальнику, и тот, будучи в курсе ситуации и не желая ссориться со следственным комитетом, принял меры. Геннадия вызвали на ковер и попросили убедить жену не поднимать скандал. Тамара пообещала не портить мужу жизнь и съехать. В съемной квартире она проводила одинокие вечера, ожидая вызова в суд и приговора их браку. С этого момента Тамара очень предвзято стала относиться к мужчинам, кажущимся идеальными при первом впечатлении, потому что страшно обманулась десять лет назад и, черт подери, больше этого никогда не допустит...

Одноклассники Алены как-то быстро забыли о позорном награждении ее отца перед всей школой, а сама она старательно уклонялась от разговоров. Ей не хотелось рассказывать о том, каким жалким выглядел отец дома, и с какой презрительной ухмылкой поздравила его мама, которая принесла домой из салона денег больше, чем отец зарабатывал за полмесяца...

В понедельник, когда ее подруга Таня села рядом за парту, Алена вдруг увидела на ее шее замазанный тональным кремом синяк, который наверняка оставили чужие губы в порыве страсти. Но это было не единственное ее «приобретение». Перед началом урока Таня небрежно вынула из кармана айфон последней модели и отключила на нем звук, делая все нарочито медленно, чтобы все вокруг успели полюбоваться обновкой, бросив торжествующий взгляд на подружку.

— Я тебе на перемене все расскажу, — шепнула она, и Алена кивнула, хотя ей уже все было понятно. Родители Тани такие же бюджетники, при этом отец периодически уходил в штопор запоя, и подарить дочери игрушку за сотню тысяч рублей они не в состоянии.

Весь урок Таня строчила кому-то сообщения, а Алена никак не могла сосредоточиться на физике. Она не понимала, что чувствует к подружке: зависть или презрение. На перемене они вышли в коридор и облюбовали подоконник подальше от всех.

— Можешь меня поздравить, кажется, мне удалось, — шепнула Таня.

— Удалось что?

— Не строй из себя святошу. Склеить богатея. И у нас вчера все было.

— Я заметила, — хмыкнула Алена и махнула подбородком в сторону синяка. — Что за мужик?

— Крутой мэн, богач, упакован от и до. Мы весьма неплохо с ним отдохнули. Видишь, что подарил? — махнула Таня айфоном перед Аленой.

Та равнодушно кивнула и спросила как само собой разумеющееся:

— Конечно, женат?

— Конечно, но не в этом дело. Он уже звонил сегодня и предлагал встретиться еще. И, знаешь, он мне даже понравился. Я вся горела, не то, что с Петькой, вся его эта слюнявая возня...

— Господи Боже, — притворно ужаснулась Алена.

— Переживаешь за меня? — засмеялась Таня.

— Я бы так не смогла, — серьезно проговорила Алена. — Ни за что не легла бы с мужиком, который сильно старше меня, и к которому я не испытываю ничего.

— Я бы не сказала, что я ничего не испытываю, — возразила Таня. — Он очень обходительный. Все было достаточно традиционно и на неплохом уровне. Но ты. Похоже, не рада за меня...

— Я не уверена, что должна радоваться, — пожала плечами Алена.

— А вот я — рада, — с вызовом ответила Таня. — И, поверь, выжму из этой истории все, что смогу. А ты можешь оставаться девственницей до свадьбы, если тебе хочется.

— Он тебе хоть представился? Как его зовут?

— Вячеслав, — после недолгой заминки ответила Таня, и Алене показалось, что она врет.

Выходные для Сергея прошли отвратительно. Вечером в пятницу, придя домой, он вытерпел снисходительную похвалу Дарьи, небрежно чмокнувшую его в макушку перед тем, что, по ее мнению, считалось праздничным ужином.

— Папа у нас герой, — хмыкнула она. — Да, Ален? Почетный гражданин города.

Эту фразу она не сказала, а скорее выплюнула, лишь увеличивая развершуюся пропасть между ними, а Алена рассеяно кивнула, всем видом показывая, насколько ей безразлично все происходящее, и, кажется, объединившись в презрении с матерью.

— Давайте не усугублять, — взмолился Сергей. — Ну, пролетела награда мимо усов, так ее никто и не обещал. Забыли.

— У тебя вечно все... пролетает мимо усов, — констатировала Даша. — Ладно, жуй свою курицу. Будем делать вид, что так и должно быть.

Чтобы скрыть злость, Сергей с остервенением вцепился в куриную ножку и вырвал из нее кусок, чувствуя, что его предали в буквальном смысле этого слова. После унижительной подачи от мэра ему хотелось спрятаться, забыть это позорное награждение, а в минуты малодушия — никогда не прыгать с моста и никого не спасать, но тут Сергей мысленно бил себя по щекам. В конце концов действительно ведь ничего такого и не произошло, он не рассчитывал ни на что, так с чего расстраиваться, ничего не получив?

Ситуацию усугублял визит Славки, и вот это тревожило по-настоящему. Отделившийся в юности, как ненужная ступень от ракеты, приятель после службы Сергея в армии на горизонте не возник ни разу, и уж тем более ни разу не пытался припомнить ту страшную историю, после которой их дружба треснула и рассыпалась. Лежа в постели рядом со спящей женой, Сергей прокручивал детали этого разговора, думая, кого еще Славка «осчастливил» своим визитом. Бебусенов жил в городе, Сергей его периодически встречал и здоровался, но дальше этого дело не шло. Вершинин тоже встал на ноги и пошел далеко, метил в мэры, его Сергей видел реже, а вот Колька Безуглый исчез из виду давным-давно. То ли переехал, то ли просто не попадался на глаза. Впервые за много лет Сергей подумал, что они не пересекаются даже в соцсетях, не дружат, не шлют милые стикеры к дню рождения или к Новому году. Понятно, как Славка нашел Сергея, а вот нашел ли он остальных? Ворочаясь с боку на бок, Сергей подумал, что не хочет этого выяснять.

В понедельник настроение не улучшилось. Более того, он почувствовал себя полным неудачником после того, как в учительскую ворвался физрук Виктор Иванов с таким счастливым лицом, что оно могло заменить собой солнце.

— Чего так сияешь? — спросил Сергей. — В лотерею выиграл?

— А ты откуда знаешь? — удивился Виктор.

— В смысле, откуда я знаю?

— Ну, в прямом. Там же фамилий не называют, тем более после такого выигрыша! Я лично не хотел особо светиться, чтобы родня не прознала, а то явятся бабло пилить.

— Не понял, — нахмурился Сергей. — Ты реально выиграл в лотерею?

— Реально, Серег! Вот те крест!

— У-у-у! Поздравляю! И сколько?

— А как ты думаешь сколько?

— Ну... соточку? Или две?

— Соточку, — рассмеялся Виктор, — или две... Мелко мыслишь, Богаченко. Четыре ляма я выиграл!

— Да ладно!

— Вот тебе и ладно. Четыре миллиона, Серег! Ух, я теперь заживу. Я с момента смерти родителей нормально не жил, хаты эти убогие, тачка уродская. Я квартиру куплю, Серег! За четыре ляма я могу взять хорошую хату даже в центре. Ой, блин, я думал, что никогда уже в моей жизни ничего хорошего не будет, как в тринадцать сиротой остался. Думал все, не смотрит Боженька в мою сторону! И тут бац — четыре ляма! Неплохой такой бонус в тридцать восемь. И главное, Серег, я ж билет этот просто так взял,

на сдачу. Никогда ничего не выигрывал, и тут будто кто под руку толкнул: купи.

— Поздравляю, — прохладно произнес Сергей и стал застегивать портфель с конспектами. Когда он направился к выходу, Виктор удержал его за руку.

— После уроков гуляем, я уже столик заказал в «Хуторке». Приглашаю весь коллектив. Но тебя персонально, так что не вздумай свалить.

— Даже в мыслях не было, — улыбнулся Сергей, хотя на душе скребли кошки, черные, завистливые, недовольно шипящие. Четыре миллиона! Четыре миллиона, свалившиеся с неба. Если бы этот билет купил Сергей, они бы тоже купили квартиру, большую, пусть даже без ремонта, а потом продали бы квартиру тещи, поделили деньги с братом Даши и жили бы долго и счастливо, не беспокоясь, что, миновав черту молодости, останутся без крыши над головой. Может быть, из-за этих мыслей уроки Сергей провел отвратительно, постоянно отвлекаясь на ерунду, и под конец дня сдался, заставив учеников выполнить самостоятельную работу. Пока дети скрипели мозгами над мифами Древней Греции, Сергей мучительно перебирал в голове давнюю историю, что непостижимым образом совпала с потрясающим везением коллеги.

Виктор успел заразить своим настроением весь коллектив, и оттого нежелающих внезапно пойти в ресторанчик не оказалось. В той радостной суете сборов, когда все педагоги неискренне поздравляли везунчика, зазвенел телефон, и секретарша Людочка, выслушав звонившего, на автомате отдала трубку Сергею.

— Слушаю, — буркнул он.

— Сергей Богаченко?

Голос был вроде мужской, очень высокий, почти мальчишеский, с какими-то неправильными интонациями. Сергей сразу подобрался и, выждав мгновение, спросил:

— Саби, это ты?

Теперь замолчал звонивший, а потом, с нервным то ли смешком, то ли всхлипом, произнес:

— Надо же, как быстро ты догадался. Может, догадаешься, зачем я звоню?

— Он к тебе тоже приходил? — быстро спросил Сергей.

— Приходил, — всхлипнул Саби, и его голос сорвался на визг. — Погоди, что значит — тоже?

— Он был у меня в четверг.

— А у меня в пятницу. Нам бы надо поговорить, не находишь? И желательно бы еще сегодня.

— Давай, — обреченно согласился Сергей. — У тебя мой сотовый есть?

— Откуда?

— Тогда запиши. Во сколько сможешь?

— Я на работе еще, — выдохнул Саби. — Часов в десять-одиннадцать. Не поздно для тебя? Хотя такое дело откуда угодно выдернет. Но я могу операцию отменить, все равно не в том состоянии, чтобы сиськи мять.

— Ничего не отменяй, я на корпоративе, отказаться неудобно. Так что к десяти подъеду. Скинь адрес.

Саби помолчал, а потом на телефон Сергея пришло сообщение. Он мельком глянул на неизвестный номер и прочел сообщение с неизвестным адресом и с отметкой, что это в центре.

— Послушай, — осторожно произнес Саби, — может, стоит позвонить остальным?

— Может, и стоит, только у меня их номеров нет, где Колян, я вообще не в курсе. Он вроде бы собирался уезжать.

— Нет, он здесь, в городе, как-то видел, — безжизненно ответил Саби. — Попробую найти его и Володе позвоню. Только ты сразу приезжай, как сможешь. Я жену отправлю к теще... И знаешь, несмотря на обстоятельства, я почти рад тебя услышать. Эта история... она...

— Давай без деталей, — прервал Сергей, и Саби послушно замолчал. — Звони на мобилу. Я часов в девять тебе звякну, и мы все решим, хорошо?

— Хорошо, — согласился Саби и отключился.

Сергей тоже положил трубку на аппарат и вытер внезапно выступивший холодный пот. Людочка смотрела на него тупым взглядом.

— Сергей Владимирович, что-то не так? — обеспокоенно спросила она.

— Все не так, Людмила Алексеевна, — прошептал он. — Все давно не так.

Никто не помнит, кому в голову первому пришла идея налета. Подогретые двумя бутылками текилы, да еще с пистолетом в руках, который они то и дело вырывали друг у друга, чтобы посмотреть, они были готовы на все.

Слава первым справился с оружием, нашел предохранитель, передернул затвор, выщелкнул обойму и наставил ствол на друзей.

— Руки вверх! — скомандовал он пьяным голосом. — Пиу-пиу!

— Славян, там патрон в стволе, — подсказал Коля. — Ты сперва передернул, а потом обойму вынул, так что убери палец с курка, а то шмальнешь кому-то между глаз. И вообще не тычь им нам в морды.

— А, ну ладно, — согласился Слава, опустил пистолет, загнал обойму обратно и щелкнул предохранителем. — Саби, откуда он у тебя?

— Братки после мордобоя у отца зубы лечили, приехали в дупель пьяные, пистолет потеряли и даже не вспомнили, где, а я нашел, — смущенно

хихикнул Саби. — Подумал, может, вернутся, так отдам, а они не вернулись. Не факт, что вообще вспомнят, что у отца были.

— А родки не в курсе про ствол? — спросил Слава.

— Думаешь, я бы тебе его показал, если б они в курсе были?

Редкие облака неслись по небу, заслоняя луну. В парке становилось прохладно, спиртное выпито, и греться больше нечем. Текила бушевала в крови подростков, толкая на необдуманные поступки, и именно тогда Слава произнес:

— А ведь теперь мы можем править миром.

— В смысле? — не понял Володя.

— Без пистолета мы кто — гопота. Нас никто не будет воспринимать всерьез, хоть на головы встанем. Помните, я говорил, что готов взять все и поделить поровну... ну, то есть по-честному. Но вы можете представить, как я буду это делать без ствола? Забегу в банк с веткой в руке и буду орать «всех перережу»? Да меня в два счета на пинках вынесут. А тут — ствол. Весомый такой аргумент. Против него не поперешь, отдадут все как миленькие.

— И ты с одним пистолетом пойдешь брать банк? — рассмеялся Сергей, призывая товарищей сделать то же самое, но больше никто не засмеялся, напротив, все выжидающе посмотрели на Славу.

— Банк? — ухмыльнулся он. — Банк нет, там все не по-детски, а вот какой-нибудь обменник — запросто. Вон их сколько, и охрана там — дедок с газовым баллончиком, а то и вовсе никакой, одна баба сидит в окошке. Думаешь, она будет жизнью рисковать?

— Там окошечки маленькие, а двери железные, — резонно возразил Володя. — Ей достаточно будет под стол упасть и все, ты ее не достанешь, хоть чем грози.

— Не все такие, — с жаром проговорил Слава. — Я знаю обменник в магазине, это бывшая подсобка, там до сих пор окно огромное, с обычным стеклом, и дверь картонная, только выглядит солидно. Вечером там вообще никого нет, одни бабки за хлебом ходят.

Облака неслись по небу все быстрее, воздух вокруг неожиданно стал одновременно ледяным и обжигающе горячим. Пятеро друзей чувствовали себя взрослыми и решительными, настоящими мужиками, матерыми волками. Никому в голову не пришло, что все это всерьез, что оружие в руках Славки — настоящее, что сейчас они на самом деле пойдут в тот самый обменник, где Славку знают, как облупленного, и наставят пистолет на беспомощную кассиршу. Никто не подумал, что у них нет даже масок, чтобы скрыть лица, потому что все они, кроме Саби, были в стельку пьяны, а Саби никогда не решился бы возразить друзьям, опасаясь вновь остаться в одиночестве.

Повинуясь указаниям Славки, они пошли к остановке и забрались в старый, душный автобус, в котором их развезло еще сильнее. А от остановки до магазина идти всего ничего, поэтому холодный ветерок не успел обдуть их хотя бы до мимолетной трезвой мысли.

— Не очкуйте, — проинструктировал Слава друзей перед дверями. — Там охранник — дедок один, если что, сразу его на пол положите, а я бабло вытащу.

Они вошли в магазин, внутренне трясаясь от страха и от мысли, что еще не поздно, еще можно отступить... Но отсутствие охранника на месте придало силы, и налет уже показался чем-то простым и легким. В кассе обменного пункта скучала женщина лет тридцати-тридцати пяти, довольно полная, неповоротливая. Сквозь грязное стекло было видно, что она читает книгу в пестрой обложке. В магазине кроме них — старуха у кассы, отчаянно ругающаяся с продавщицей, что, по ее мнению, та подсунула ей несвежую курицу. Слава чуть заметно кивнул, сунул руку под куртку и, не успев достать пистолет, заорал:

— Руки вверх! Это ограбление! Гони бабло!

Но следом произошло неожиданное. Входная дверь открылась, и внутрь в помещение вошел охранник, но не обещанный Славкой дедок, а мужчина лет тридцати пяти, коренастый, плечистый. Славка нервно дернул рукой, оружие выпало из нее и медленно упало на пол со звонким металлическим бряцаньем. Кассирша оторвала глаза от книги и начала орать, следом заорала продавщица, заверещала бабка. Охранник, мгновенно оценив ситуацию, сделал прыжок к пистолету одновременно со Славкой, и они сцепились между собой.

— Бей его! — хрипло выкрикнул Слава, и на охранника набросились все остальные, даже Саби, которого можно перешибить плевком. Охранник отбивался и орал во всю глотку. Пять пар рук пытались вырвать пистолет друг у друга, качая его из стороны в сторону, а потом раздался хлопок, и стекло кассы оказалось продырявлено насквозь. Захлебнувшись криком, кассирша сползла на пол и нажала на тревожную кнопку. Раздался еще один хлопок, и пуля разбила лампу. Старуха у кассы упала в обморок. Продавщица завизжала, отшатнулась и уронила на себя полку с продуктами. Одна банка с томатным соком взорвалась, и женщине показалось, что она ранена или убита, поэтому визг не умолкал. Охранник вслепую отбивался, стараясь не выпустить пистолета, но ему безжалостно выкручивали руки... А потом раздался третий хлопок. Пуля вошла охраннику под подбородок, оставляя на коже красное пятно ожога, которое тут же скрылось под потоком крови. Захлебнувшись ею, охранник выпучил остекленевшие глаза и осел на пол, погребенный четырьмя телами. Славка, корчившийся

на полу, поднялся и разнял друзей, которые еще не поняли, что натворили. Пистолет все еще был в руке охранника. Парни какое-то время молча смотрели на труп мужчины, а потом. Славка нагнул и вырвал оружие из скрюченных пальцев мертвеца.

— Валим, валим, валим! — заорал он и первым бросился к дверям. После секундной паузы вся компания вывалилась на улицу и побежала со всех ног прочь, оставив позади перепуганных до смерти женщин и одного покойника, что так не вовремя вышел со своего рабочего места покурить...

Убийство известного пластического хирурга не прошло незамеченным. Тамару с самого утра одолевала пресс-секретарь следственного комитета, стараясь почерпнуть из ее отрывистых комментариев хоть что-то достойное внимания прессы. Тамара отвечала скупой и односложно, поскольку, по большому счету, сказать ей было нечего. Мотив преступления оставался неизвестным, допрос очевидцев ничего не дал, замки оказались не взломанными. Вскрытие обещали через пару дней, баллистики на исследование пули взяли тайм-аут. Расшифровка звонков и сообщений тоже должна была занять несколько часов, поскольку телефона Бебусенова так и не нашли. Тамаре оставалось только ждать. Отбившись от пресс-секретаря, она провела два назначенных допроса по другим делам и поехала к операм.

По пути, рассеяно глядя на дорогу, она размышляла, почему соседи не услышали звука выстрела. Бебусенова убили поздно вечером или даже ночью. В это время многие уже ложатся спать и выключают телевизор. Ближайшие соседи, пусть даже в доме с приличными стенами и неплохой звукоизоляцией, должны были что-то услышать. «Глушитель»? Дополнительная звукоизоляция при ремонте? Учитывая дорогой ремонт, сменные стеклопакеты, такой вариант не исключался. Или же что-то другое? Чтобы не забыть, Тамара вытащила телефон и вдолбила эти вопросы в заметки.

Василий Татаринев торчал в кабинете, ел глазированный пончик, запивая чаем, и хмуро смотрел в монитор, на котором было открыто сразу два окна, а в них двигались люди в дворе и, кажется, в подъезде дома. На вошедшую Тамару Василий поглядел с неудовольствием, но, тем не менее, криво улыбнулся, встал, принял у нее куртку и придвинул коробку с пончиками.

— Чай будешь?

— Буду, — обреченно вздохнула Тамара, предполагая, чем ее сейчас угостят, и махнула головой на монитор: — Что смотришь?

— Видео с камер дома и парковки. Застройщики все-таки страшные жлобы. На входе камера есть, на парковке есть, у лифтов и то есть. Что им стоило поставить камеры на этаже?

— Так там тоже есть, я видела, — удивилась Тамара.

— Муляж, Тамар. Не работает ни одна, кроме тех, что в лифте, на входе и лестнице первого этажа. Случись что — и концов не найдешь.

— Так уже случилось, — мрачно сказала Тамара, взяла чашку и, зажмурившись, отхлебнула кипяток. — На видео есть что-нибудь интересное?

— Думаю, я уже нашел убийцу, — усмехнулся Вася.

— Да ладно!

— Вот тебе и ладно. Но что толку? Если это он, нам известно только время. А там помимо него в указанное время куча народу вошла. Вот, смотри.

Тамара уставилась в монитор. Вася перемотал видео на несколько минут назад. На экране к подъезду приближался мужчина: довольно высокий, кряжистый, с огромным букетом белых цветов: не то астр, не то хризантем, и столь же внушительной охапкой воздушных шаров. Разглядеть за этим праздничным великолепием лицо оказалось невозможным, к тому же камеры были довольно скверными, превращая видимые фрагменты лица в засвеченные плоские блины.

— А с подъезда есть видео? — спросила Тамара и осторожно надкусила пончик.

— То же самое, — с горечью сказал Вася. — Зашел, но в лифт не сел, смотри, двинулся вправо, к лестнице, к камере стоит спиной. Что это за доставщик такой, который проигнорирует лифт, даже если клиент живет на втором этаже? Да еще доставка в одиннадцать вечера. Не поздновато ли для гульбы?

Тамара вгляделась в широкую спину мужчины, закрывшего голову капюшоном дутой куртки, и согласилась: толку от видео чуть. Оpoznать человека нереально. Снимет куртку, и мать родная его не узнает, вполне возможно, что под курткой скрывается тощий подросток или вообще женщина.

— Надо бы ребят отправить туда и узнать, не отмечал ли кто какое-нибудь событие, особенно на втором этаже, — сказала она. — Может, мы зря переживаем. Ты обратил внимание, во сколько он вышел?

— Обижаешь, уже ребят отправил. Но тут самое интересное, Тамар, что он не вышел, — усмехнулся Вася. — Вошел — и все, пропал. Я видео два раза просмотрел.

Тамара нахмурилась, а потом пожала плечами:

— Может, он тут живет? Просто человек вернулся домой, решил поздравить жену, дочку или любовницу. Или это ему на день рождения подарили.

— Мужу — шарики и букет? — фыркнул Вася. — Ему надо букет из раков или колбасы дарить, а тут цветочки.

— Это да, — равнодушно согласилась Тамара, всматриваясь в ускоренное видео. — Остальных входящих установили?

— Да где там. Мы прикинули и стали отсматривать входящих с момента приезда Бебусенова, он, кстати, приехал один, через два часа ушла его жена. Мы исходим из того, что в двадцать один ноль-ноль Бебусенов был еще жив, если, конечно, жена к этому не имеет отношения. Ты, кстати, вдовицу не опросила под протокол?

— Вдовице внезапно поплохело, и ее лечащий врач упек ее в клинику, куда нам строго-настрого запретили входить какие-то высокие чины, — мрачно ответила Тамара, недовольная собственной оплошностью — вдову надо было сразу тащить в отдел. — Видать, морду в клинике подтягивали и опасались, что вдовица об этом всем расскажет.

— Думаешь, она как-то причастна? — с интересом спросил Василий.

— Кто ее знает? — пожала плечами Тамара. — Может, надоел ей муженек, и она решила его грохнуть, чтобы получить все состояние. Кстати, надо бы выяснить, кто наследник. Жена, понятное дело, дети... А кто еще? Я, пожалуй, главврача на завтра вызову. Может, Бебусенов в доле был, и часть клиники ему принадлежала. Тогда возможны происки конкурентов. А ты пока пробей деток.

— Пробью. И хорошо бы узнать, кем был тот неприятный бомжара, что приходил к нему, — напомнил Василий. — Так что я, наверное, с тобой смогаюсь. Надо бы ордерок на изъятие записей с больничных камер.

— Ох, боюсь, с этим будут проблемы, все же врачебная тайна, то да се, — вздохнула Тамара. — Там же пациенты элитные, не чета бабкам из поликлиник. У нас половина прокурорских и судейских баб там делали кто губы, кто грудь. Им вряд ли захочется светиться в материалах дела... Попробую выбить. Знаешь, что мне не дает покоя? С кем он встречался. Надо найти его телефон, потому что это очень мутная история. Если верить вдове, он накануне кому-то звонил, нервничал, и перед встречей отослал ее из дома. Зачем? Зачем вообще встречаться дома? Если он хотел привести любовницу, то это как-то очень тупо просить жену уйти, ведь однозначно возникнут вопросы, и потом, для любовницы он был слишком непарадно одет. Если это была деловая встреча, тем более, зачем тащить кого-то домой, если есть рестораны, кафе, бизнес-центры, куча других помещений, да и в машине можно посидеть, поговорить. Но он тащит человека к себе домой, сам открывает ему дверь.

— Предположительно сам, — уточнил Василий.

— Предположительно, — согласилась Тамара. — Рассмотрим это как вариант, раз замки не взломаны. Или же он не запер дверь за женой, и убийца этим воспользовался, но это совсем уж потрясающее везение... Надо, кстати, уточнить, после ее ухода он закрыл за ней дверь, или она ее заперла. Итак, он приводит убийцу в дом, сам открывает дверь, провожает гостя

в гостиную, где получает пулю в голову. Деньги и «цацки» остались на месте, но вот за чем приходил убийца, непонятно. Вдова не обнаружила никакой пропажи, хотя, если это какие-то служебные документы, она могла быть не в курсе. Это говорит, как минимум, о том, что он знал убийцу. Знал, не боялся и не видел повода одеваться в цивильное.

Его убили около одиннадцати вечера, а Бебусенова ушла в девять и не возвращалась, верно? Если она и замешана, то стреляла не сама. К тому же мне нужен железный мотив. Это явно не деньги. О том, что у Бебусенова золотые руки, знает не только наш город, но и вся страна, я слышала, что к нему на операцию просто так фиг запишешься. Он очень хорошо зарабатывал, глядя на квартиру можно понять, сколько в нее вбухано. Даже если Альмира решила прибрать к рукам имущество мужа, она вряд ли выиграла от его смерти больше, чем при жизни. Нет, курицу, что несет золотые яйца, носят на руках, а не бросают в суп. За те деньги, что он получал, она бы вытерпела не то что любовницу, а целый гарем. Плюс дети, которых надо содержать, пока они не выучатся. Нет, если Бебусенова и замешана в смерти мужа, то речь не в деньгах.

— Любовник? — предположил Василий. — Причем любовник, живущий в этом же доме. А что? Живет через стенку, например, муж на работу, он — к бабе в койку. Задурил ей голову, та ошалела от страсти и решила от муженька избавиться чужими руками, то есть, руками любовника. Тот пришел одолжить дрель, шмальнул мужу в голову, вышел и отправился к себе, потому его камеры и не увидели. Действующая камера только на первом этаже, он наверняка об этом знал, или Бебусенова сказала.

— Вариант, — согласилась Тамара. — С тем же успехом это могла быть и любовница, живущая через стенку. Бебусенов обещал жениться, мурзил, она не выдержала, пришла с пистолетом и после ссоры выстрелила ему в голову. И если наши предположения верны, фиг мы что докажем. Но я не верю в эти истории. Ради секса не выставят жену из дома. Зачем он это сделал?

— Знаешь поговорку: мой дом — моя крепость? — задумчиво произнес Василий, заглянул в лежащий перед ним лист бумаги и отмотал видео на несколько минут назад. — Думаю, он боялся. Вот Бебусенов приезжает домой, и гляди, как он двигается.

Тамара посмотрела и сразу поняла, что Вася имеет в виду. Бебусенов озирался по сторонам и от машины к дому почти бежал, так же торопливо влетел в лифт, где все время смотрел на часы.

— Вот через два часа выходит Бебусенова, — продолжал Василий. — Она не торопится, ждет такси еще минуту, спокойно садится и уезжает. Никакой паники. Лица толком не разобрать, но я не вижу перед собой жен-

щину, которая только что застрелила мужа или знает, что его вот-вот застрелят. Бебусенов предпочел встретиться в своем доме, потому что там чувствовал себя в безопасности. И разговор, скорее всего, намечался долгий, потому для встречи не подходил ни рабочий кабинет, ни ресторан, ни парк.

— Я тоже так думаю, — сказала Тамара. — Ждал бы он женщину, в холодильнике бы винишко стояло, цветочки в вазочке, фрукты, шоколад. Там, конечно, все под завязку было, но я не увидела праздничной закуски. А вот то, что могло подойти мужикам — сколько угодно.

— Он собирался звонить каким-то ребятам, — напомнил Василий, — после встречи с бомжеватым мужиком. И тогда же, по словам вдовицы, жутко нервничал.

— Официально не раньше завтрашнего дня будет распечатка, — вздохнула Тамара..

— Мать, ну ты меня прям за дурачка держишь, — рассмеялся Василий. — Я уже позвонил кому надо, и мне все сделали. А уж официально ты сама там подсуетись. Но, знаешь, у меня ощущение, что здесь не все. Он наверняка с городского еще звонил, потому что очень мало за указанный период времени звонков и сообщений. Опять же, неизвестно, какими мессенджерами он пользовался, может, соцсети какие. Но что могли, то расшифровали. Держи! — И движением фокусника Василий вытащил из ящика стола два скрепленных вместе листка.

Тамара схватила их и торопливо пробежалась глазами. Да, звонков действительно немного, несколько номеров были без адресатов.

— Вась, ты прелесть! — заключила она. — Что бы я без тебя делала? Дай я тебя расцелую!

— Да кто ж тебя знает? — меланхолично ответил он и снисходительно согласился. — Ладно, целуй.

Тамара подбежала к нему и крепко обняла, зажмурившись от удовольствия: дело начинало приобретать какую-то ясность. Когда она открыла глаза и бросила взгляд на монитор, то увидела, как в нем на крыльцо дома поднимается высокий блондин со смутно знакомым лицом. Он потыкал на кнопки домофона, но его, кажется, не собирались впускать. Мужчина разочаровано отвернулся, но в этот момент из подъезда вышла девушка с собакой, и, галантно пропустив даму, мужчина проскользнул внутрь.

— Я его где-то видела, — пробормотала Тамара. — Вась, он выходил из дома?

Василий бросил взгляд в свои записи и кивнул, промотал оба файла вперед и включил. Высокий мужчина вошел в лифт, спустился, вышел из дома и сел в такси. Тамара посмотрела на хронометраж. Мужчина пробыл в доме около четверти часа.

— Тринадцать минут, сорок секунд, — задумчиво произнес Василий. — Времени, чтобы убить, вполне бы хватило. Надо узнать, что за тип.

— Я его знаю, — медленно произнесла Тамара. — Это городская легенда, учитель, что спас мальчишку, спрыгнув с моста. И, кажется, именно о нем нам говорила Бебусенова. Только я фамилию забыла, помню, что видела его по телику.

Василий покопался в поисковике и спустя несколько секунд вывел на экран статью в интернет-издании, со страницы которого смотрело улыбающееся лицо почетного гражданина города.

— Если все верно, это Сергей Богаченко.

— Все верно, — усмехнулась Тамара, взглянув в список. — Именно ему звонил Бебусенов где-то за час до собственной кончины. По-моему, с Богаченко надо побеседовать.

— По-моему, тоже, — согласился Василий.

Они бежали от магазина с такой скоростью, которую позволяли им развить непослушные ноги, в голове каждого из пятерки звучала всего одна мысль: «Я убил человека!»

До парка, где они пили текилу, было три остановки, но они пролетели это расстояние в рекордные сроки, обгоняя транспорт, что катился по осенним улицам, наполненным усталыми, возвращающимися с работы людьми. Вбежав в парк, парни устремились подальше, вглубь, и вновь оказались на том же самом месте, где планировали свой налет. Только там они остановились, преодолевая колотье в боку.

— Ой, мамочка! — по-детски воскликнул Володя, прижимая ладони к красным щекам, и повторил: — Ой, мамочка!

Ответом был громкий звук — это Колю тошнило, и он извергал из себя все выпитое и съеденное. Привалившись к стволу клена, Саби медленно сполз на землю, и его раскосые глаза впервые ничем не отличались от глаз друзей, настолько они были выпучены. Сергей будто замерз, и только Слава, кажется, сохранял относительное спокойствие. Его прерывистое дыхание медленно приходило в норму, и когда друзья немного перевели дух, они увидели зажатый в его руке пистолет.

— Никто не ранен? — спросил Слава.

Все начали лихорадочно ощущать себя и неуверенно помотали головами. Когда убедились, что крови ни на ком нет, Сергей спросил, тыча пальцем в пистолет:

— Откуда он у тебя?

— От верблюда! У меня одного мозги на месте. Когда охранник упал, я ствол подобрал. А все ты! — огрызнулся Слава и накинулся на Саби: — Какого хрена ты вообще притащил пистолет?

— Отвянь от него! — зло выкрикнул Сергей. — Это ведь твоя идея была гробануть обменник, а мы, как дураки, поддержали.

— Моя?!

— Твоя, твоя, — подтвердил Коля, икнул, и его снова стошнило.

— Могли бы отказаться, — зашипел Слава. — Во что вы меня втянули?

— Ты сказал, там дед будет на охране, — слабо возразил Саби дрожащим голосом. — Ты сказал, что знаешь это место, там не будет проблем!

Он вдруг зарыдал, размазывая по лицу слезы, и этим стремительно терял очки, заработанные принесенными спиртным и пистолетом. Но Саби больше не боялся, что его исключат из компании. Больше всего он хотел, чтобы этой компании в его жизни никогда не было.

Парни смотрели на него без всяких эмоций, и вроде даже с жалостью, потому что плакать хотелось абсолютно всем. Сергей подошел к Саби, обнял его, и тот уткнулся ему в грудь.

— Распустил слюни! — с отвращением посмотрел на них Слава. — Ладно, если все целы, надо подумать, что делать дальше.

— погоди, — прервал его Володя, — есть еще один важный момент.

— Какой?

— А кто вообще стрелял?

Все испуганно переглянулись, и Коля первым торопливо воскликнул:

— Не я!

— И не я! — сказал Сергей

— Я тоже нет, — всхлипнул Саби.

— Я не стрелял, — заявил Володя, а Слава, оглядев компанию, мрачно завершил:

— Я тоже не стрелял.

— Может, он сам? Мы же боролись, — неуверенно предположил Володя.

Эта версия понравилась всем, потому что никто не хотел признавать себя убийцей. Охранник вполне мог сам надавить на курок в тот момент, когда кто-то развернул ствол пистолета в его сторону. Банальный несчастный случай, почти самоубийство. Однако сомнения оставались, но никто не решался их озвучить. Они еще несколько минут молчали, пока Славка, взмахнув пистолетом в воздухе, не произнес:

— Надо от него избавиться.

— Так выброси, вон, хотя бы в кусты, — предложил Сергей, но Слава презрительно поморщился:

— Чтобы его кто-нибудь нашел?

— И что?

— На нем наши пальцы. Если его в ментуру отнесут, нам капец.

— Нельзя, чтобы оружие нашли, — вмешался в разговор Саби. — Не забывайте, где я его взял. Надо его так спрятать, чтобы никто не мог взять. В реку с моста бросить, например.

— До моста ехать надо, — возразил Слава. — Давайте просто закопаем. Где-нибудь в парке, чтоб далеко не таскаться.

Они отошли буквально на несколько шагов, стали подбирать валяющиеся на жухлой траве палки, потом принялись ковырять ими холодную землю, выгребли руками черные комья и положили в эту неглубокую «могилку» тщательно протертый пистолет. Утрамбовав землю, встали полукругом и молча смотрели вниз, не зная, что еще делать, пока Слава не произнес:

— Мы должны пообещать, что никому об этом не расскажем. Никогда. И никогда не вернемся сюда, иначе засыплемся.

Все дружно кивнули, произнесли слова обещания и покинули парк.

Дома, вытерпев скандал от родителей, возмущенных их поздним возвращением, да еще и в пьяном виде, они будут долго отмываться, а потом так же долго, лежа в постелях, тарашиться в темноту. И четверо из них будут думать, что один из товарищей не сказал правды и наверняка виновен в убийстве. А потом каждый решит нарушить обещание и пойти обратно в парк, чтобы забрать пистолет...

Глава 3. КАТАСТРОФА

В своем кабинете Тамара первым делом включала кофеварку. Начинать утренний допрос под чашечку кофе было куда приятнее, так что вторая чашка предназначалась самому раннему клиенту. На сей раз им оказался тот самый Сергей Богаченко, последний посетитель убиенного Бебусенова. На допрос он пришел вовремя, чем поначалу сразу расположил Тамару к себе, от кофе отказался и уселся напротив, а она, раскладывая протоколы, украдкой оглядывала его.

Лет сорока, блондин, ранние морщины на лбу, глаза какие-то добрые, приятного орехового цвета. Мужчина с обложки, экранный эталон, хоть сейчас в рамочку. Богаченко не показался ей излишне нервным, и это почему-то раздражало. Его глянцевая внешность тоже раздражала. Помариновав его несколько минут, Тамара задала вопрос весьма официальным тоном:

— Сергей Владимирович, вы знаете, для чего я вас вызвала?

Богаченко пожал плечами и произнес с легким беспокойством:

— В следственный комитет не вызывают просто так. Кто-то из моих учеников что-то натворил, и вам нужна характеристика?

— Не совсем так.

— А что тогда?

— Скажите, где вы были седьмого сентября?

Богаченко отпрянул, уставился на Тамару непонимающим взглядом, но потом, словно собравшись, ответил, нахмурившись:

— Это было позавчера?.. Понедельник... На работе с утра, а потом мы с коллегами поехали в ресторан, отмечали.

— Начало учебного года?

— Нет, у нас один сотрудник в лотерею выиграл, ну и... проставлялся. Мы поехали в «Теремок», ели, пили, немного поорали в караоке, а потом разошлись где-то около одиннадцати вечера.

— После ресторана вы сразу поехали домой?

— Да.

— И в котором часу вы приехали?

Сергей достал телефон, поелозил пальцем по приложениям, нашел нужное и открыл. Тамара скосила глаза и увидела, что он входит в приложение такси.

— Где-то в полночь.

— Вы позволите? — попросила Тамара сладким голосом и протянула руку к телефону, но Богаченко, нахмурившись, закрыл приложение, убрал телефон в карман и с внезапной подозрительностью спросил:

— А в чем, собственно, дело?

— Сергей Владимирович, вечером седьмого числа вы заезжали на улицу Кошевого?

— Заезжал. К старому знакомому. Он накануне позвонил и предложил встретиться.

— С какой целью?

— Ну, с какой целью встречаются старые товарищи? Мы выросли вместе, хотели вспомнить старое, выпить, поговорить. Очень давно не виделись, было о чем поговорить.

— И как зовут вашего знакомого?

— Саби, — с досадой ответил Богаченко. — Саби Бебусенов. Отчество не помню.

— И сколько же вы с ним не виделись? — уточнила Тамара.

— Не помню.

— Ну, примерно. Год, два?

— Больше двадцати лет.

— Ого! — удивилась Тамара. — За двадцать лет действительно накопилось много событий, которые можно обсудить. Почему же вы раньше не встретились, вроде бы в одном городе живете?

— Ну, он меня по телевизору увидел, после той истории со спасением мальчика, вы же знаете, наверное? Ну, вот, увидел, нашел мой номер, позвонил и предложил посидеть, пообщаться, а у нас как раз был корпоратив, и я пообещал, что заеду после него. Когда наши стали расходиться, я поехал к Саби, а потом домой.

— И как прошла ваша встреча с ним?

— Никак. Я его не застал. А может, он спать лег и не захотел встречаться. Почему вы спрашиваете про Саби? Что-то случилось?

— Сергей Владимирович, я вас очень прошу сосредоточиться и ответить максимально точно: в котором часу вы были у Бебусенова?

Богаченко не ответил, глядя на Тамару, и она увидела, как этот пышущий здоровьем здоровяк начинает не просто бледнеть, а синеть.

— Саби... убит? — пробормотал Сергей.

— Почему вы так решили?

— Да прекратите вы тут играть со мной в «угадайку»! — вскипел он. — Я в следственном комитете, меня спрашивают, зачем я приезжал к старому другу, и просят вспомнить, во сколько точно уехал. Тут идиот догадается, что случилось нечто страшное! Господи...

— Сергей Владимирович, успокойтесь, пожалуйста. Может, вам воды?

— Идите вы к черту с вашей водой, — зло ответил он. — Саби мертв?

— Да, позавчера Бебусенов был убит. Ответьте, в котором часу вы у него были?

Богаченко помолчал, потом снова вынул телефон и вызвал приложение такси, после чего показал Тамаре экран. Она бросила взгляд и зафиксировала время и адрес: улица Кошевого, 23.13.

— Я приехал минут за десять до этого времени, — сказал Богаченко. — Позвонил в домофон, мне никто не открыл. Потом кто-то вышел, кажется, какая-то девушка с таксой, ну, я проскочил, поднялся на двенадцатый этаж, нашел квартиру, позвонил... Мне не открыли. Я позвонил еще, потом набрал его по номеру, но телефон был выключен. Я потоптался еще немного, еще пару раз позвонил в дверь и ушел. Внизу вызвал такси и уехал.

— Скажите, вам не показалось во время разговора по телефону, что Бебусенов был напуган или встревожен? — спросила Тамара.

— Нет, не показалось.

— Может быть, он упоминал, что чего-то опасается? — попробовала настаивать Тамара, но Богаченко, хмурый и встревоженный, лишь помотал головой. Она вздохнула, посмотрела в протокол и задала очередной вопрос:

— Вам ничего не показалось необычным? Может, вы запомнили каких-то людей, что вам попались на пути? Или какие-нибудь необычные предметы?

Она сознательно подвела его к возможности сказать что-то про оружие, к тому же ей вспомнился мужчина с воздушными шарами и букетом, но Богаченко откровенно скис и снова покачал головой.

— По-моему, я никого не видел. Ну, девушка мне дверь открыла, у нее такса, молодая, наверное... Такса я имею в виду, потому что она такая... худенькая и мелкая. А девушку я не разглядел, она была в кофте с капюшоном, тоже довольно маленького роста. Я смотрел на нее сверху вниз. В доме мне никто не попался, ни в лифте, ни на этаже...

Его реакции были совершенно естественными для человека, действительно шокированного убийством старого друга, но Тамара не могла отделаться от мысли, что в его истории есть некое двойное дно. Для проформы, уже решив дать Богаченко подписать протокол, она спросила:

— Вы не знаете, кто бы мог желать Бебусенову зла?

И вот тут он дернулся настолько, что даже ребенок сообразил бы, что Богаченко что-то скрывает, тем не менее, он упрямо процедил:

— Понятия не имею. Не знаю.

Убийство Саби, а затем последующий допрос, проведенный этой красивой женщиной с хищным лицом, выбили Сергея из привычной колеи. Не выдержав, он вошел в поиск Гугла и стал искать адрес предпринимателя Вершинина. Найдя контакты его конторы, он набрал номер и долго пробивал защиту секретарши Владимира, не желающей соединять его с шефом, и, сдавшись, оставил свой номер, попросив перезвонить и добавив, что это срочно.

В течение дня Вершинин так и не позвонил, и только вечером телефон ожил. Номер был незнакомым.

— Серега? — прогрохотал в трубке смутно знакомый голос. — Это Владимир. Але! Серый, это ты или нет?

— Господи, да я, конечно, кто еще. Думал, уже не позвонишь. Привет! — воскликнул Сергей, прижав трубку к уху.

— Какие проблемы, Серый? Триста лет тебя не слышал. Случилось чего?

— Саби убили, — тихо произнес Сергей.

— Да знаю уже. Менты звонили. Поговорить бы надо, Серый. Давай ты куда-нибудь подъедешь?

— Давай. А... ты не знаешь, где Колян?

— Не-а. Давно его из виду потерял, да и вообще всех. Закрутился, то да се...

Это была ложь. Вершинин, так же, как и все остальные, сознательно дистанцировался от своих невольных подельников, не желая связывать себя убийством, но Сергей без слов принял его отговорку.

— Где увидимся? И когда? — торопливо спросил он.

— У-у-у, — загудел Вершинин, — дай соображу. Так, у меня еще одна встреча должна быть, так что где-то через час-полтора... Давай в кабаке на Красном? Там такая чудная таверна есть, тишь да гладь, а у нас разговор серьезный будет. Давай в семь, таверна «Медвежий угол», знаешь?

— Не знаю, но найду.

— Там метро рядом. А я к семи подъеду. Давай, держи хвост пистолетом... — и Вершинин отключился.

На Красном проспекте всегда толчея, а у метро людей особенно много. Около пяти километров Сергей пролетел в рекордные сроки, не замечая, что ускоряет шаг с каждой минутой.. Вытерев пот со лба, он огляделся по сторонам, пока глаза не наткнулись на вывеску «Медвежьего угла». Одернув пиджак, Сергей потянул на себя тяжелую дверь.

Внутри помещение оказалось стилизовано под охотничий домик: много дерева, муляжи ружей, сабель, головы медведей, от которых за версту несло плюшем и пластиком, и много фотографий природы. Сергей удачно устроился у окна, поближе к дверям, чтобы не пропустить приход давнего приятеля, и заметил его, когда тот выходил из большущего «ренджровера».

Оглядевшись по сторонам, Вершинин торопливо вошел в таверну и, поймав приветственный жест Сергея, направился к нему, дав возможность разглядеть себя. Сергей невольно улыбнулся. Флегматичный толстяк-добряк, черноглазый, щекастый мальчишка из детства заматерел, превратившись в толстого мужчину, с заметной плешью, обвисшими щеками, но выражение лица осталось прежним, как и улыбка, сияющая и дружелюбная. С самого детства Володька был всеобщим любимчиком, потому что не верить ему было невозможно. Вот и сейчас от его внезапно вспыхнувшей улыбки Сергею стало как-то легче, а ледяное воспоминание об убийстве скукожилось и отодвинулось куда-то за спину.

— Здорово! — поприветствовал Вершинин и сразу полез обниматься, стиснув спину Сергея так, что хрустнули позвонки. — Мы сколько не виделись? Года четыре, и то как-то все мельком, бегом, в полете... А ты ничего, держишься огурцом, даже не жирный и не лысый... Заказал уже что-нибудь?

— Ничего я еще не заказывал. Что у них тут едят?

— Да все едят, здесь все вкусно, давай я выберу.

Володя поманил пальцем официантку и помотал головой на предложенное меню:

— Деточка, нам шашлычок, греческих два, суп... Суп будешь крабовый?

— Не буду.

— Тогда суп один. И мясную тарелочку...

Не будь причиной их встречи убийство, этот ужин можно было посчитать приятным, во всяком случае, первые четверть часа оба вполне друг другом были довольны, и, пока пили пиво, ожидая горячее, беседа не вытекала за пределы общепринятых тем: жена, дети, работа.

Вершинин не выдержал первым, залпом допил свое пиво и хмуро спросил:

— Когда ты узнал?

— Вчера, — ответил Сергей. — Ходил на допрос в следственный комитет. Пообщался со следаком.

— Толковый мужик? Что говорит?

— Не мужик. Баба. Молодая, лет тридцать пять, но смотрит, как волчица. Самое поганое, что убили Саби примерно в то время, когда я к нему ходил.

— А ты к нему ходил? — удивился Вершинин.

— Он позвонил накануне и попросил о встрече. Кажется, наша давняя история внезапно дала о себе знать. К нему Слава приходил и пытался на «бабки» развести. Ко мне тоже приходил. Явился прямо на линейку, первого сентября, скандал устроил.

— Первого? — нахмурился Владимир.

— Да. А что?

— У меня он был в августе, в самом начале. Я, честно говоря, даже обрадовался, все-таки друг детства, пусть и выглядит как бомжара. Даже предложил куда-нибудь пристроить, но он не хотел работать, он денег хотел.

— А ты?

— Послал. И сейчас думаю: зря. Надо было дать, может, отделался бы малой кровью.

— Что-то было не так? — почувствовав неладное, спросил Сергей.

Вершинин скривился и неохотно признался:

— Я с ним в кабинете встретился. А у меня там договора, фирмы «левые», я же помимо своего легального бизнеса еще и бабло кручу, а для этого нужно суесться и не палиться, сам понимаешь. Я пока за бухлом отвернулся, он у меня договора тиснул, а уже потом начал канючить: дай денег, дай денег. А когда я его послал, Славка пригрозил, что я еще пожалею. Я посмеялся. Только зря, как оказалось. Ну а где-то через пару дней у меня проблемы начались. Стали очень серьезные люди звонить и права качать.

— На тему?

— Серег, ну не могу я еще и тебе это рассказывать, ты меня пойми, — сморщился Вершинин. — Это же, как бы, не совсем легальная деятельность. А мне нельзя в ней оказаться, я же в мэры собираюсь, лишний компромат меня утопит, и без того конкурент, зараза, сильный попался, его

там коалиция поддерживает во главе с опальными революционерами... И тут бац — и вскрыта серая денежная схема. И я в ней по самые уши. Я даже сразу не сообразил, что случилось. Ну, как алкаш запойный мог сообразить, к кому обратиться? Это же фантастика какая-то! До меня только потом дошло, как это сработало, там же реквизиты были, со всеми контактами, а Гугл и Яндекс прекрасно работают даже у алкашей. Достаточно позвонить и спросить: не потеряли ли они документики вот такого содержания? Готовы, мол, вернуть за вознаграждение. До меня когда доперло, я Славе позвонить хотел, но откуда у бомжа телефон? А потом он сам позвонил и предложил встретиться и обменять документы на бабло.

— А ты?

— А я с ребятами на стрелку поехал, хотел его к стенке прижать, только он, падла, хитрый оказался! Видать, засек нас и не вышел. Искал я его, конечно, но где ж его найдешь, если по адресу там притон какой-то, и он в притоне не появляется.

— А он... — начал Сергей и закашлялся, — он не вспоминал ту историю?

— С нее и начал, но у меня на столе был более лакомый кусок, — пожаловался Владимир. — К тебе Слава с чем пришел?

Сергей рассказал подробности встречи. Вершинин слушал, мрачней с каждой минутой.

— Три из трех, — хмуро сказал он. — Он всех шантажировал. Тебя, меня и Саби. Скорее всего, Колю тоже, если нашел, а мне почему-то кажется, что нашел. Он какой-то очень пронырливый. Хотя почему меня это удивляет, он всегда был таким. И соображал, где можно пожить. Видать, это семейное. Не помнишь, у него вроде брат сидел за разбой? Или отец?

Сергей не помнил. Поковырявшись в своей тарелке, он задал вопрос:

— Чем нам вся эта история может грозить?

— По сути, ничем, — пожал плечами Владимир. — Я могу спихнуть все на бредни старого алкаша или на происки конкурентов, которые хотят утопить меня перед выборами. Ты этой бабе из следственного комитета что рассказал?

— Ничего. Они знали, что я там был, так что отпираться оказалось бессмысленно. Но я даже в квартиру не входил. Думаешь, к Саби приходил Слава? И убил его он же?

— Саби и мне звонил, только я не смог приехать, — вздохнул Владимир. — Может, если бы мы все там встретились, ничего и не произошло бы. Как его убили, кстати?

— Не знаю. Эта... как ее... Царева не сказала. А я не спрашивал.

— Единственное, что связывает нас с тем делом, — решительно заявил Владимир, — это пистолет. Я, честно говоря, не знаю, могут ли сохранить-

ся отпечатки пальцев на стволе за такой период, учитывая, что он в земле пролежал двадцать лет и наверняка весь проржавел, но я бы его откопал и выкинул в реку. Просто на всякий случай.

— Не получится, — мрачно изрек Сергей.

— Почему?

— Потому что кто-то откопал пистолет уже на следующий день, — ответил Сергей.

Капитан Василий Татаринов вряд ли признался бы кому-либо о своей сердечной привязанности к следователю Тамаре Царевой, и, прежде всего, ей самой. В следственный комитет он ехал, как на свидание, прихватив с собой то, без чего Царева не могла обойтись и то, чему бы точно порадовалась: пачку кофе и пакет с заварными пирожными. По телефону Тамара показала ему какой-то нервной, и ему очень хотелось узнать, что она там нарыла.

Когда он вошел, от лихорадочного волнения Царевой не осталось ни следа. Напротив, она выглядела удрученной, почти мрачной и разглядывала какие-то бумаги. Увидев Татаринова, и получив от него мзду, Тамара быстро затолкала Василия в кресло, сбегала за водой и, вернувшись, заперла кабинет изнутри. Долив кофеварку и засыпав внутрь кофе, уселась напротив и скривилась.

— Чего? — насторожился Василий.

— Даже не знаю, — протянула она. — Наверное, я тебя не обрадую, но по делу Бебусенова копать надо глубже. Увы и ах, Вась. История, похоже, тянется еще с горбачевских времен.

— Он сопляком был в горбачевские времена, если вообще родился, — недовольно ответил Василий. Мысль, что история может быть старой, ему не понравилась.

— Родился, Вась. Хотя ты прав, в это время он был сопляком... В общем, я получила отчет баллистиков. Ствол, из которого застрелили Бебусенова, криминальный. По нему аж три эпизода.

— Ого!

— Ого, Вась. Только я не знаю, куда их прицепить и как по ним копать. Все, кто по этим делам работали, уже на пенсии, и я сильно сомневаюсь, что они хоть что-то вспомнят. Придется по родным и близким ездить, архивы рыть.

— А дела — «глухари»?

— Еще какие, — вздохнула Тамара. — Ни одно не раскрыто. Первое — девяносто седьмой год. На центральном рынке застрелили хозяина нескольких торговых точек по продаже турецкого барахла Ибрагима Текуе-

ва. Тогда, судя по скудным данным, был передел территории, и Текуев не захотел делиться. Через полгода был застрелен еще один друг Текуева, проходивший по делу свидетелем, некий Тимур Гагацев. Оба состояли в одной преступной группировке, барахло было лишь прикрытием, на деле оба торговали наркотой: гашиш, анаша, героин. Потом год затишья, а затем в магазине был убит охранник Егор Иванов. Никаких связей с криминалом. Судя по показаниям свидетелей, охранник попытался предотвратить ограбление, но все были так напуганы, что никого толком не разглядели. Продавщица уверяла, что это была какая-то гопота, молодежь. Ввалились толпой и начали пальбу. И вот проходит двадцать лет, и пистолет начинает стрелять.

Кофеварка забурлила и начала плеваться паром. Тамара выключила ее, налила кофе в две гигантские кружки и подвинула одну Василию. Он развязал пакет с пирожными, облизал пальцы, сделал осторожный глоток и спросил:

— Я так понимаю, что Текуева и Гацаева ты оставишь мне?

— Ну а кому, Вась? Запросы я отправила, может, что и выйдет. Может, там какие родственники остались, или сидит кто, попробуем копнуть, нет ли связей с Бебусеновым, но я в этом сильно сомневаюсь.

— А Иванов?

— Там вдова осталась и сын. Вряд ли они что-то знают, но я с ними побеседую, если найду — они по месту жительства давно не живут. А Ивановых как собак нерезаных, так что поиск время займет.

— Сама-то что думаешь? Какая тебе версия в голову приходит?

— Да никакая не приходит, — раздосадовано ответила Тамара. — Если вернуться к Текуеву с Гацаевым, то все понятно, времена лихие, конец девяностых, если тогда не раскрыли по горячим следам, вряд ли сейчас что-то раскопаем. Но все можно спихнуть на бандитские разборки. Иванов мог стать случайной жертвой, с него нечего было взять. Я бы на месте следователя, конечно, порылась в его прошлом. Но потом, двадцать лет спустя, убивают пластического хирурга, одного из самых известных в городе. И из ствола, «засветившегося» на криминале девяностых.

— Ты не предполагаешь, что Бебусенов сделал кому-то операцию, и этот кто-то очень не хотел, чтоб его узнали? — осторожно предположил Василий. — Кому-то, кто был связан с этими типами из девяностых?

— Не знаю, Вась, — уныло сказала Тамара. — Надо в клинику ехать. Если ты прав, это, конечно, очень красивая версия. Тогда Богаченко в этой истории — случайный свидетель, его можно отместить. Но он мне врет, я нутром чую. Богаченко явно знает больше, чем говорит...

— Да, кстати, — перебил ее Василий, — забыл тебе сказать... Ребята по дому Бебусенова прошли и кое-что обнаружили на верхнем этаже. Угадай, что?

Тамара молча пожала плечами.

— Шарики. Три штуки. Такие же, как те, с какими в дом вошел неизвестный мужик. Ребята обошли квартиры, никто так и не признался в торжестве, но им не во всех квартирах открыли. Может, где и отмечали, но мы об этом не узнаем.

— Там же в связке больше трех шариков было.

— Да, но эти, может, улетели, или дети прихватили. А еще на лестнице, на два этажа выше квартиры Бебусенова нашли несколько увядших лепестков от цветов, что-то типа хризантем.

— На лестнице? — задумчиво произнесла Тамара. — А почему на лестнице? Что же он на девятый этаж по лестнице шел?

Василий выразительно пожал плечами, но ничего не ответил. Тут в дверь кабинета кто-то требовательно постучал. Тамара неохотно поднялась, открыла ее и инстинктивно отшатнулась. Василий увидел, как посерело ее лицо, но Тамара быстро взяла себя в руки. В кабинет вошел Геннадий Царев, бывший муж Тамары, лоснящийся довольством, уверенный в себе.

— Привет, — ласково проговорил он, — запираетесь?

— У нас совещание, — быстро ответил Василий и протянул руку: — Здорово, Ген!

— Царев, ты зачем пришел? — недовольно спросила Тамара.

— Поговорить. Я теперь не знаю, где тебя ловить, дома ты не появляешься...

— Если ты имеешь в виду свой дом, я оттуда давным-давно съехала.

— Я, пожалуй, пойду, — сконфузился Василий и, направляясь к двери, добавил: — Беру на себя Текуева и Гагацева. Как что узнаю, отзвонюсь.

Тамара не ответила, видимо, готовясь к неприятному разговору. Выражение лица было такое, будто она готовилась прыгнуть со скалы. Кляня себя последними словами за трусость, Василий вышел, прикрыв за собой дверь и оставляя ее на растерзание крокодилу с томной улыбкой Дон Жуана.

Едва Василий вышел, как Геннадий уселся на его место, с сожалением поглядел в пустую кружку, вытащил пирожное из пакета и отправил в рот.

— Кофеечку мужу не нальешь? — спросил он.

— Бывшему, — уточнила Тамара, убирая чашку и пирожное.

— Ну, официально мы еще муж и жена.

— Это ненадолго, — злорадно пообещала Тамара. — Зачем пришел, Царев?

— Я что, не могу просто так зайти? Поговорить, например? Узнать, как ты?

— Не можешь. Мы обо всем уже поговорили. Так что будь любезен, закрой дверь с той стороны, я очень занята.

— Да вижу, вижу, как ты занята, — лениво произнес Геннадий, но в его голосе вновь прозвучала скрытая угроза, что не была принята всерьез много лет назад, после которой в ход пошли кулаки. Тамара сразу же напряглась и метнула взгляд в сторону сейфа. Табельного пистолета там не было, она лично сдала его в оружейную еще два месяца назад и сейчас лихорадочно соображала, чем сможет защититься в случае нападения. Геннадий заметил ее панику и криво усмехнулся:

— Хорошо ты устроилась, Тома. Закопалась, смотрю, в работе по самые уши. И дружочек сердечный под боком, чаек-кофеек, пироженки... Быстро ты утешилась, Том.

— Царев, иди отсюда, — устало произнесла Тамара. — Тебя не должно волновать, как я работаю и с кем пью чаек и кофеек. Мы с тобой давно разошлись в разные стороны.

— Ну, это ты так думаешь, — холодно сказал Геннадий. — Я лично не собираюсь давать тебе развод.

— Да иди ты к черту! — сорвалась Тамара. — И никогда больше не появляйся в моей жизни!

Оба тяжело дышали. Воздух был настолько наэлектризован, что малейшая искра разметала бы здание к дьяволу, но затем Геннадий сдался и с принужденной ухмылкой уселся обратно, хотя по его перекошенному лицу было ясно, что он просто отступил, готовясь атаковать в неожиданный момент. Скосив взгляд на папки, лежащие на столе, он подцепил одну за уголок, потянул к себе и с плохо дававшейся ему безмятежностью спросил:

— Над чем работаешь?

— Не твое дело.

— Да, дело твое. Но я и так скажу. Это убийство Бебусенова. Весь город судачит, тебя даже в новостях упоминали. Хочешь добрый совет? Не знаю, насколько тебе это поможет, но некоторое время назад у Бебусенова была серьезная проблема. Одна из его пациенток умерла на операционном столе. Дело быстро замяли, свели к индивидуальной непереносимости препарата, но на самом деле имела место врачебная ошибка. Бебусенов оперировал в невменяемом состоянии.

— Пьян был? — против воли поинтересовалась Тамара.

— Не совсем. Под коксом. Он же мусульманин, пить не пьет, а против кокаина Аллах, видимо, ничего против не имел. После той операции мог разразиться жуткий скандал, потому что пациентка была какой-то непростой. Но и терять такого специалиста было бы непростительно. Поговаривают, что видео операции куда-то уплыло, и у кого-то оно есть.

— Видео бы доказало врачебную ошибку?

— Возможно, я его не видел. Но помимо видео был еще один протокольчик. Бебусенова тогда задержали, и он был обгашен. Знаешь, чьи ребята его задержали?

— Судя по твоей довольной физиономии — твои, — предположила Тамара.

— Я тогда не дежурил, но историю слышал, — усмехнулся Геннадий. — В общем, задержали его, отвезли в медкабинет, но экспертизу даже сделать не успели, как ребятам позвонили и велели выпустить доктора, а бумажки выкинуть. Сразу после этого Бебусенов поехал на операцию, где зарезал пациентку. Выплыви эта история, он бы точно сел, ну, или практики лишился.

— Вот тебе и «Доктор Золотые Руки», — протянула Тамара. — И когда это случилось?

— В начале августа. Месяц назад. Так что я бы на твоём месте поискал семью этой умершей бабы и видео. Ну что, я тебе помог? Что надо сказать?

— Спасибо тебе, Царев, — вполне искренне ответила Тамара.

— Пожалуйста.

— Только не думай, что это что-то меняет, — торопливо добавила она. Геннадий встал, подошел к двери и, уже открыв ее, с усмешкой произнес:

— Посмотрим.

— Посмотрим, — эхом повторила Тамара.

Смерть Саби и то, что его так быстро вызвала на допрос красивая женщина с надменным лицом греческой богини, заставляло Сергея нервничать. Вершинин, обещая найти Николая, не подавал вестей. Слава тоже не объявлялся, но его исчезновение Сергей считал дурным знаком, предвещающим беду. По телефону голос Саби звучал как-то испуганно, и Сергей был убежден, что Славка умудрился каким-то чудным образом докопаться до некоего грязного секрета школьного товарища, как докопался до тайны Вершинина, украв документы. Единственное, что Славка мог предъявить Сергею, была та, еще детская история, но сама мысль, что его привычный мир будет разрушен откровениями спившегося Попова, приводила Сергея в ужас.

Когда уроки в школе закончились, он мрачно поплелся домой, в который раз проигнорировав метро и его вечернюю толчею. Проигнорировал и быстро пожалел об этом. Погода начинала портиться, судя по прогнозам, лето окончательно отступило. В пиджаке было прохладно. Сергей поежился и прибавил скорости...

В тот вечер тоже было холодно. Даже холоднее.

Как ни старался он изгнать это навязчивое воспоминание, приглушенное годами, вытарашенные глаза мужчины, получившего пулю, не выходи-

ли у него из головы. Отчаявшись, Сергей решил вспомнить все. И главное, самое главное — кто спустил курок. В потасовке принимали участие все. И все, кроме Саби, были пьяны. Если и был хоть один внятный свидетель произошедшего, то сейчас он сам лежит на узком столе в морге, с биркой на большом пальце. Саби, от которого он отвернулся дважды, уже ничего не скажет, и его лицо будет таким же немым укором. Как ни мучился Сергей, он никак не мог вспомнить, кто же все-таки спустил курок, и есть ли гарантия, что это сделал... не он. А если он, то что делать?

Прошагав три остановки, он окончательно замерз и оставшийся путь проделал на маршрутке, втиснувшись в переполненный салон, где изможденные работой и дорогой люди впадали в зыбкое оцепенение. Две остановки показались ему вечностью. Выйдя, Сергей торопливо свернул в арку, успев подумать, что, возможно, домой нужно купить что-то из еды, и уже потянулся за телефоном, чтобы набрать жену, как вдруг увидел ее у подъезда в компании какого-то мужчины. Мужчина показался ему смутно знакомым, и, подойдя ближе, он с удивлением узнал в нем Виктора, школьного физрука. Сергей двинулся в их сторону, и тут заметил быстрый жест, совершенно невозможный в его устоявшейся жизни. Даша свободной от сумки рукой вдруг провела по запястью Виктора, и тот расплылся в довольной улыбке.

Увидев мужа, Даша быстро убрала руку от запястья Виктора, но сделала это так, словно хотела, чтобы Сергей это заметил. Виктор тоже увидел Сергея, его взгляд заметался, но он тут же сумел взять себя в руки и, сделав широкий жест, воскликнул:

— О, Серега, зацени! Как тебе тачка?

Только сейчас Сергей понял, что золотистая «тойота ярис» у подъезда не чья-нибудь, а его коллеги, начавшего кутить в полную силу.

— По-моему, крутая, — сдержанно ответил он. — Ты уже получил свой выигрыш?

— Не, что ты, его только через месяц отдадут, и то не сразу, пока экспертиза, то да се, — отмахнулся Виктор и любовно провел рукой по дверце. — Взял в рассрочку. Машина — зверь! Я прямо из салона сюда, похвастать захотел перед другом. Заехал, а тебя еще нет... А тут Дарья...

— Хороша тачка, обмыть бы надо. Может, зайдешь? — предложил Сергей.

— Да не... — стушевался Виктор и облизал губы. — Обмоем, ясное дело, но сейчас не могу, я же за рулем, не хватало еще в первый день без прав остаться. Как только определюсь с датой обмытия, сообщу. До свидания, Дашунь, был рад повидать, а сейчас побегу.

— Пока, Витя, — ответила Даша и помахала рукой.

Дождавшись, когда Виктор сядет в машину и отъедет, Сергей повернулся к жене:

— Пока, Витя? С каких пор он Витя?

— Ой, не начинай, — раздраженно произнесла Даша. — Было бы из-за чего. Отелло еще тут будешь мне разыгрывать. Пошли есть, я устала, с ног валяюсь. Хорошо, что Виктор подвез.

— Я думал, вы у подъезда встретились, а он, оказывается, тебя подвозил?

— Ну, подвез, что тут такого? Я на остановке стояла, а он ехал мимо...

— Даш, что происходит?

Она не ответила и вошла в подъезд первой, надавила кнопку лифта и стала раздраженно выбивать дробь носком туфли. Сергей встал рядом, взял ее за локоть и повторил:

— Даш, что происходит?

— Ты прямо здесь и прямо сейчас хочешь все выяснить? — зло спросила она и выдернула руку.

В квартиру они вошли молча, толкаясь спинами в тесной прихожей. Разувааясь, Сергей споткнулся о чужие кроссовки и прислушался. Из кухни доносились голоса и негромкая музыка.

Алена была не одна. За столом, обложившись телефонами, чайными чашками, печеньем и конфетами сидела ее подружка Таня. Алена скорчила непонятную гримасу и закатила глаза вверх, показывая, как не вовремя пришли предки, а Таня улыбнулась.

— Здравсьте, Сергей Владимирович!

— Здравствуй, Таня. Поужинаешь с нами?

— Мы уже поели, — буркнула Алена. Таня стрельнула глазами и улыбнулась:

— Я вполне сыта, но спасибо.

— Мы на улицу, — скомандовала Алена и встала. — Тань, пошли!

Подружка тоже поднялась. Проходя мимо Сергея, она неловко качнулась и на миг прижалась к нему грудью, задержавшись на секунду дольше, чем это было бы прилично, и прошептала:

— Простите.

— Не упади, — тихо сказал Сергей.

Маруся Рязанова не хотела опаздывать, но на Большевичке — так горожане называли улицу Большевистскую, угодила в трехкилометровую пробку, и в который раз зареклась выезжать в час пик общественным транспортом. Проще было сесть в электричку, проще и быстрее, но от станции надо было топтать пешком два километра, и она решила поберечь каблук, тем более туфли были новыми, не разношенными. Маршрутка уже подползала к Речному вокзалу, нужно было проехать всего две остановки, когда ее телефон затрясся в припадке. Сидя у окна и прижатая жирным мужчи-

ком к стеклу, Маруся умудрилась вытащить телефон из сумки и торопливо бросила взгляд на экран. Вызывал редактор, Леша Пухарев, которого и в глаза, и за глаза называли Пусей.

— Рязанова, ноги в руки, и к ментам на прессуху, — скомандовал он.

— Что за срочность? Вчера же еще ничего вроде не было.

— Вчера не было, а сейчас вот срочно, все горит. Поймали педофила, спешная пресс-конференция. Новости уже в соцсетях, не выдадим в эфир, профукаем сюжет. Девушка выложила пост, рассказав, как ее домогались. Менты срочно собирают СМИ, надо, чтобы поехала именно ты. До начала двадцать минут.

— Пусь, я только к Речному подъезжаю. Может, кто другой сходит, если так срочно? — робко предложила Маруся.

— Выходи на Речном, Виталька тебя подберет, он уже выехал, я сейчас ему скажу. Важно, чтобы именно ты поехала. Там твой старый знакомый.

— Кто? — спросила Маруся, но ответа редактора не услышала, поскольку маршрутка, умудрившись проскользнуть между фурой и автобусом, ужом ввинтилась в транспортный поток и остановилась у речного вокзала. Бросив панический взгляд в окно, Маруся поднялась и стала выбираться из машины. Тут снова зазвонил телефон, на этот раз на экране высветилось Виталькино фото, и она раздраженно спросила:

— Где ты?

— Башку направо поверни, балда, — недовольно ответил Виталька. — Вон я, машу тебе рукой.

Маруся бросилась к нему, втиснулась в узкое пространство его крохотной «тойоты», и верный оператор рванул с места так, что сразу несколько машин рявкнули гудками ему вслед.

— Что снимаем хоть? — озабоченно спросила Маруся, развернув на себя зеркало заднего вида и оценив макияж. — Пусь чего-то бухтел в трубку, но в маршрутке бабки позади обсуждали пенсии, я ничего не услышала, поняла только, что на месте обязательно должна быть именно я.

— Маш, я не знаю, — ответил Виталька. — Приедем, все скажут.

— А мы успеваем?

— Успеваем впритык. Как подъедем, хватай штатив и беги наверх. Пропуск, кстати, на меня тоже выпиши, вот, держи паспорт...

Маруся не стала дожидаться, пока Виталька припаркуется. Он высадил ее у дверей, она забрала штатив и побежала к дверям. Предупредив дежурного насчет оператора и оставив его паспорт и пропуск, Маруся понеслась в конференц-зал.

«Козырные» места в самом начале, что традиционно оставляли для тележурналистов, оказались заняты, и потому, выставив штатив вперед,

Маруся пристроилась в очень неудобном месте, у прохода, где стоял оператор с конкурирующего канала со своей камерой, перегораживая ей обзор, а Виталька вбежал в зал за минуту до начала брифинга. Пресс-секретарь ведомства, Галина Антонова, откашлявшись, выступила вперед и начала:

— Добрый день, уважаемые журналисты. Сегодняшний наш брифинг мы посвятили внеплановой проверке, которая началась сотрудинками Октябрьского РОВД в отношении сорокалетнего преподавателя одной из школ. В социальных сетях появился рассказ старшеклассницы, уверяющей, что педагог ее домогался, а однажды заманил в кабинет под предлогом помощи и надругался, сделав несколько интимных фото. После проведенной проверки в компьютере учителя были обнаружены компрометирующие его снимки. Сотрудинками РОВД был изъят жесткий диск домашнего компьютера данного мужчины, на котором были обнаружены несколько сотен порнографических видеофайлов, на которых, вероятно, присутствовали несовершеннолетние. В настоящее время мужчина допрошен и отпущен под подписку о невыезде. Расследование продолжается. В настоящее время мы не можем разглашать подробности дела, но как только детали станут известны, мы сообщим. А теперь вопросы...

— Что ему грозит? — крикнул кто-то с первого ряда.

— На этот вопрос ответит руководитель отдела по борьбе с организованной преступностью, подполковник Иван Андреевич Сухоруков, — быстро ответила Антонова. — Пожалуйста, Иван Андреевич.

Сухорукова Маруся знала, приходилось уже снимать неоднократно, тот всегда давал развернутые комментарии, но на сей раз Сухоруков ее разочаровал.

— Вину подозреваемого еще придется доказать, а потерпевшей пройти ряд экспертиз. Данное преступление, если оно имело место быть, состоялось в отношении несовершеннолетней, и потому закон требует от нас определенной деликатности. Пока же мы можем лишь подтвердить, что фото потерпевшей были найдены в компьютере подозреваемого...

— Господи, что за тайны Мадридского двора?! — громко выкрикнула журналистка Виктория Костюкевич. — Всем уже все известно. Девушку зовут Татьяна, а педагога — Сергей Богаченко, городская легенда. Все уже в Интернете, а вы тут сидите с постным лицом и рассказываете о конфиденциальности. Эта Татьяна сама все слила в Сеть, с трогательным рассказом о неземной любви к красавцу-учителю, который воспользовался ее наивностью. Иван Андреевич, у меня к вам один вопрос: а был ли мальчик? В смысле — девочка?

— Не понял, — нахмурился Сухоруков.

А Маруся начала спешно гуглить информацию в интернете и буквально в два клика вышла на грязную историю изнасилования, рассказанную в соцсетях. Там действительно было все, включая профайл девицы и фото Богаченко, то самое, в плавках на пляже, и сотни, сотни комментариев. Неудивительно, что редактор отправил на брифинг именно Марусю.

— Я не собираюсь оправдывать Богаченко, — жеманно продолжила Костюкевич, — но выглядит эта история сомнительно. Конечно, почетный гражданин города может быть даже маньяком-убийцей, но, судя по профилю этой девушки, там негде пробы ставить.. Нет ли здесь варианта оговора?

— Мы рассматриваем все варианты, — уклончиво ответил Сухоруков, но тут Маруся подхватила эстафету и поднялась:

— Скажите, а как вы обнаружили эти фото? После изъятия его домашнего компьютера?

— Именно так.

— Богаченко живет с женой и дочерью. И он просто так хранил эти фото дома? — не унималась Маруся. Костюкевич обернулась и поглядела на нее с интересом.

— Да, фото были в его домашнем компьютере, — нахмурился Сухоруков.

— И как долго вашим специалистам пришлось взламывать папки с порно? — не отставала Маруся.

— Руководство ГУВД не могло оставить без внимания этот вопиющий случай, и потому расследование было начато в кратчайшие сроки. На этот и другие вопросы ответят наши специалисты по окончании следствия, — вмешалась Антонова, заметив гневный жест Сухорукова, — а мы заканчиваем.

Она отмела все протестующие возгласы, а Сухоруков, собрав папочку с бумагами, спешно ретировался. Маруся кинулась, было, за ним, но подполковника и след простыл.

На улице, когда она со штативом ждала, пока Виталька не подгонит машину, к ней подошла Виктория, встала рядом и, видимо, тоже ожидая, когда подадут машину, сквозь зубы процедила:

— Странно все это.

— Что? — вскинулась Маруся. — Что герой оказался педофилом?

— Ну, и это тоже, хотя мужики в принципе сволочи, так что тут я ничего удивительного не вижу. Странно, что нас собирали в такой спешке по пискульке в соцсетях от какой-то девчонки, при этом от нее или родителей нет даже заявления. История, если она, конечно, правдива, огонь, но я бы поостереглась давать ее в таком виде.

— Почему?

— Ты же была дома у Богаченко? И я была. Он похож на насильника? Жена — красотка, работает в бабском коллективе, чего ему еще надо? На молодое тело запал? Ну, я ничему не удивлюсь, все возможно, но ты задала правильный вопрос: почему он все видео в компе дома хранил? Не на флэшке, не в скрытой папке в Интернете, не в телефоне, в компе, Маш! Кто сейчас так делает? На подставу какую-то похоже. И сразу прессу собрали, чтобы его растерзали.

— А смысл? — удивилась Маруся. — Он — не олигарх, не мент, не мэр. Он учитель, никто. Кому надо его подставлять?

— Не знаю, — устало пожала плечами Костюкевич, — но это какой-то детский прикол. Не удивлюсь, если автором истории стала как раз та самая изнасилованная девчонка. Сама посуди, сколько таких девочек пишет про секс с учителем, и ничего, а тут — бац — и сразу уголовное дело возбудили. А если она пошутила? Или... не знаю... писала эротический рассказ, а мы его не так поняли? Я ведь с Антоновой поговорила до брифинга, и знаешь, она как-то... заюлила. Мы привыкли принимать как правду то, что нам преподносят на брифингах, но недавно я обожглась, когда нам слили информацию о якобы взятках и рэкрете, а оказалось, что людей надо было просто замазать. После я стала очень избирательно подходить к их информации.

— Зачем ты мне об этом рассказала? — в лоб спросила Маруся.

— А нравишься ты мне. Приходи в мою программу работать.

— Вика, про тебя же говорят, что ты всех сжираешь, — усмехнулась Маруся. — Меня и на моем канале неплохо кормят.

— Ой, наговаривают все вечно на бедную девушку, — хохотнула Костюкевич, а потом вдруг добавила совершенно серьезно: — Но ты подумай. Мне вот так нужны толковые журналисты. Работать совершенно некому, вокруг одни недоучки и бездари. Я Никитку Шмелева звала, так он в пресс-службу алмазного холдинга ушел, продался за чеканную монету. Больше скажу, я даже опустилась до того, чтобы пригласить поработать Быстрову, а она сейчас сериалы строчит, так представляешь, куда она меня послала?

Маруся представляла. Два мощных журналиста города, творческий тандем Никиты Шмелева и Юлии Быстровой, зубров журналистики, специалистов по расследованиям, что распутывали самые громкие дела, как-то резко пропали с горизонта, отдаленно вращаясь на журналистских орбитах. Два сбитых летчика, два сгоревших астероида, вовремя спрыгнувшие с журналистики, превратившейся в блоггерство. Когда-то она хотела быть на них похожей...

После этих слов и действительно странного, скомканного брифинга Маруся почувствовала, что ее мозг превращается в ком осклизлой каши, обрывки мыслей запрыгали друг за другом, сплетаясь в один лохматый клубок. Вспомнив, как выглядел Богаченко, его теплую улыбку, она подумала, что в словах Виктории есть смысл — это очень походило на подставу. И когда Виталька подал, наконец, машину, Маруся ехала на работу с этой мыслью, и именно ее высказала редактору. Однако Пуся, обозвав ее дурой, перекроил сюжет так, что Богаченко безусловно казался виновным, и запланировал его в эфир в выпуск вечерних новостей. Глядя, во что превратилась ее работа, Маруся лишь от злости кусала губы, стараясь не расплакаться. И на этот раз выбросить учителя-героя из головы не вышло.

Глава 4. КАПКАН

Осень обрушилась на город с таким неистовством, что моментально выстудила дома, вынуждая их обитателей кутаться.

Алена тоже мерзла, но совсем по другой причине. Ее зыбкий мирок кажущейся стабильности рухнул в одночасье, когда отца обвинили в сексуальных домогательствах по отношению к школьнице. В Интернете запестрели статейки, мерзкие, тошнотворные, в которых Сергей Богаченко представал как монстр, растлевающий своих учениц. И самое ужасное, что все это затеяла Танька, подружка, змеища, вхожая в их дом, после откровений которой интернет-тролли начали наперебой признаваться, что их тоже совратил эталонный педагог, заслуженный учитель, почетный горожанин.

Алена не ходила в школу уже четыре дня, но находиться дома тоже не было сил, потому она, едва открыв глаза, вставала и выходила на улицу, отгоняя от себя скользкую мысль, что все это может быть правдой.

Отец тоже не ходил в школу, сидел у себя и смотрел пустым взглядом в телевизор, совершенно дезориентированный и напуганный. Он пытался поговорить с Аленой, но она была не настроена на диалог. В ее глазах он виновен, неважно в чем. Он разрушил ее жизнь, и потому должен быть наказан.

А как-то утром мать велела ей собирать вещи, чтобы съехать на съемную квартиру, подальше от растлителя юных девиц. В новой квартире воцарилось окурками, кишели тараканы, но на приличное жилье у них денег не было.

Алена — не дура, и, допуская мысль о вине отца, она была убеждена, если у него что и было с Танькой, то исключительно по инициативе под-

ружки. Она не забыла разговоры на школьной линейке, но тогда, хотя разговор ей не понравился, она не восприняла его всерьез. А вот зачем подруга устроила этот скандал, Алена не понимала. В последнее время она к ним зачастила, приходя как бы невзначай в то время, когда отец был дома. Думая о подставе, Алене хотелось врезать Тане по порочной физиономии и бить, бить, пока не станет больно рукам. Она злилась на отца, который, как школьник, не устоял перед соблазном, но на Таню злилась гораздо сильнее. Это двойное предательство разъедало ей душу. А еще она не понимала, откуда взялись порнофото, что нашли полицейские, ведь их обнаружили на их домашнем компьютере, а не на отцовском ноутбуке, что было бы логичнее.

Год назад Алена просто билась бы в истерике, а сейчас она вдруг осознала, что уже не ребенок, и надо самой разбираться в том, что происходит вокруг ее семьи.

Первое, что она сделала, это позвонила Таньке, но та, видимо, заблокировала ее номер, поскольку ни один звонок не прошел, а в мессенджерах ее панические и злые сообщения остались не просмотренными. От одноклассниц Алена узнала, что Таня тоже не ходит в школу и пишет подружкам в соцсетях, что унижена и раздавлена, а родители заперли ее в «темницу».

Пересланное сообщение, написанное в легковесном тоне, заставило Алену сомневаться, что подруга в печали, и она отправилась к Тане. Без труда проникла в подъезд и долго звонила в дверь, закрыв рукой «глазок». За дверью — тишина, подруга не подавала признаков жизни. Алена решила, что лучший выход — дожидаться с работы родителей Тани и потребовать объяснений. Она оккупировала детский домик на игровой площадке и сидела, ежась от холода, боясь пропустить возвращения родителей, которые могут прийти к дому с двух разных сторон. Но вместо этого она увидела подъезжающий к подъезду «ренджровер», из которого выпорхнула счастливая Таня. Она обогнула громадный, как танк, автомобиль, подбежала к передней дверце, стекло которой поползло вниз, и припала к лицу мужчины, впиваясь в него страстным поцелуем. Алена не видела, кого целует Таня, но ясно, что это не отец, хотя бы потому, что у него нет машины, тем более «ренджровера».

Машина уехала, и Алена побежала, чтобы перехватить подругу, но та успела юркнуть в подъезд. Алена кинулась за ней, но не успела — лифт уже уехал, и тогда она побежала по лестнице на третий этаж. Таня ковыряла ключом скважину, стоя спиной к подруге, и резко обернулась на топот. На ее лице мелькнул ужас, который тут же сменился непробиваемой стеной высокомерия. Алена впечатала подругу в стенку, и та, взвизгнув, прошептала:

— Ой, мамочка, это ты, а я думала...

Алене было совершенно не интересно, что она думала, а зря: если бы она выслушала, то избавила бы свою семью от кучи проблем, но она не стала слушать, а громко закричала, прижимая Таню к стене:

— Что ты сделала, тварь? И зачем? Ты же врешь, врешь!

— Пусти! — захрипела Таня, но Алена давила все сильнее, и тогда Таня, извернувшись, ударила ее коленом в пах. Алена, ахнув, отпустила Таню, и та, быстро провернув ключ, распахнула дверь. Алена тут же втиснулась следом. Несколько минут они сосредоточенно пыхтели и толкались, пока Алена не ввалилась в прихожую, уронив подругу на пол. Привалившись к стене и тяжело дыша, она спросила:

— Зачем ты соврала?

— Почему ты думаешь, что я соврала? — апатично ответила Таня, не поднимаясь с пола.

— Потому что ты крутишь роман с богатым мужиком на «ренджровере». Ты стала спать с ним задолго до того, как обвинила отца в изнасиловании.

— Я не обвиняла его в изнасиловании, — презрительно фыркнула Таня. — Я говорила, что он меня домогался и... я не устояла — он так красив, просто бог, а я слаба... Но я ничего такого не хотела.

— Ты сама ходила в наш дом и строила ему глазки. Ты на линейке сказала, что готова с ним переспать. Зачем? Зачем ты это делала, если ничего не хотела?

Вдруг Таня рывком поднялась и посмотрела на бывшую подругу с холодной яростью:

— Затем, что в этой паршивой жизни выживает только сильнейший. И каждый борется сам за себя. И я свой выбор сделала, так что мне плевать, что ты там думаешь, я не желаю тебя больше видеть!

— Это взаимно, — холодно ответила Алена и ушла...

Главврач клиники пластической хирургии, где еще совсем недавно успешно оперировал ныне покойный Саби Бебусенов, ломала комедию не менее двадцати минут, да так умело, что вывела Тамару из себя. Незадолго до того Анна Кузьмина, увядающая блондинка неопределенного возраста, не пришла на допрос, отделавшись справкой о плохом самочувствии, и сейчас, когда она застала в кабинете явившихся без предупреждения Тамару и Василю, пару минут заполошно кудахтала. Потом взяла себя в руки, стала отвечать на вопросы, но то и дело сбивалась на восторженные эпитеты в адрес покойного коллеги, мол, какая это была потеря для клиники и всего человечества. Тамаре это надоело, и она хлопнула ладонью по столу, сбив Кузьмину с мысли.

— Анна Ильинична, оставьте эти восторги для поминок, право слово! Я ищу убийцу, а не собираю деньги на венки. Давайте по существу.

Кузьмина откинулась на спинку кресла и холодно улыбнулась:

— Отвечать по существу и поставить клинику под удар? В нашем деле, дорогая, лучше лишний раз не открывать рта. Сами понимаете, какие люди у нас тут лежат... Кстати, у вас очень изящные скулы, и носик прекрасный.

Василий закашлялся, Тамара даже бровью не повела.

— Да, мне говорили, — небрежно бросила она. — Анна Ильинична, я не собираюсь впутывать клинику в какие-то темные дела, но, возможно, среди ваших пациентов есть люди, обиженные на Бебусенова. Ну, губы перекачал, грудь недодул, лицо перетянул...

— Саби был прекрасным хирургом, — покачала головой Кузьмина. — Из-под его скальпеля такие куколочки выходили, закачаешься!. Он был прекрасным пластическим хирургом, от бога, не каким-то там халтурщиком. Так что, увы, описанная вами ситуация невозможна.

— Не буду спорить, — согласилась Тамара. — Тогда давайте перейдем к тем, кто мог отомстить Бебусенову за смерть близкого человека.

Кузьмина сразу подобралась, ее и без того бледные щеки налились синевой. Еще минуту назад Тамара дала бы ей сорок, но теперь перед ней корчила гримасы семидесятилетней старуха.

— Не понимаю, о чем вы, — жестко ответила Кузьмина.

— Анна Ильинична, я все знаю про операцию, которую Бебусенов проводил под кокаином. И знаю, что пациентка умерла. Я же не с улицы к вам пришла. Вот ответ Минздрава. Двадцатого мая в вашей клинике скончалась Ирина Батарышкина, сорок четыре года, владелица сети косметических салонов, супруга бизнесмена Льва Батарышкина и, что еще интереснее, единственная дочь бывшего прокурора города.

Кузьмина бегло посмотрела на выписку Минздрава и с задумчивым видом заговорила:

— Ну, что ж, раз уж вы знаете... Да, тогда мы думали — все, конец нам, Бебусенов нас похоронит. Я потом в кардиологию на две недели легла, боялась, что за мной придут. Саби, стервец, не впервые... Ах, да что там скрывать, он уже год плотно сидел на кокаине.

— Почему вы его держали?

— А что я могла сделать? Уволить? Он бы ушел к конкурентам, и те бы сразу взлетели до небес. Без Бебусенова клинике пришел бы конец, люди на него шли, даже из Москвы, даже из заграницы. Его нечем было заменить, он не брал никого в интерны, не хотел учить, а равного ему в городе просто нет. Я все думала: вот найду врача, выпру его к чертям, если не

завяжет, но все терпела, терпела, говорила себе, что к кокаину привыкают лет пять, и у него есть шанс соскочить... Вот и соскочил...

— Что случилось с Батарышкиной? — спросила Тамара.

— Случился идиотизм, — зло ответила Кузьмина. — Плановая рядовая операция, ничего такого. Ирина легла на блефаропластику, решила в очередной раз омолодиться, веки подтянуть. Мы такие пачками делаем. Она еще настояла, чтобы оперировал Саби. А он не хотел, он Батарышкиных недолюбливал. Когда он приехал оперировать, меня уже не было, иначе я бы увидела, в каком он состоянии, и не допустила... Заставила бы другого врача, а Батарышкина ничего бы не узнала. Ну, начал он делать операцию, и сделал. Успешно сделал.

— Но Батарышкина умерла.

— Сразу после операции. Тромбоэмболия. Саби работал без анестезиолога, обычно всегда обходилось, и в этот раз он тоже не вызвал врача. Потом орал, что всегда все было хорошо, Батарышкина прекрасно переносила наркоз, и его вины тут нет. Ну, началось следствие, ее отец, Семен Павлович Баринов, грозил, что всех на нары отправит, Батарышкин бушевал. Я у них в ногах валялась, молила не губить...

— И чем все кончилось? — спросила Тамара.

— Ничем. Дело закрыли. Я велела Саби решить дело, и он его решил: как-то договорился со следствием, и запись операции уничтожили. Я все боялась, что осталась копия, но, кажется, пронесло. Признали как смерть от неустановленных причин, очень обтекаемая характеристика. Сами знаете, как это бывает.

— Как вы думаете, отец Батарышкиной или ее муж могли поquitаться с Бебусеновым?

— Не думаю, — пожала плечами Кузьмина. — Устанавливать правду — ваша работа, но... Ее отец, Семен Павлович... Вы же знаете, он дочь ненадолго пережил, умер от инфаркта в августе. А я, простите, как-то не верю, что он нанял киллера, и тот, не зная о смерти заказчика, решил довести до конца «дело чести». И потом, Баринов был на пенсии, какие бы ни были у него связи, его давно никто не брал в расчет.

— А муж?

— Муж... Муж объелся груш. Лева недолго горевал. Он тот еще ходок. Очень сложно скрыть наличие любовницы, если в клинике пластической хирургии счета сразу двух женщин оплачиваются с одной карты. Они даже лежали у нас одновременно: Ирина и его пассия Ксения Карелина. Так что поверьте, едва Ирину схоронили, Лева быстро утешился на груди этой соплячки. Недавно я Карелину встретила, она похвасталась кольцом

с камнем неприличного размера. Так что очень скоро она станет новой мадам Батарышкиной.

— Как-то вы нелестно о Льве Батарышкине, — заметил молчавший до того Василий.

— Батарышкиных не только Саби не любил. Я тоже не испытывала к ним симпатии, хотя знаю уже лет тридцать. Ирочка, конечно, была хорошей женщиной, но так слепо любила Льва, так старалась ему угодить по молодости, а потом все жила по инерции, соответствовала...

— В порядке бреда... — прервала ее Тамара. — Не могла ли любовница Батарышкина или он сам каким-то образом ускорить смерть жены?

— Я не поняла, — нахмурилась Кузьмина. — Как это?

— Ну... Подменить препарат. Подкупить медсестру или даже Бебусенова.

— По-моему, вы детективов начитались. Как вы себе это реально представляете? Ксения и Ирина лежали на разных этажах, не говоря уже о том, что хирургия тоже на другом этаже, туда нет хода посторонним. Да и людям после операции очень проблематично двигаться по помещению. Что до подкупа врача... Саби прекрасно зарабатывал, надо было предлагать очень большие деньги за такую смерть, ведь он рисковал вообще остаться без практики. Так что выбросьте эту чушь из головы.

— Ну, я же сказала: в порядке бреда, — миролюбиво заметила Тамара и, спохватившись, добавила: — А у вас не случилось иных происшествий с участием Саби?

— Вроде нет, — ответила Кузьмина. — Саби был на редкость миролюбивым человеком, тихим, интеллигентным, прекрасно воспитанным. Я лишь пару раз слышала, чтобы он ругался. Так что вряд ли убийство связано с клиникой. Это, конечно, мое мнение, хотя...

— Хотя — что?

— Вы спросили: не было ли здесь происшествий, и я сказала — нет, потому что одно из таких не было связано с клиникой напрямую. Но недавно к Саби приходил мужчина, я сама видела. Очень хотел увидеть, ждал во дворе. Потом подъехал Саби, и они минут двадцать о чем-то разговаривали. После этого Саби отменил операцию, сорвался с места и куда-то уехал, а на следующий день пришел на работу под кокаином. Я велела ему взять больничный.

— Почему вы обратили внимание на этого мужчину? — спросил Василий.

— Потому что он абсолютно не вписывался в пейзаж, — серьезно ответила Кузьмина. — Пришел пешком. Очень бедно и грязно одет, типичный бомжара. Я вообще не понимаю, как его охрана впустила. А Саби с ним разговаривал как-то... заискивающе. Мне показалось, что он этого муж-

чину испугался. После той встречи Саби был дерганый несколько дней, а потом его убили.

— Вы можете описать этого мужчину? — спросила Тамара.

— Не уверена, но я могу позвонить нашим охранникам, они под камерами стояли, так что записи должны сохраниться. На записи вы точно увидите, с кем разговаривал Саби.

Выйдя из кабинета Кузьминой, Тамара молчала, пока не пришел лифт, а затем, пока кабинка спускалась на первый этаж, она сказала:

— Неизвестный мужчина, о котором говорят и главврач, и жена... По моему, это ниточка.

— Возможно, — ответил Василий. — Мне тоже интересно, почему Бебусенов боялся какого-то бомжа.

На сей раз следователь Царева Сергею кофе не предложила, в коридоре отодвинула его от дверей как неодушевленный предмет, заставила выждать в коридоре, и, когда, наконец, пригласила войти, он уже оцетинился так, что был готов отразить любые атаки. Унизительный обыск и обвинения от Тани остались в недалеком прошлом, и теперь, спустя пару дней непрерывных размышлений, он был готов не только защищаться, но и нападать.

Царева явно зябла, куталась в шаль и на Сергея смотрела мрачно, однако ее хриловатый голос был все так же четко смодулирован, а в интонациях не было ни единого намека на то, что она в курсе недавних событий.

— Что у вас с лицом? — спросила она, мельком взглянув на Сергея и отметив его подбитый глаз.

— А то вы не знаете? — огрызнулся он.

— Представьте, не знаю, я же не слежу за вашими перемещениями. Меня интересует только дело Бебусенова, где вы — возможный свидетель. И я вызвала вас, чтобы уточнить несколько деталей.

— Ну, конечно, — саркастически фыркнул Сергей. — Я так полагаю, дело Саби совсем тухлое, раз вы готовы повесить его на кого угодно, а раз подозреваемые не колются, давайте им устроим какую-нибудь подставу. Например, обвиним в попытке соращения малолетней.

— Все еще не понимаю, о чем вы, — холодно отреагировала Тамара.

— Неужели? Так давайте я вам объясню. Меня моя ученица, подружка дочери, обвинила в попытке изнасилования, куча новостей вышла, где прямым текстом говорили, что я — педофил. Разгневанная общественность получила от вас команду «фас!», ну а моя подбитая физиономия — результат деятельности перепуганных папаш из родительского комитета. Грязно работаете, мадам.

— Сергей Владимирович, выбирайте выражения! С чего вы взяли, что это звенья одной цепи?

— С того, что я не вчера родился, и кое-что в этой жизни соображаю. Например, то, что два преступления были совершены в разных районах города, но вот парадокс: расследуют их следователь Тамара Царева и — чудо из чудес — старший оперуполномоченный Геннадий Царев. Немного покопавшись в Интернете, я узнаю, что это муж и жена. Прямо сериал. Муж и жена объединяют усилия, чтобы закатать под асфальт злобного маньяка, не брезгуя ничем. Никак не могу понять, вы положительные или отрицательные персонажи?

Вот тут Сергей почувствовал, что попал в точку, потому что Царева заморгала и судорожно сглотнула, съездившись еще больше. Он смотрел на ее корчи с отвращением.

С работы его, конечно, турнули. Директриса разговаривала с ним по телефону насморочным голосом мультипликационной совы, так и не отважившись на личную встречу, объявив, что пока — она подчеркнула это «пока» — он находится в административном отпуске. А когда Сергей упавшим голосом поинтересовался, когда ему выходить на работу, Алла Антонова, вздохнув, ответила:

— Голубчик мой, да откуда же мне знать? Надо, чтобы скандал утих, ведь дело такое... Я откровенно вам скажу, что в расскази этой малолетней шалавы не верю ни на грош, но журналисты вокруг нас просто окопались, а дети, эти мелкие мрази, рассказывают всякую чушь о вас. Я валокордин пью литрами, представляю, каково вам приходится.

— Нет, не представляете, — буркнул Сергей.

— Верно, не представляю. Я уже слышала, что на вас напали — родители хвастались в чатах, и боюсь, это только начало. Но на меня давит Минобразования, я не могу не отреагировать. В наше время раздавить человека так просто. Извините глупую и трусливую старуху, но мне надо и самой как-то продержаться, а то вылечу следом за вами. Ради Христа, Сереженька, простите мне мое малодушное предательство, но у меня нет сил биться вместе с вами против них в одном окопе...

— Бог простит, — прошептал Сергей.

На него действительно напали на следующий день после выхода в свет сразу нескольких разоблачительных статей и сюжетов на телеканалах, и он даже запоздало удивился, как хорошо была спланирована эта акция. Несколько дюжих мужиков подкараулили его у подъезда, и, без всяких разговоров, кинулись на него, избивая в молчаливом единодушии, прерываемом лишь его вскриками и их хэканьем. Он отбивался, как мог, успел вырваться, вбежать в подъезд и добраться до квартиры, а там, пока они моло-

тили в дверь, вызвал полицию. Те прибыли через четыре часа, составили протокол, глядя на него с отвращением, и удалились. А утром весь подъезд был расписан из баллончиков. Черные стрелы на белых стенах указывали на его квартиру, а на двери красной краской было выведено: «Здесь живет педофил!» Весь остаток дня Сергей оттирал, забеливал, закрашивал надписи, чтобы утром увидеть их на прежнем месте. Заперевшись дома, он и так, и этак ворочал произошедшее, пока его не вызвали давать показания по делу потерпевшей Татьяны Шишкиной, где старший оперуполномоченный представился Геннадием Царевым. Вот тогда пазл сошелся. Потому сейчас, глядя в черные, как ночь, глаза женщины напротив, Сергей чувствовал, как его захлестывает ярость.

— Таня, наверное, во что-то впуталась? — поинтересовался он. — Ведь иначе вы вряд ли смогли бы уговорить ее участвовать в этом балагане.

— И я снова вас не понимаю, — спокойно ответила Царева.

— Может, хватит? — поморщился Сергей. — После того как убили Саби, на меня посыпался град проблем, эта история с изнасилованием, увольнение, освещение в прессе. Только не говорите, что вы и ваш муж в этом не участвовали.

— Бывший муж, — поправила Тамара, потерла озябшие руки и добавила: — Ну, почти бывший, мы в процессе развода.

— Одно другому не мешает, — съязвил Сергей.

— Как сказать, — вздохнула она и предложила: — Давайте все-таки вернемся к нашему делу. Согласно распечаткам звонков с домашнего и мобильного телефона Бебусенова, он звонил вам и некоему Владимиру Вершинину. Это тоже ваш друг детства?

— Тоже.

— Вы виделись с ним?

— После смерти Саби. Володя говорил, что Саби хотел встретиться.

— Сергей Владимирович, показания супруги Саби говорят, что он был очень нервным в последнее время, и вдруг, буквально в один день, попытался собрать вместе друзей детства, с которыми не общался более двадцати лет. С чем может быть связано это желание?

— Не знаю, — сквозь зубы процедил Сергей. — Я его не видел.

— Вы не застали Бебусенова дома. Вершинин пообещал приехать, но не приехал. А потом у вас начались проблемы. Это совпадение?

— Не думаю, — усмехнулся Сергей. — Слишком хороший сценарий. Профи поработали, наверняка, в погонах.

— Давайте оставим оскорбления. Итак, вас обвиняют в попытке изнасилования. Вы знали, что в клинике Бебусенова умерла пациентка, и, вероятно, он виновен в ее смерти? И еще есть сведения, что примерно месяц

назад ваш друг Вершинин начал испытывать серьезные финансовые затруднения. Вам об этом что-то известно?

Сергей отрицательно качнул головой.

Тамара еще немного погоняла его по прежним вопросам, поинтересовавшись, не видел ли он мужчину с воздушными шариками, и точно ли не входил в квартиру Бебусенова. Она не сводила с него взгляда и, не дождаввшись ответа, небрежно произнесла:

— Вы врете, Сергей Владимирович. Причем врете достаточно безыскусно, в вашем возрасте это просто стыдоба. Встретившись с Вершининым, вы наверняка обсудили с ним произошедшее, и сейчас знаете или догадываетесь, кто убил Бебусенова. Не исключаю, что вы скрываете это, потому что боитесь. Или потому что в чем-то замешаны.

— Ни в чем я не замешан. Даже в том, что мне пытаются вменить ваш муженек. Ах, пардон, почти бывший муженек. Что-то еще хотели узнать?

— Пока нет, но мы вас вызовем, когда понадобится, — ответила Тамара. — И, если позволите, я все-таки дам вам совет.

— Спасибо. Не нуждаюсь.

— А я все-таки дам, мне это ничего не стоит, а вам будет полезно. Рекомендую вам сотрудничать со следствием. Рано или поздно все тайное становится явным. И из города не уезжайте.

— На улицу хоть можно выходить?

— На улицу можно, — кивнула Царева, подписала пропуск и передала Сергею.

Домой он добирался окольными путями, стараясь не соваться в те места, где его могли узнать. Но незаметно юркнуть в подъезд у него не вышло. К дому, визжа тормозами, подкатил гигантский «ренджровер» и перегородил путь. Сергей отшатнулся и поднял глаза. Водительское стекло поползло вниз, и ему показалось, что сейчас его застрелят.

— Здорово, Серый! — послышалось из салона.

— Здорово, Колян, — выдохнул Сергей.

От прежнего Николая Безуглого, которого девушки в минуты нежности называли Колястиком за обширность его габаритов и доброту, осталось мало что, разве что объемы стали еще больше. Колястик обрюзг, растолстел, его прежнее тело борца превратилось в шар, волосы поредели, обнажив на макушке внушительную плешь. От друга детства узнаваемыми остались лишь глаза, выпуклые и влажные, как у пса, да длинный тонкий нос.

— Сколько мы не виделись? — спросил Сергей.

— Не знаю, — пожал плечами Николай, — лет двадцать, может, двадцать пять. Ты ведь игнорировал даже встречи выпускников.

— А ты прям ходил?

— Ну... Несколько раз, еще молодым. Потом бросил. Стало как-то неинтересно. Если честно, я старался как-то отгородиться от всех и сознательно никого не искал, особенно вас. По-моему, все так делали, или я ошибаюсь?

— Не ошибаешься, — вздохнул Сергей.

— А чего у тебя глаз подбит?

— Долгая история. Где ты, кто ты сейчас, Колян?

Безуглый улыбнулся, и от его улыбки стало как-то теплее, потому что она тоже была прежней, из того, еще счастливого прошлого, где не было смерти охранника и шантажа бывшего приятеля.

— Я-то? Да я нормально. Жена, двое детей, бизнес, дом за городом.

— Чем занимаешься?

— А то ты не знаешь! Нет, правда не знаешь? Хотя... Да чем двадцать лет назад стал заниматься, тем занимаюсь и сейчас. Кладбищем заведу. Дело прибыльное, клиент постоянный, потому как, что бы в нашей стране не происходило, люди не перестанут умирать. Я как женился, так и стал этим заниматься, подхватил, так сказать, знамя тестя и его семейный бизнес. Недавно Вован нашел меня и сказал, где тебя искать. Я и поехал.

Они так и сидели в машине перед домом, не удосужившись даже отъехать, а Сергей, по непонятным даже для себя причинам, не стал приглашать друга в дом, чувствуя, что Безуглый появился тут неспроста. Тащить в дом ту грязь, которая наверняка налипла к биографии Колясика, ему не хотелось.

— Когда Славка тебя нашел? — спросил Сергей.

— В середине августа.

— И на чем подцепил? Что ты натворил, Коль?

— Не я, — с досадой ответил Николай. — Самое обидное, что не я. Тестюшка покойный, кол ему в горло. Дело давнее. Помнишь, может быть, про Гусинобродский передел, когда рынок делили?

— Смутно. Это же лет двадцать назад было.

— Ну а я о чем? Двадцать лет назад бригада Вити Шпирера билась с командой Лехи Слона за рынок. Бились с переменным успехом, но народу тогда полегло немало. Я уже женат был, Мишка мой на подходе был, Лялька последние месяцы донашивала. Вот тогда Шпирер и пришел к тестю с просьбой, а тесть забоялся отказать. В общем, тогда на кладбище частенько бойцов хоронили из обеих бригад, кого надо было втихую, чтобы менты не подкопались. Когда это дело прекратилось, тесть вздохнул спокойно. Ну а потом передал дело мне, сам ушел на покой, да и помер. Я такими делами не занимался, жил себе, как белый человек, думать забыл об этой

истории. А в конце августа ко мне пришел Славка и борзо так потребовал бабла за молчание. Он все про могилки знал.

— Ты заплатил?

— Послал я его. Если честно, вообще видеть не хотел... Но уж больно нагло все было, он разговаривал со мной, как хозяин со слугой. В общем, я отказал. А он и не настаивал, оскалился только и сказал, что пожалею, на коленях к нему приползу. Я его за шкирку выволок и велел больше не пускать. А потом ко мне пришел один мужичок с деловым предложением. Мутный тип с приветом от Вити Шпирера, который давно уже за границей, но свои ниточки тут остались. И попросил меня этот мужичок продолжить «семейный бизнес». Я, конечно, ветошью прикинулся, но мужичок сказал, что все знает про наши с тестем дела, и даже знает, в каких могилках лежат по двое покойников.

— И что ты?

— Послал. А на следующий день ко мне в дом влезли, перебили все, на столе черепушку оставили, натуральную, человеческую, почти как в «Крестном отце», Лялька испугалась, особенно тому, что я ментов не позвал. Она же про дела отца ничего не знает. А я знал, даже помогал. Такие дела, Серега. Тебе фотокарточку тоже по нашим делам попортили?

Сергей вкратце рассказал про визит Славы, про обвинение в попытке совращения, о звонке Саби и его убийстве. Николай слушал молча, не перебивая, а потом глухо спросил:

— Думаешь, это Славкиных рук дело?

— А ты?

— Не знаю. Но все реально началось после того, как он к нам пришел.

— Почему сейчас, Колян? Ведь двадцать пять лет прошло. Кто ему рассказал о наших секретах? О Володькиных делах с баблом, о смерти какой-то бабы в клинике Саби, о кладбище... Откуда у конченого алкаша такая информация, за которую нехило заплатят любые конкуренты?

— Ну у тебя какие конкуренты? — криво усмехнулся Николай. — Физрук и трудовик на твое место метят? Ты вообще не вписываешься в эту схему.

— Почему?

— А ты не сделал ничего плохого в реале. История с этой девчонкой — хрень, если ты, конечно, на самом деле с ней не спал.

— Да не спал я! — взвыл Сергей.

— Не ори, верю. На тебя у Славки ничего не было. Тебя, скорее, на понт взяли, по той истории еще, в надежде, что испугаешься и заплатишь. Ты дал ему в рыло, а потом появилась эта девчонка с обвинениями. У Славки на нее что-то было, скорее всего. С ней бы поговорить по душам. Не думаю, что она будет играть в Зою Космодемьянскую.

— Лучше Славку найти, — вздохнул Сергей.

— Лучше, да только где? Он же в детстве в частном секторе жил, там давно уже новостройки. Володька его искал, не смог найти. Прописки нет, следов никаких, будто он ниоткуда взялся.

— Мне кажется, что он двадцать пять лет за нами следил, не выпуская из виду, — предположил Сергей. — Надеялся, что пригодимся. Вот, пригодились.

— Он — алкаш, — зло отрубил Николай. — Спившийся, конченный алкаш с отбитыми мозгами. У него бы ума не хватило на такую схему. Одно дело просто пойти к старым дружбанам и попросить бабло, и совсем другое — утопить нас в шантаже. Это денег стоит, Серый.

— Думаешь, за ним кто-то стоит?

— К гадалке не ходи. Славка кому-то по пьяни рассказал историю четырех успешных людей, и этот кто-то уцепился за нее, и нам решили пощипать перья, используя Славку как наживку. Саби заартачился, и его убили.

— Знаешь, что странно, — задумчиво произнес Сергей. — То, что его убили. Ведь Славка ни к кому не пришел во второй раз. Ему все отказали, я вообще в морду дал. И он смиренно воспринял отказ, после чего сразу начал шантажировать, не попытавшись выжать денег. А потом пошел и убил Саби. Зачем?

— Что-то пошло не по плану, — предположил Николай. — Двадцать пять лет назад кто-то, скорее всего, Славка, забрал пистолет, хранил его, а потом пошел к Саби за деньгами. Тот начал артачиться и получил пулю.

— Не думаю, что именно так было.

— Да хрен знает, как там все было, Серег, — разозлился Николай. — Но в одном ты прав: он больше не проявился. Сидит где-то и ждет, что мы сами к нему придем с баблом. Но главное, что в этой истории есть кто-то еще. Возможно, Славка по пьяной лавочке кому-то проболтался, а этот неизвестный умник взял его в оборот. Здесь замешано большое бабло, поэтому нам надо найти этого козла Попова как можно скорее и спросить, кто его на нас науськал.

— А что с ним будет потом? — похолодев, спросил Сергей.

— Ничего с ним не сделается. Ты, главное, не кисни и телефон держи при себе. Разберемся.

Сергей попрощался, вышел из машины, но в последний момент вернулся, наклонился к окну и, запинаясь, произнес:

— Коль, тогда... Ты знаешь, кто стрелял?

— Знаю, Серый, — улыбнулся Николай и завел мотор. Стекло поползло вверх, машина двинулась с места и выехала со двора.

Сергей пару мгновений смотрел вслед «ренджроверу», а когда оглянулся, то чуть не подпрыгнул на месте. За его спиной стояла Алена и провожала машину тяжелым взглядом.

— Пап, — хрипло спросила она, — а кто этот мужик, с которым ты сейчас разговаривал?

— Напугала, — выдохнул Сергей. — Чего на улице стоишь?

— Я за вещами пришла. Так кто этот дядька?

— Никто, друг детства, пойдем, — отмахнулся Сергей и направился к дверям подъезда, но дочь не двинулась с места, глядя, как машина Безуглого скрывается за выездом. — А что?

— Ничего, — ответила Алена каким-то странным, неживым голосом.

Дарья Богаченко сама не понимала, что заставило ее пуститься в авантюру, которая медленно начала разрушать ее брак задолго до катастрофы, раз и навсегда разметавшей упорядоченную жизнь. Но тогда маленькая шалость на стороне казалась ей вполне оправданной: муж, когда-то такой любимый, идеальный, внимательный, понимающий, прекрасный любовник и заботливый отец, вдруг опостылел своей правильностью и какой-то нелепой... стерильностью, что ли? Его педагогические навыки применялись не только на работе, но и дома, отчего ссориться с ним было проблематично. Он не забывал купить продукты, не ходил в грязных носках, готовил, если она была занята, гулял с Аленой, когда та была маленькой. Не мужчина — сокровище. Но порой Дарья его за это ненавидела.

Впервые она изменила Сергею, когда Алене стукнуло пять, и она научилась развлекать себя самостоятельно куклами, телевизором и рисованием. Будни Алена проводила в детском саду, но на выходные оставалась дома с родителями. В субботу Дарья оставила дочь с мужем, ушла на работу, и там, одна в пустой парикмахерской, неизвестно по какой причине, решила отдаться старому клиенту, обычному крепкому работяге-мужику. Все прошло быстро и суетливо, но Дарья получала извращенное удовольствие от мысли о скандале, который затит Сергей — ведь сегодня она вернется позже обычного, пропитанная запахом другого мужчины.

Но Сергей ничего не сказал, и Дарья была разочарована. Несколько раз она пыталась признаться мужу в измене, чтобы посмотреть, как этот плевков смоеет с его лица выражение вечного спокойствия, но не решилась. За семнадцать лет замужества в ее жизни появлялись еще несколько таких мужчин, но муж ни разу не поймал ее на измене. И она продолжала изменять, хотя желание быть пойманной потеряло свою остроту.

С годами Дарья стала разборчивее, выбирая мужиков из категории «перспективные». Алена уже выросла, и мысль о возможном разводе ка-

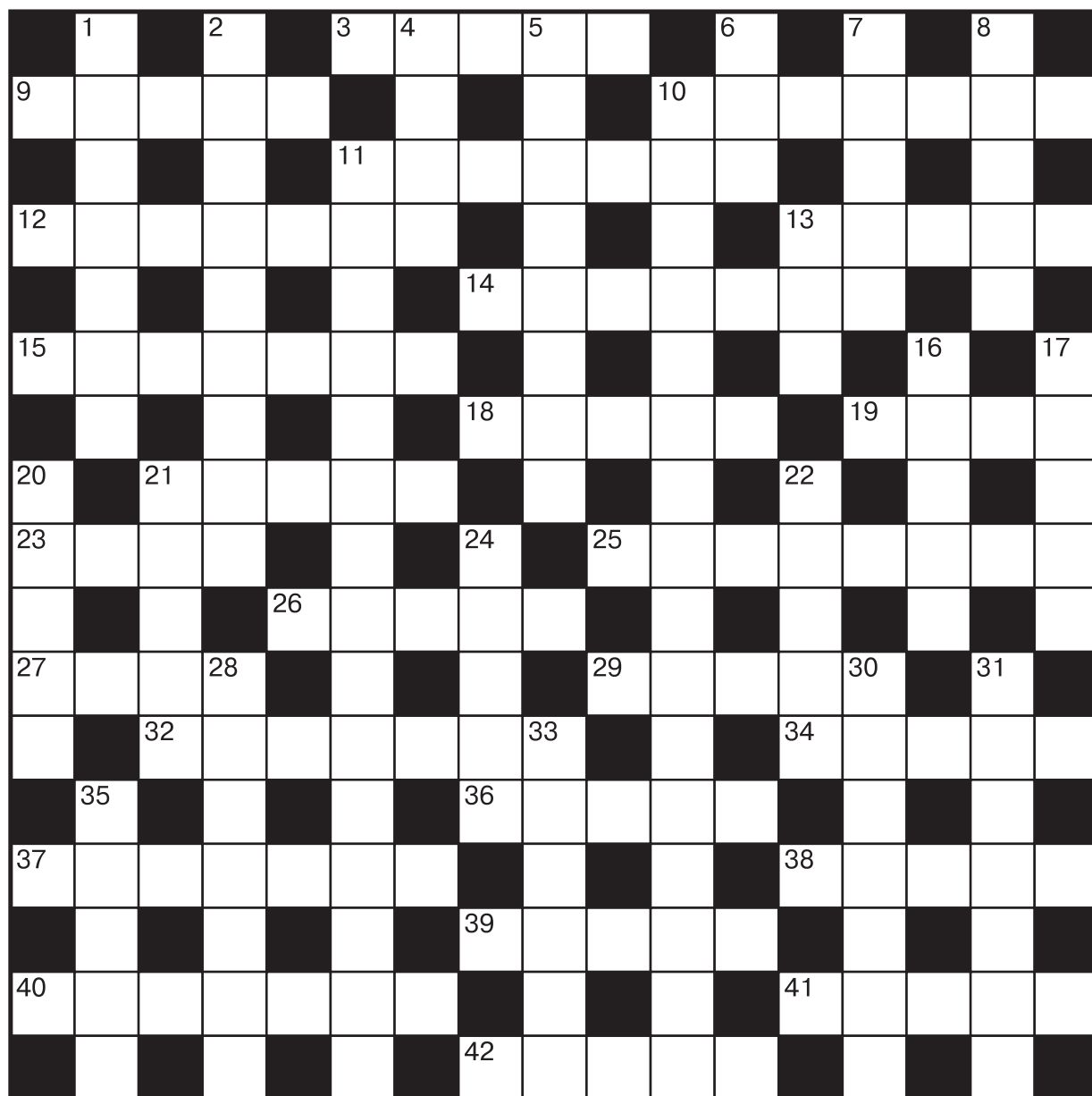
залась Дарье все более соблазнительной. Но ее никто не звал под венец, и это ее страшно раздражало. Мямля-муж вызывал все больше ярости своей бытовой беспомощностью и неумением, а, может, нежеланием зарабатывать. За несколько дней до уничтожившей их жизнь истории, к Дарье на работу подкатил на новенькой машине Витька Иванов, школьный физрук, приятель Сергея, благодаря выигрышу в лотерею в одночасье превратившийся в перспективного самца. Мысль, что он ни за что получил несколько миллионов, приводила Дарью в невероятное бешенство, которое она не могла объяснить даже себе самой. Неуклюжие подкаты Виктора казались ей омерзительными, но она находила в себе силы поддразнить его, позволяла проводить до дома и, наконец, увидела недовольство на лице мужа... А потом случилось ужасное, и Дарья, растерянная и напуганная, осталась одна, рядом с раздавленным обвинением мужем, и не нашла в себе сил поддержать его. Она была уверена, что все это подстава, сплошная ложь, но все-таки...

Все-таки...

Она бросила его одного и сбежала на съемную квартиру вместе с дочерью, отпросилась с работы на несколько дней и ночами напролет пялилась в щербатый потолок. И когда ей позвонил Виктор со своим фальшивым сочувствием, Дарья согласилась на встречу, потому что ей необходимо почувствовать себя живой, а рядом больше никого не было....

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Выхлоп огнива. **9.** Мероприятие в ресторане. **10.** Что может вклеить начальник? **11.** «Желтая вера». **12.** Четверть отчетного года. **13.** Что выставляет на продажу бондарь? **14.** Трубецкой ... Петропавловской крепости. **15.** Профессор, чье имя носит шкала силы

торнадо. **18.** «Отец русского постмодернизма». **19.** Где суда разгружают? **21.** Легендарный сыщик, убитый Агатой Кристи. **23.** Что заставляет чаще биться сердце отпетого авантюриста? **25.** «Если из вас постоянно делают дурака, значит, вы для этого благодатный ...» **26.** Какую

ящерицу австралийцы прозвали «домашней кошкой»? **27.** Что школьник прогуливает? **29.** «Хочешь есть?! Попей водички!» (вот ... анорексички). **32.** Кто держит удила в руках? **34.** Голливудская звезда, не устававшая напоминать своим детям, что их дедушка был простым каменщиком, а прабабушка — прачкой. **36.** Что дает охотнику фору перед зверем? **37.** Кто из героев Игоря Ильинского считал, что зрителя «голыми ногами» не воспитаешь? **38.** Американский зверь с сильным иммунитетом к змеиному яду. **39.** Голливудский секс-символ Уоррен ... **40.** «Уличная размазня» по осени. **41.** Чем античный драматург Эсхил советовал наказывать за празднословие? **42.** Кого из патриархов советского кино за яркость исполнения Никита Михалков потребовал заменить в фильме «Я шагаю по Москве»?

ПОВЕРТИКАЛИ: **1.** «Почувствовать посторонний ...» **2.** Проявлением

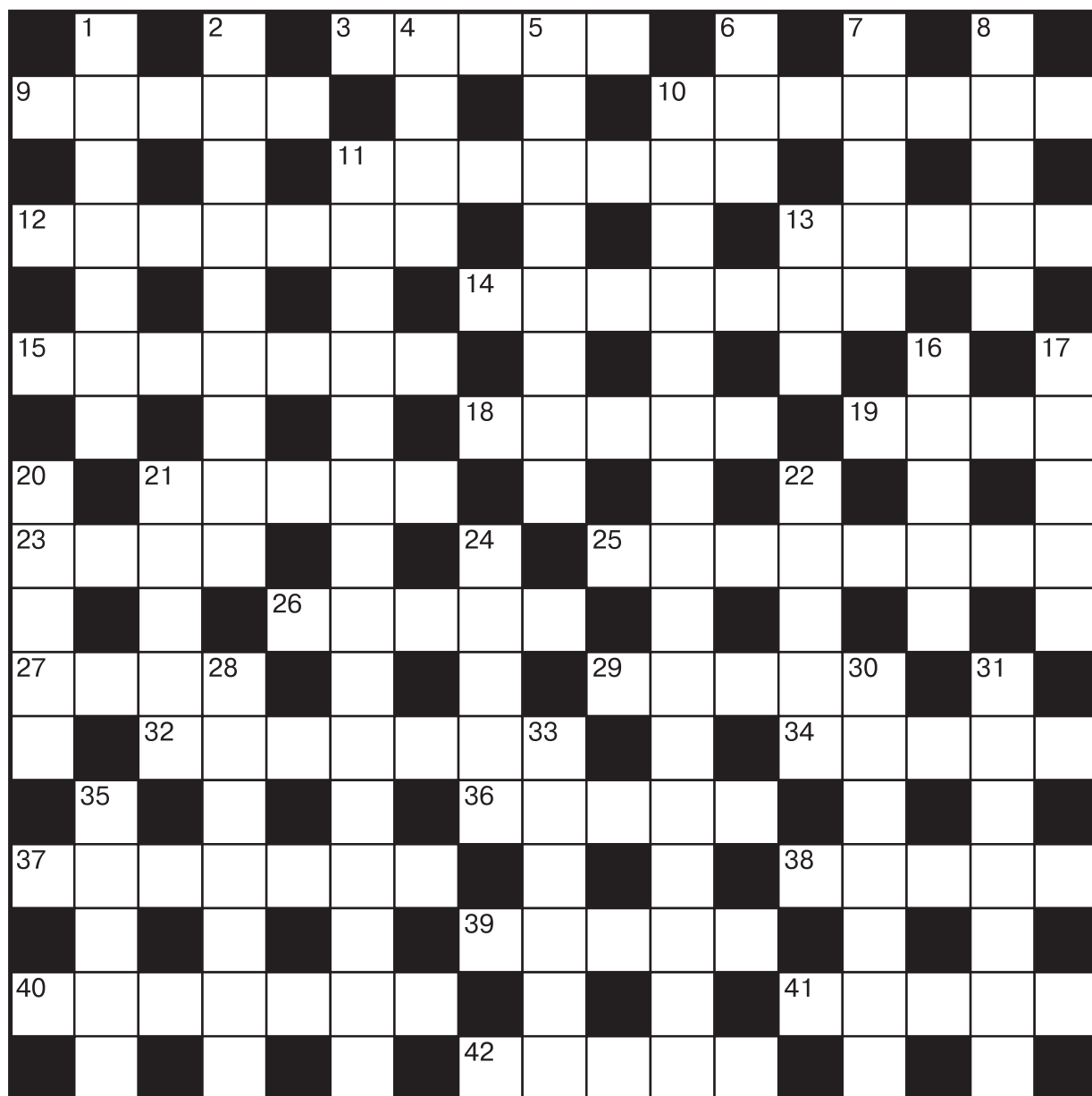
каких колебаний можно считать «голос моря»? **4.** Олимпийская столица на карте Азии. **5.** Что отравило жизнь на Земле в фантастическом боевике «Обливион»? **6.** «Мужний ... глаза не ест». **7.** Крылатый посланник дьявола. **8.** Солдат с ироничным оттенком. **10.** Коррупционный синоним. **11.** Какое качество озона используют в медицинской практике? **13.** «Царь Небесный». **16.** Что положено после отстоя пены? **17.** Пружинная ... с очень большим пределом текучести. **20.** Сочный полосатик. **21.** Где Андрей Тарковский снимал своего «Андрея Рублева»? **22.** Что таскает в портфеле герой комедии «Ирония судьбы»? **24.** Любимый плод канареек. **28.** На чем документы размножают? **30.** «Черная кошка разбивает ... пустым ведром» (самая плохая примета). **31.** Культовая книга «... людей» француза Антуана Сент-Экзюпери. **33.** Первый польский гонщик «Формулы-1». **35.** Лишайник в рационе северных оленей.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Жучок. **9.** Вирши. **10.** Шоколад. **11.** Радикал. **12.** Карабас. **13.** Лорка. **14.** Кератин. **17.** Винир. **20.** Лава. **23.** Фибула. **24.** Инаугурация. **25.** Тост. **26.** Соло. **27.** Тихий. **29.** Капля. **31.** Томат. **32.** Гонг. **33.** Дрова. **34.** Юниор. **35.** Лопух. **37.** Искра. **38.** Усадьба. **39.** Осмий. **40.** Баран. **41.** Пианист. **42.** Ункас.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Диван. **2.** Эшпай. **4.** Ужас. **5.** Офицер. **6.** Пол. **7.** Ворон. **8.** Гайка. **10.** Шагал. **11.** Радикулит. **13.** Лилия. **14.** Кижуч. **15.** Плоть. **16.** Свист. **18.** Мухомор. **19.** Каторга. **21.** Антиквариат. **22.** Батат. **23.** Финляндский. **28.** Йодопсин. **29.** Калугина. **30.** Пристав. **32.** Гордыня. **36.** Обыск.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** У кого, как иронично замечено, «асимметричное расположение извилин»? **9.** Какую собаку катает в санках дворовый мальчик из «Евгения Онегина»? **10.** Можжевельная водка по прозвищу «голландская храбрость». **11.** Фамилия братьев, основавших компании Adidas

и Puma. **12.** Шерстяная ткань сюртука из рассказа Эдгара По «Вильям Вильсон». **13.** Где у Кристиана Дидора, по его шуточному признанию, рождались силуэты его платьев? **14.** Самая соблазнительная из героинь Иоганна Гете. **15.** Кулинарная бумага. **18.** Рыцарь Круглого стола.

19. Водяной буйвол. **21.** Жаростойкий чугун. **23.** Библейский пророк, взятый живым на небо. **25.** Ближайшая, к тому месту, где проходит ежегодная сырная гонка в Великобритании, деревня. **26.** Старшая карта в комбинации. **27.** Золотая пыль. **29.** Туркменская безрукавка. **32.** Классическая комедия, чьи кадры попали не только в «Зеленую милю», но и в «Пурпурную розу Каира». **34.** «Танец булочек» нашего времени. **36.** Казахский сказитель. **37.** Северный деликатес из муксуна. **38.** Что вышло из «Института изучения Пути»? **39.** На каком диалекте лондонский сброд разговаривает? **40.** «Сибирский красный свинец», «подаривший» миру хром. **41.** Ксерокопирование клетки. **42.** Из какого платоновского диалога мир узнал про Атлантиду?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Русский хоровод. **2.** Что выделил во владение отец Ричарду Львиное Сердце? **4.** Горный фазан. **5.** Растительная вытяжка, рас-

тертая с молочным сахаром. **6.** Легенда эстрады, всю жизнь мечтавшая стать голубоглазой блондинкой. **7.** Бог мрака у египтян. **8.** Кто из гонщиков «Формулы-1» получил от журналистов прозвище Волшебник? **10.** Что на самом деле стоит за «казнью» Михаила Берлиоза на Патриарших прудах? **11.** Спортивный «жупел». **13.** Через сколько лет после своей смерти Марк Твен завещал опубликовать свою автобиографию? **16.** Охотник в любовниках богини Эос. **17.** Древний народ в предках шотландцев. **20.** У какого тигренка из сказки Дональда Биссета пропали полоски? **21.** Карп, похожий на леща. **22.** Византийский «пограничник». **24.** Кто исполнил роль Гризабеллы на премьере мирового мюзикла «Кошки»? **28.** Письмецо старинного звучания. **30.** К кому приревновал жену Евгений Арбенин? **31.** Частица «медленнее скорости света». **33.** Макаронная «перловка» из Италии. **35.** Какой испанский десерт упомянут в романе «Происхождение»?

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Руэда. **9.** Глиэр. **10.** Кейвинг. **11.** Зерфюсс. **12.** Мандзай. **13.** Пршут. **14.** Грестль. **17.** Франж. **20.** Онам. **23.** Эвандр. **24.** Циркумпункт. **25.** Флан. **26.** Уала. **27.** Китон. **29.** Томаш. **31.** Негев. **32.** Фако. **33.** Монте. **34.** Цибет. **35.** «Ирисы». **37.** Кларк. **38.** Бафомет. **39.** Асана. **40.** Авран. **41.** Живерни. **42.** Вайеб.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Алмас. **2.** Сэнди. **4.** Урей. **5.** Дефорж. **6.** Бес. **7.** Свирь. **8.** Иноуэ. **10.** Ксест. **11.** Затрикион. **13.** Плавт. **14.** Гнома. **15.** Корфу. **16.** Пацак. **18.** Андабат. **19.** Арравон. **21.** Министерал. **22.** Зубов. **23.** Экранизация. **28.** Небраска. **29.** Теосинте. **30.** Боблово. **32.** Феномен. **36.** Пенне.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

23010

Дорогие читатели!

Все вы наверняка помните строчки из известной песни
«Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство,
чтоб вновь попасть туда?..» Детство — это, наверное, лучшее время
нашей жизни, светлое и теплое.

Увы, все когда-нибудь кончается... Но, постепенно уходя во взрослую жизнь,
мы храним воспоминания о прекрасной поре, которая была окрашена
в самые удивительные и невероятные цвета.

Вот мы и решили в 2023 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО...»

Напишите нам в форме рассказа или письма о самых ярких
и незабываемых моментах своего детства, об этом счастливом
(а может, и не очень) периоде в вашей жизни.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде
на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2023 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы
в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии
в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

